

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Ф

илософические
ПИСЬМА

Русско-европейский
диалог
3/2019

P

hilosophical Letters.

Russian and European Dialogue

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
РУССКО-ЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИАЛОГА

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА РУССКО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ

2019
Том (2) №3

ISSN 2658-5413

Эл. почта: philletters@hse.ru

Веб-сайт: ojs.hse.ru/index.php/phillet/index

Адрес редакции: ул. Старая Басманная, д. 21/4, Б-511, Москва 105066

Тел.: +7-(495)-772-95-90*12454

Редакция

Главный редактор

Владимир Карлович Кантор

Заместитель главного редактора

Елена Валерьевна Бессчетнова

Ответственный секретарь

Анна Александровна Доронина

Шеф-редактор

Вера Владимировна Калмыкова

Научный редактор

Ольга Анатольевна Жукова

Редактор

Илья Ильич Павлов

Серийное оформление

Петр Павлович Ефремов

Компьютерная верстка

Яна Витальевна Быстрова

Корректор

Марина Владиславовна Нагришко

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY "HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS"
INTERNATIONAL LABORATORY FOR THE STUDY
OF RUSSIAN AND EUROPEAN INTELLECTUAL DIALOGUE

PHILOSOPHICAL LETTERS. RUSSIAN AND EUROPEAN DIALOGUE

2019
Vol. (2) №3

ISSN 2658-5413

Mail: philletters@hse.ru

Web-site: ojs.hse.ru/index.php/phillet/index

Address: Staraya Basmannaya Str., 21/4, Room Б-511, Moscow, 105066

Phone: +7-(495)-772-95-90*12454

Editors

Editor-in-Chief

Vladimir Kantor

Deputy Editor-in-Chief

Elena Besschetnova

Executive secretary

Anna Doronina

Chief Editor

Vera Kalmykova

Scientific Editor

Olga Zhukova

Editor

Ilya Pavlov

Layout designer

Peter Efremov

Computer layout

Yana Bystrova

Proofreader

Marina Nagrishko

Редакционная коллегия

Владимир Карлович Кантор,

д. филос. н., профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий Международной лабораторией (МЛ) исследований русско-европейского интеллектуального диалога

Елена Валерьевна Бессчетнова,

к. филос. н., заместитель заведующего МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, преподаватель Школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Анна Александровна Доронина,

стажер-исследователь МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога, аспирантка школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

Гарсиа Бенами Баросс,

PhD, доцент, научный сотрудник Гранадского университета, Испания

Константин Абрекович Баршт,

д. филол. н., ИРЛИ «Пушкинский дом», Санкт-Петербург

Ирина Захаровна Белобровцева,

д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой русской литературы Таллинского университета, Эстония

Филипп Буббайер,

PhD, профессор, профессор Кентского университета, Великобритания

Игорь Леонидович Волгин,

д. филол. н., президент международного общества Ф.М. Достоевского, Москва

Людмила Димерская-Цигельман,

PhD, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, Израиль

Януш Добишевски,

PhD, профессор, профессор Варшавского университета, Польша

Ольга Анатольевна Жукова,

д. филос. н., профессор, заместитель заведующего МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ

Корнелия Ичин,

PhD, профессор филологического факультета Белградского университета, Сербия

Алексей Алексеевич Кара-Мурза,

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, главный научный сотрудник МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, Москва

Марина Сергеевна Киселева,

д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник ИФ РАН, главный научный сотрудник МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, Москва

Наталья Васильевна Корниенко,

член-корреспондент Российской академии наук, заведующая отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН, Москва

Хольгер Куссе,

PhD, профессор, директор Института Славистики Дрезденского технического университета, главный редактор журнала «Zeitschrift fuer Slavistik», Германия

Владислав Александрович Лекторский,

д. филос. н., профессор, академик Российской академии наук, Москва

Лев Львович Любимов,

д. э. н., профессор, заместитель научного руководителя НИУ ВШЭ, Москва

Леонид Люкс,

PhD, профессор, научный руководитель МЛ исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры», профессор Католического университета г. Айхштэтт, Германия

Алексей Валерьевич Малинов,

д. филос. н., профессор, профессор СПбГУ, Санкт-Петербург

Николетта Марчиалис,

PhD, профессор, профессор Римского университета Тор Вергата (Roma Due), главный редактор журнала «Studi Slavistici», Италия

Федор Борисович Поляков,

PhD, профессор, профессор Венского университета, Австрия

Ричард Темпест,

PhD, профессор, директор Русского, восточноевропейского и евроазиатского центра Иллинойского университета в Урбане-Шампейн, США

Валерий Александрович Тишков,

д. и. н., профессор, министр по делам национальностей Российской Федерации (1992), вице-президент Международного союза антропологических и этнологических наук, академик Российской академии наук, Москва

Татьяна Геннадьевна Щедрина,

д. филос. н., профессор, профессор МПГУ, Москва

О журнале

«Философические письма. Русско-европейский диалог» — академический рецензируемый журнал, посвященный теоретическим, эмпирическим и историческим исследованиям интеллектуального диалога России и Европы как равноправных партнеров. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные исследовательские статьи, обзоры, рецензии, рефераты и архивные материалы.

Цель

Наладить прямой контакт с западными коллегами для того, чтобы не просто предоставить возможность высказаться на страницах русских изданий (для этого много других площадок), а включить в прямой диалог по проблемам, взаимоважным для русской и европейской мысли.

Тематические рубрики

- Философия в литературном контексте
- Россия как иная Европа: культурфилософский контекст
- Русский путь к просвещению
- Современные аспекты диалога России и Европы
- Социальные трансформации в современном мире и сохранность интеллектуальной культуры
- Архивные материалы. Из неопубликованного
- Научная жизнь. Рецензии. Обзоры

Наша аудитория

- исследователи, занимающиеся изучением истории русской мысли, интеллектуальной историей России, русской литературой;
- преподаватели российских и зарубежных вузов по специальностям, связанным с историей философии;
- студенты, аспиранты и докторанты, изучающие соответствующие дисциплины;
- западные слависты, исследователи русской истории и культуры;
- журналисты и практики, занимающиеся решением социальных проблем России и вопросами коммуникации с Западной культурой;
- люди не профессионально интересующиеся изучением наследия русской мысли.

Подписка

Журнал является электронным и распространяется бесплатно. Все статьи публикуются в открытом доступе на сайте: ojs.hse.ru/index.php/phillet/index. Чтобы получать сообщения о свежих выпусках, подпишитесь на рассылку журнала по адресу: philletters@hse.ru.

Editorial Board

Editorial Board

Vladimir Kantor,

Doctor of Philosophy, ordinary Professor of National Research University "Higher School of Economics", head of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of National Research University "Higher School of Economics"

Elena Besschetnova,

Candidate of Philosophy, deputy head of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, lecturer at the School of Philosophy, Faculty of Humanities of National Research University "Higher School of Economics"

Anna Doronina,

postgraduate student in School of Philosophy of Faculty of Humanities of National Research University "Higher School of Economics"

Benamí Barros García,

PhD, associate Professor, researcher in University of Granada, Spain

Konstantin Barsht,

Doctor of Philology, Institute of Russian Literature, Saint-Petersburg

Irina Belobrovtsseva,

Doctor of Philology, Professor, the head of the Department of Russian Literature of Tallinn University, Estonia

Philip Boobbyer,

PhD, Professor in University of Kent, Great Britain

Igor Volgin,

Doctor of Historical Sciences, President of the International Society of F.M. Dostoevsky, Moscow

Lyudmila Dimerskaya-Zigelman,

PhD, Professor at the Hebrew University of Jerusalem, Israel

Janusz Dobieszewski,

PhD, Professor of Philosophy, University of Warsaw

Olga Zhukova,

Doctor of Philosophy, Professor, deputy head of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue of National Research University "Higher School of Economics"

Cornelia Ichin,

PhD, Professor at Faculty of Philology, University of Belgrade, Serbia

Alexey Kara-Murza,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief research fellow of the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University "Higher School of Economics, Moscow

Marina Kiseleva,

Doctor of Philosophy, Professor, chief research fellow of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief research fellow of the International laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University "Higher School of Economics, Moscow

Natalya Kornienko,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, the head of the Department of Modern Russian Literature and Literature of the Russian Abroad, Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Holger Kuße,

PhD, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies of Dresden Technical University, Editor-in-Chief of the journal "Zeitschrift fuer Slawistik", Germany

Vladislav Lektorsky,

Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Lev Lyubimov,

Doctor of Economical Sciences, Professor, deputy academic supervisor of National Research University "Higher School of Economics", Moscow

Leonid Luks,

PhD, Professor, academic supervisor of the International Laboratory for the Study of Russian and European Dialogue of National Research University "Higher School of Economics", editor-in-Chief of the journal "Forum novei-shey vostochnoevropeskoy istorii I kultury", Professor at the Catholic University of Eichstätt, Germany

Alexey Malinov,

Doctor of Philosophy, Professor, Saint-Petersburg University

Nicoletta Marcialis,

PhD, Professor of the University of Rome Tor Vergata (Roma Due), Editor-in-Chief of the journal "Studi Slavistici", Italy

Fedor Polyakov,

PhD, Professor of the University of Vienna, Austria

Richard Tempest,

PhD, Professor, Director of the Russian, East European and Eurasian Center, University of Illinois in Urbana-Champaign, USA

Valery Tishkov,

Doctor of Historical Sciences, Minister for Nationalities of the Russian Federation (1992), Vice-President of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Tatyana Shchedrina,

Doctor of Philosophy, Professor in Moscow Pedagogical State University

About the Journal

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue is an academic peer-reviewed journal of theoretical, empirical and historical research in intellectual dialogue between Russia and Europe as equal partners. *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue* publishes four issues per year. Each issue includes original research papers, review articles and archival materials.

Aims

To establish direct contacts with Western colleagues in order to provide them with an opportunity to speak on the pages of Russian periodicals and include them in a direct dialogue on issues of mutual importance for Russian and European thought as well.

Scope and Topics

- Philosophy in a literary context
- Russia as a different Europe: cultural and philosophical context
- Russian way to enlightenment
- Modern aspects of the dialogue between Russia and Europe
- Social transformations in the modern world and the preservation of intellectual culture
- Archival materials
- Reviews

Our Audience

- researchers engaged in the study of the history of Russian thought, the intellectual history of Russia, Russian literature;
- teachers of Russian and foreign universities in specialties related to the history of philosophy;
- undergraduate and postgraduate students studying relevant subjects;
- Western Slavic scholars, researchers of Russian history and culture;
- journalists involved in solving social problems of Russia and issues of communication with Western culture;
- people who are not professionally interested in studying the heritage of Russian thought.

Subscription

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue is an open access electronic journal and available online for free via ojs.hse.ru/index.php/phillet/index. To receive messages about new issues, please subscribe to the journal's newsletter at: philletters@hse.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора

- Владимир Карлович Кантор (НИУ ВШЭ, Москва) —
Федор Степун: философ, хранимый судьбою. Заметки главного редактора 12

Вокруг революции: процесс и последствия

- Федор Степун свидетельствует. *С комментариями В. К. Кантора* 25
Владимир Прохорович Булдаков (ИРИ РАН, Москва) —
Марксистские страдания российской ментальности 31

Литература. Философия. Религия

- Наталья Михайловна Долгорукова (НИУ ВШЭ, Москва) —
Автор в эпоху смерти автора:
Юлия Кристева в поисках Михаила Бахтина 48
Александр Мотелевич Мелихов (журнал «Нева», Санкт-Петербург) —
Союзы языковые и внеязыковые 59
Федор Августович Степун —
Человек консервативный и революционная ситуация. *Перевод с немецкого* 69

Россия и Европа

- Вероника Жобер (Парижский университет, Франция) —
Взгляд французской русистики:
русский язык как основа моего собственного бытия 74
Леонид Михайлович Люкс (Католический университет в г. Айхштетте, Германия) —
«В духовном послании»: Размышления С. Л. Франка о России
на страницах католического журнала «Хохланд» 84
Лаура Петтинароли (Парижский католический институт, Франция) —
1917–1923: Святой Престол в ситуации падения империй
и установления нового миропорядка 102

Архивные материалы. Из неопубликованного

- Евгений Александрович Ефремов
(Районный краеведческий музей г. Кондрово, Калужская область) —
Обращение Федора Августовича Степуна
к мюнхенской эмиграции в феврале 1965 года 116
Федор Августович Степун —
Обращение к мюнхенской эмиграции 119
Мария Анатольевна Васильева
(Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына, Москва) —
«...Продолжаю верить в появление движения, близкого к новоградскому»:
Письма Владимира Варшавского к протоиерею Кириллу Фотиеву (1968–1977) 121
Письма Владимира Варшавского к протоиерею Кириллу Фотиеву (1968–1977).
Подготовка текста и комментарии М. А. Васильевой 129

Мария Анатольевна Васильева (Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына, Москва) — «Рад, что снова поднялась беседа о “Новом Граде”»: Письма Ф. А. Степуна В. С. Варшавскому (1956–1962)	151
Письма Ф. А. Степуна В. С. Варшавскому. Подготовка текста и комментарии М. А. Васильевой	154

Научная жизнь. Рецензии. Обзоры

Татьяна Юрьевна Сидорина (НИУ ВШЭ, Москва) — Русский язык как основа музыкальной культуры России в контексте философско-эстетического дискурса (обзор)	161
Вера Владимировна Калмыкова (Союз писателей г. Москвы) — Книга против бунта [Кантор В. К. Демифологизация русской культуры. Философические эссе. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 400 с. (Серия «Российские Пропилеи»)]	169
Юлия Валериевна Клепикова (НИУ ВШЭ, Москва) — Прививка от нацизма, или Краткая энциклопедия геноцида евреев в Германии в 1933–1945 гг. [Хавкин Б.Л. Расизм и антисемитизм в гитлеровской Германии: Антинацистское Соппротивление немецких евреев. М.: РГГУ, 2018. 243 с.]	177
Александр Кириллович Страхов (НИУ ВШЭ, Москва) — Между двумя полюсами. [Степун Ф. А. Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / Сост. В. К. Кантор. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 896 с. (Серия «Письмена времени»)]	185

От редакции

Именованье как категория этническая и этическая [Гайда Ф. А. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М.: Модест Колеров, 2019. 200 с. (SEESTA. XXV)]	190
Новости смыслопроизводства [Серия «Что такое Россия». Партнер проекта — Вольное историческое общество «Арзамас». Редактор серии Д. Б. Споров. Новое литературное обозрение, 2017]	192
Ретроспектива смысла: от могилы к колыбели [Гаврюшин Н. К. У колыбели смыслов: Статьи разных лет. М.: Модест Колеров, 2019. 816 с. (Исследования по истории русской мысли. Т. 22)]	196
Рождение поэзии из духа Ницше [Кампана Д. Орфические песни / Пер. с итал., вступ. статья и комментарии П. Епифанова. М.: Река времен, 2019. 232 с., илл.]	198

CONTENTS

From the Editorial board

- Vladimir Kantor (NRU HSE, Moscow) —
Fedor Stepun: Philosopher Guarded by Fate. Chief Editor's notes 12

Around the revolution: the process and consequences

- Fedor Stepun Testifies. With comments by V.K. Kantor 25
Vladimir Buldakov (RAS, Moscow) —
Marxist Unhappiness of Russian Mentality 31

Literature. Philosophy. Religion

- Natalia Dolgorukova (NRU HSE, Moscow) —
The Author in the Era of the Death of the Author:
Julia Kristeva in Search of Mikhail Bakhtin 48
Alexander M. Melikhov ("Neva" magazine, Saint-Petersberg) —
Language and Extra-linguistic Unions 59
Fyodor Stepun —
A Man of Conservative and Revolutionary Situation 69

Russia and Europe

- Véronique Jobert (Université Paris-Sorbonne, France) —
A French Slavic Philologist's Point of View: Russian Language as my Existential Core 74
Leonid Luks (Catholic University of Eichstätt-Ingolstadt, Germany) —
„In the spiritual mission“ — Semyon Frank's Reflections on Russia
on the Pages of Catholic Journal „Hochland“ 84
Laura Pettinaroli (Institut catholique de Paris, France) —
1917–1923: The Holy See Facing the Fall of the Empires
and the Raising of a New World Order 102

Archival materials. From unpublished

- Evgeny Efremov (regional museum of Kondrovo, Kaluga region) —
Appeal of Fedor Augustovich Stepun to the Munich Emigration in February 1965 116
Fyodor Stepun —
Appeal to the Emigration of Munich 119
Maria Vasil'eva (Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad) —
«...I continue to believe in the emergence of a movement close to Novy Grad»:
Letters from Vladimir Varshavsky to Archpriest Kirill Fotiyev (1968–1977) 121
Letters of Vladimir Varshavsky to Archpriest Kirill Fotiyev (1968–1977).
Preparation of the text and comments by M. A. Vasil'eva 129
Maria Vasil'eva (Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad) —
«I'm glad that the conversation about «Novy Grad» brought up again»:
Letters from F.A. Stepun to V.S. Varshavsky 151
Letters from F. A. Stepun to W. S. Varsavsky.
Preparation of the text and comments by M. A. Vasilieva 154

Academic life. Critique. Reviews

- Tatiana Sidorina (NRU HSE, Moscow) —
Russian Language as the Basis of Musical Culture of Russia
in the Context of Philosophical-aesthetic Discourse (review) 161
- Vera Kalmykova (The Moscow Writers Union) —
Book against Riot [Kantor V.K. Demythologization of Russian culture.
Philosophical essays. Moscow; St. Petersburg:
Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. 400 p. (Series «Russkie Propylei»)] 169
- Yuliya Klepikova (NRU HSE, Moscow) —
Vaccination against Nazism or a Brief Encyclopedia of Jewish Genocide in Germany
in 1933–1945 [Khavkin B.L. Racism and anti-Semitism in Nazi Germany:
Anti-Nazi Resistance of German Jews. Moscow:
Russian State Humanitarian University, 2018. 243 p.] 177
- Alexander Strakhov (NRU HSE, Moscow) —
Between Two Poles. [Stepun F.A. Bolshevism and Christian existence. Selected Works /
Comp. V.K. Kantor. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. 889 p.
(Series «Pisma Vremeni»)] 185

From the Editorial Board

- Naming as an Ethnic and Ethical Category
[Gayda F. A. Facets and frontiers: the concepts of «Ukraine» and «Ukrainians» in their
historical development. Moscow: Modest Kolerov, 2019. 200 p. (SEECTA. XXV)] 190
- Acquisition of New Meanings [Series «What is Russia».
The project partner is the Arzamas Free Historical Society.
Editor series D. B. Sporov. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2017] 192
- A Retrospective of Meaning: from the Grave to the Cradle
[Gavryushin N. K. At the cradle of meanings: Articles of different years. Moscow:
Modest Kolerov, 2019. 816 p. (Studies on the history of Russian thought. Volume 22)] . . . 196
- The Birth of Poetry from the Spirit of Nietzsche
[Campana D. Orphic songs / Transl. from Italian, introductory article
and comments by P. Epifanov. Moscow: Reka Vremen, 2019. 232 p.] 198

**ФЕДОР СТЕПУН:
ФИЛОСОФ, ХРАНИМЫЙ СУДЬБОЮ**

Заметки главного редактора

Владимир Кантор

Главный редактор журнала

«Философические письма.

Русско-европейский диалог».

Доктор философских наук,

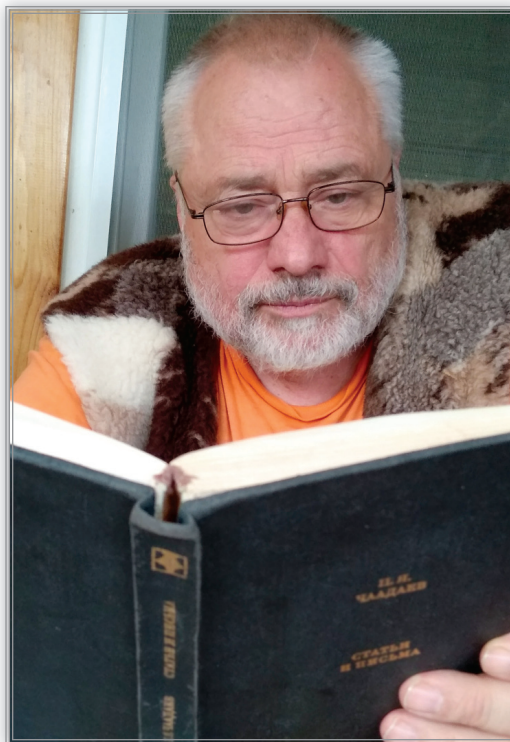
ординарный профессор.

Заведующий Международной

лабораторией русско-европейского

интеллектуального диалога НИУ ВШЭ.

E-mail: vlkantor@mail.ru

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-12-24

Так получилось, что в этом номере журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог» собралось несколько материалов Степуна и о Степуне. Коллеги попросили меня написать, как на рубеже XX и XXI веков написанное Степуном входило в русскую мысль. Я решил попробовать для начала рассказать, как он пришел ко мне.

Разумеется, сочинений Федора Степуна в университетской программе не было. На третьем курсе однокурсник Миша Палиевский посоветовал мне посмотреть дореволюционную статью Степуна о русских славянофилах и немецком романтизме, опубликованную в «Русской мысли». Дореволюционный текст этот не был в спецхране. Статья произвела на меня сильное впечатление.

Прошло лет двадцать. Случай вынес меня на пару недель в Германию, в город Кельн. Шел 1990 год. Там и явился мне Степун, которого немцы называли «мостом между Россией и Германией» (Brücke zwischen Russland und Deutschland): Корнелия Герстенмайер (мы тогда знакомы были шапочно, однако каждый день часа по два говорили по телефону) прислала мне из Бонна по почте том мемуаров Степуна «Бывшее и несбывшееся».

Два слова о Корнелии. Дочь знаменитого Ойгена Герстенмайера, председателя бундестага ФРГ, одного из создателей послевоенного «германского чуда», она и сама была нерядовой фигурой. Она издавала журнал «Kontinent» на не-

мецком языке и помогла Владимиру Максимову создать знаменитый русский «Континент». Однажды мы доболтались до того, что Корнелия предложила мне послать в ее журнал пару небольших рассказов — был у меня цикл «Мутное время», на русском тогда еще не опубликованный. И они вышли в ее журнале (*Finstere Zeiten (Aus dem Zyklus "Träume") (Das Erwachen, Die Opferung) // Kontinent. 1992, № 1. S. 70–75*). Потом специально для «Kontinent» я написал статью про западничество, и текст опубликовали в переводе под названием «Westlertum und Russlands Weg» (*Kontinent. 1992. № 4. S. 23–32*).

Так вот, в 1990 г., за пару дней до моего отлета в Москву, Корнелия вдруг спросила, не хочу ли я какую-нибудь из вышедших на Западе книг русских мыслителей. Среди прочих она назвала имя Федора Августовича Степуна. Его-то я и выбрал, вспомнив юношеский восторг от статьи «Немецкий романтизм и русское славянофильство». Тогда я не представлял, что выбрал одну из лучших, если не лучшую его работу — «Бывшее и несбывшееся»: она только что вышла в лондонском издательстве.

Всю дорогу до Москвы и несколько дней после я читал не отрываясь. А потом предложил главу «Россия накануне 1914 года» в журнал «Вопросы философии», где был членом редколлегии. Мы тогда жадно хватали все, что удавалось получить. Текст вышел с моим предисловием (1992, № 9. С. 89–120).

Так началось мое знакомство с этим мыслителем. Я начал искать западные гранты, которые позволили бы мне изучать его статьи и прозу. Постепенно Степун вырастал в очень значительную фигуру. Московские коллеги говорили, что он мыслитель не первого ряда. Это я понимал. Конечно, Хайдеггер или Ясперс, Флоренский и Соловьев — более сильные мыслители. Но в Степуне меня привлекала невероятная жизненная энергия; он постоянно оказывался

Ф. А. Степун возле своего дома в Мюнхене (Anmillerstrasse, 30).
Последняя прижизненная фотография.
1965 г. Из архива баронессы
А. Н. фон Герсдорфф

Корнелия Герстенмайер

дельной) сказала, что я вдвое превысил договорный объем: получилось 100 печатных листов. И я поехал к Сорокину.

Я уже прикинул, как сократить книгу вполовину, но было жалко текста, что я и сказал Андрею. «Мне тоже жалко, — сказал он. — Я подумаю». И придумал. Двухтысячный год я встретил с томом Степуна, в котором было 1000 страниц.

Надо сказать, что в Питере Степуна издавал профессор А. А. Ермичев. Мы как бы поддерживали друг друга.

Одна за другой вдруг пошли конференции, посвященные Степуну, — прежде всего в России и Германии. В 2009 г. в Кондрове, где прошло детство мыслителя, мы с А. А. Кара-Мурзой совместно

в центре общественно-философских проблем — сначала в России, потом в Германии. Да и позиция его как «русского европейца» меня привлекала.

И тут, как говорил один из подловатых героев булгаковского «Театрального романа» писателю и драматургу Максудову, меня неожиданно «постигла удача». Директор издательства РОССПЭН Андрей Константинович Сорокин поддержал мою заявку на издание работ Степуна. Договор мы подписали на 50 печатных листов. А далее пошли чудеса — часть своей удачи мне, очевидно, передал Степун, недаром его называли «любимцем Фортуны». Я сдал рукопись в издательство. Оттуда позвонила редактор и с печалью (кажется, непод-

Федор Степун

**БЫВШЕЕ
И
НЕСБЫВШЕЕСЯ**

Издание второе

(I-II)

Overseas Publications Interchange Ltd
London 1990

с городским руководством провели «степунскую» конференцию, а затем установили памятную доску (по адресу ул. Комсомольская, д. 7), посвященную Федору Августовичу.

А теперь расскажу о его жизни (1884–1961), которую он провел невероятно энергично. Такая судьба, как у него, мало кого удивляла в эпоху революций и войн, но сейчас кажется словно придуманной. «Мой отец, — писал Федор Степун, — был выходцем из Восточной Пруссии,

где Степуны (исконное начертание этой старо-литовской фамилии Степунесы, т.е. Степановы) с незапамятных времен владели большими земельными угодьями между Тильзитом и Мемелем». Мать происходила из шведско-финского рода Аргеландеров. Родился он в Москве, детство провел в имении родителей Кондрове Калужской области. Отец занимал пост директора писчебумажной фабрики. В 1895 г. по воле матери Федор был крещен в православную веру.

Андрей Константинович Сорокин

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»

Ф.А.СТЕПУН
СОЧИНЕНИЯ

Москва
РОССПЭН
2000

В 1902 г. Степун по совету приват-доцента Московского университета Б. П. Вышеславцева отправился изучать философию в Гейдельбергский (Heidelberg) университет (до 1907 г.). Он слушал курс профессоров-неокантов В. Виндельбанда и Г. Риккерта.

Однажды произошел замечательный диалог молодого студента с Виндельбандом — именно благодаря ему молодой студент в первый раз ощутил важность *разграничения* душевных воспарений-излияний (привычных для россиянина) и религиозно-интеллектуального творчества. Степун задал Виндельбанду вопрос: «Как, по Вашему мнению, думает сам Господь Бог; будучи высшим единством мира?» Немецкий профессор на задор российского юнца отве-

тил сдержанно, мягко, но твердо, что у него, конечно, есть свой ответ, но это уже его «частная метафизика» (Степун, 1990: 105). Это стало хорошим уроком для русского любомудра. Уроком, запомнившимся на всю жизнь: философия не есть исповедь, тем более не есть исповедание веры, она наука, строгая наука, ставящая разум преградой эмоциональным бурям, таящимся в человеке. Кстати, Виндельбанд писал заключение (Gutachten) на магистерскую диссертацию Степуна...

Традиция христианского рационализма в России существовала. Стоит вспомнить хотя бы слова Чаадаева, что христианство было «плодом Высшего Разума» (Чаадаев, 1989: 457). В 1909 г. Степун с друзьями-студентами составили сборник «О мессии. Эссе по философии культуры» («Vom Messias. Kulturphilosophische Essays von R. Kroner, N. von Bubnoff,

Вильгельм Виндельбанд (1848–1915)

G. Mehlis, S. Hessen, F. Steppuhn». Leipzig. Verlag von W. Ehglehmann. 1909). Но издатели сильно сомневались в студенческом творчестве. Тогда новое чудо: юный Степун отважно отправился к приехавшему в Гейдельберг самому знаменитому в те годы русскому — Дмитрию Мережковскому. И тот поддержал сборник. На русский язык его недавно перевели и издали усилиями А. А. Ермичева.

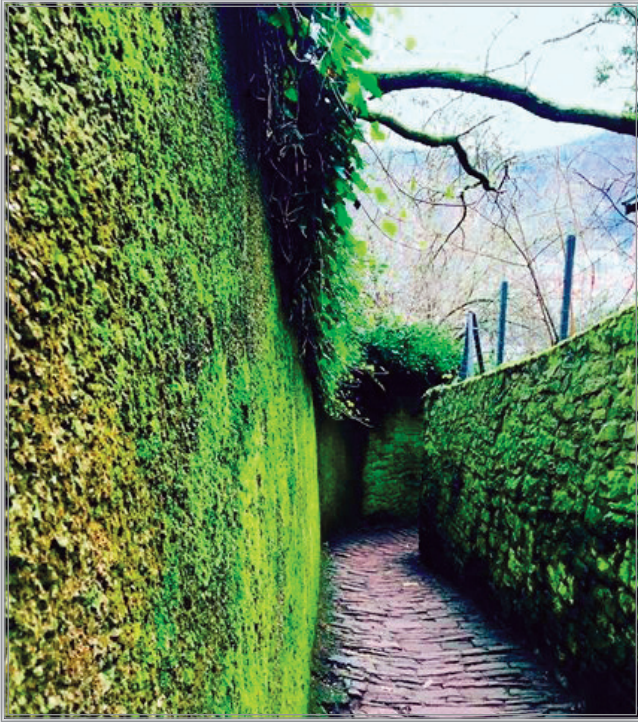
Затем в 1910 г. Степун защитил докторскую диссертацию на тему «Философия Владимира Соловьева». С университетских времен Владимир Соловьев стал постоянным спутником размышлений молодого мыслителя, его портрет всегда сопровождал Степуна, куда бы ни занесла его судьба.

Еще деталь. В гейдельбергской университетской библиотеке, в архивном отсеке, я занимался перепиской Степуна с другим эмигрантом — известным филологом Дмитрием Чижевским. Рядом с университетом есть гора, а по гребню ее идет так называемая «философская тропа» (Philosophenweg), по которой, как гласит легенда, гуляли Гегель, Макс Вебер, Ясперс и другие. От университетской библиотеки к этой философской дороге вело множество тропок. Одна из них называлась «тропа Гёльдерлин (Friedrich Hölderlin)». Я, мечтая об одинокой философской прогулке, решил как-то подняться по этой тропе и достичь Philosophenweg. За спиной рюкзак, в рюкзаке довольно тяжелый ноутбук... несколько раз я думал повернуть назад, но говорил себе, что если немецкий поэт тут поднимался, то я не должен спасовать. И поднялся. Однако по тропе шла толпа туристов. По сторонам стояли неплохие дома, дворы засажены деревьями и кустами. Среди кустов — небольшие садовые гипсовые статуи. На бедре одной из женских фигур написан вопрос: «Heute schon philosophiert?» («Философствовал ли сегодня?»). Оказывается, что Philosophenweg включена в туркомплекс: автобусы выгружали туристов к началу философской тропы для прогулки.

Однако вернемся к делам Фортуны. Чудо всегда приходит, чтобы преодолеть беду. Шел к концу мой второй месяц по гранту. Я перепечатывал послед-

Федор Степун в своем кабинете,
на стене портрет
Владимира Соловьева

Philosophenweg

ние страницы переписки Степуна и Чижевского. Все архивные работники и читатели ко мне привыкли, кивали мне головой. Через два дня надо было ехать в аэропорт. И тут случилось нечто ужасное. Мой ноутбук погас. Вся двухмесячная работа погибла. Дело в том, что я забыл правило — сбрасывать наработанное на флешку. Да у меня ее и не было. Растерянно поглядев по сторонам, я медленно пошел ко входу. Понятно было, что больше мне гранта в этот университет не получить. Ощущение ужаса. По дороге я зашел в магазин, где продавались компы и т.п., купил пару флешек и пошел в студенческую квартирку, где жил.

Подойдя к столу, достал из рюкзака ноутбук, тупо посмотрел на него и так же тупо включил. И вдруг экран загорелся. Я с трудом, еле шевеля руками, достал флешку, вставил ее в разъем и скопировал текст. Вынул флешку. Экран погас. Двухмесячная работа была спасена. Это очевидная рука Фортуны, следящей за теми, кто помогает ее любимцу Степуну.

Из его невероятных дел — это основание в 1910 г. вместе с друзьями, С. И. Гессеном и Б. В. Яковенко, международного журнала по философии культуры, знаменитого «Логоса». На его страницах русские мыслители печатались рядом с западными, на равных правах. Журнал стал серьезным интеллектуальным событием. В первом номере было объявлено участие В. И. Вернадского, И. М. Гревса, Ф. Ф. Зелинского, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, П. Б. Струве, С. Л. Франка. В русской версии «Логоса» участвовали и иностранные философы: Э. Гуссерль, Г. Зиммель, Г. Риккерт, Р. Кронер, Г. Вёльфлин, В. Виндельбанд, Н. Гартман, П. Наторп, Б. Кроче, Э. Бутру.

Издание прервала война. Степун ушел артиллеристом на германский фронт в чине прапорщика. Надо сказать, что он, несмотря на возгласы патриотических публицистов по обе стороны фронта (в России и в Германии), видел вокруг себя то состояние умов, которое позднее назвал «*метафизической инфляцией*». Живым примером был его старый оппонент, философ-славянофил Владимир Эрн, один из ближайших друзей Вяч. И. Иванова и П. А. Флоренского. Не участвовавший сам в боевых действиях, но писавший программные антинемецкие

статьи — вроде «От Канта к Круппу», «Налет Валькирий» и т.п., Эрн, говоря о страдавших в окопах русских солдатах, торжественно провозглашал: «Вместо людей в серых шинелях мы видим вдруг *живой серый гранит* (здесь и далее выделено автором. — В.К.), который решительно неподвластен обычным законам человеческого существования. <...> Этот момент есть явление народного духа, внезапное вторжение онтологии народного существования» (Эрн, 1991: 395). Эрн рисовал почти мистериальную ситуацию «хорового Дионисова действия», не замечая, однако, нарочитой театральности описываемой героики. Находившийся в действующей армии Степун писал по поводу ура-патриотических философствований: «*какие-то слепые бельма публицистической нечестности и философского доктринерства*» (Степун, 2000б: 75). Он-то и в самом деле рисковал жизнью. Но снаряды и пули его щадили. Как-то вышел из офицерской землянки, и секунду спустя ее разворотило немецким артиллерийским снарядом. Был рядом со смертью, но ангел-хранитель стоял на страже. Все же получил тяжелое ранение. Попал в госпиталь, где закончил первую книжку «Из писем прапорщика-артиллериста» (1918).

Потом как человек общественно активный печатал в газетах статьи против рвавшихся к власти большевиков, служил начальником политуправления при военном министре Временного правительства Б. В. Савинкове. Большевики пришли к власти, начались расстрелы инакомыслящих. Но Степун успел уехать в деревню к жене, занялся крестьянской работой (вспомним пастернаковского Юрия Живаго). Опять помог ангел-хранитель, наверное.

Но дальше ангелу пришлось потрудиться серьезнее.

В 1918 г. вышел первый том книги Освальда Шпенглера «*Der Untergang des Abendlandes*» (русский перевод книги «Закат Европы» появился в 1922 г.). Первым, кто получил его из Германии, был Федор Степун. Книга произвела на него сильнейшее впечатление. Он сделал в Москве несколько докладов, дал читать том Бердяеву, Франку и другим. И выпустил сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы». В нем приняли участие, кроме самого Степуна, Бердяев, Франк, Букшпан.

Сборник, культуртрегерский по своему пафосу, вызвал неожиданную для их авторов реакцию вождя большевиков:

«Н. П. Горбунову. Секретно. 5. III. 1922 г.

т. Горбунов. О прилагаемой книге я хотел поговорить с Уншлихтом. По-моему, это похоже на **литературное прикрытие белогвардейской организации**. Поговорите с Уншлихтом не по телефону, и пусть он мне напишет **секретно** (здесь и далее выделено мной. — В. К.), а книгу вернет. Ленин» (Ленин, 1975: 198).

Иосиф Станиславович Уншлихт (род. в 1879 г., Польша) был в эти годы заместителем председателя ВЧК и доверенным лицом вождя, даже более близ-

ким, чем Дзержинский. А 15 мая, то есть спустя два месяца, в Уголовный кодекс по предложению Ленина вносится положение о «высылке за границу». По словам Ленина, это была замена «высшей меры»: если кто-то вернется — расстрел на месте. В Постановлении Политбюро ЦК РКП(б) об утверждении списка высылаемых из России интеллигентов от 10 августа 1922 г. Степун, попавший в дополнительный список, характеризовался следующим образом: «7. Степун Федор Августович. Философ, мистически и эсеровски настроенный. В дни керенщины был нашим ярым, активным врагом, работая в газете правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] “Воля народа”. Керенский это отличал и сделал его своим политическим секретарем.

Сейчас живет под Москвой в трудовой интеллигентской коммуне. За границей он чувствовал бы себя очень хорошо и в среде нашей эмиграции может оказаться очень вредным. Идеологически связан с Яковенко и Гессеном, бежавшими за границу, с которыми в свое время издавал “Логос”. Сотрудник издательства “Берег”. Характеристика дана литературной комиссией. Тов. Середа за высылку. Тт. Богданов и Семашко против» (Артизов, 2003: 31). А чуть позже (23 августа) Степун оказался восьмым номером в «Списке не арестованных» (Макаров, 2005: 110). Таким образом создавался список русских мыслителей для высылки за границу.

Заключение Секретного отдела ГПУ в отношении Ф. А. Степуна от 30 сентября 1922 г.: «С момента **октябрьского переворота (!)** и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-Крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР» (Там же: 338). И в 1922 г. они были высланы.

Так антишпенглеровский сборник совершенно иррациональным образом «вывез» авторов в Европу, по словам Степуна, из «скифского пожарища».

Это, конечно, дело ангела-хранителя или Фортуны, как угодно! Сборник, который должен был погубить русских интеллектуалов (слова Ленина о «высшей мере» не случайны), спас их, отправив на Запад. Интересно здесь, что сами чеки-

сты называли Октябрьскую революцию «переворотом», но еще интереснее текстовые совпадения с доносом на Степуна в нацистской Германии, о чем ниже.

В 1926 г. Степун занял кафедру социологии в Дрезденской высшей технической школе при содействии влиятельных друзей и коллег — Рихарда Кронера, профессора кафедры философии, Пауля Тиллиха, профессора кафедры теологии. Из Фрайбурга письмом поддержал его кандидатуру Эдмунд Гуссерль. Но затем власть сменилась. Как и большевики, нацисты терпели его ровно четыре года, пока не увидели, что перековки в сознании профессора Степуна не происходит. В доносе 1937 г. говорилось, что он должен был бы переменить свои взгляды «на основании параграфов 4-го или 6-го известного закона 1933 г. о переориентации профессионального чиновничества. Эта переориентация не была им исполнена, хотя, прежде всего, должно было ожидать, что, как профессор, Степун определится по отношению к национал-социалистическому государству и построит правильно свою деятельность. Но Степун с тех пор не предпринял никакого серьезного усилия по позитивному отношению к национал-социализму. Степун многократно в своих лекциях отрицал взгляды национал-социализма, прежде всего по отношению к целостности национал-социалистической идеи, как и к значению расового вопроса, точно так же и по отношению к еврейскому вопросу, в частности, важному для критики большевизма» (Treiber, 1995: 98).

Нацисты запретили ему преподавать и читать лекции. И снова повезло: была назначена мизерная пенсия, которой тем не менее хватало на очень скромную жизнь. Тогда Степун взялся за мемуары. В мае 1938 г. он писал друзьям в Швейцарию из Дрездена: «Мы живем хорошо и внутренне сосредоточенную жизнью. Приезжавший к нам отец Иоанн Шаховской упорно подсказывал мне мысль, что это Бог послал мне времена тишины и молчания, дабы обременить меня долгом высказать то, что мне высказать надлежит, и не разбрасываться по всем направлениям в лекциях и статьях. <...> Я затеял большую и очень сложную работу литературного порядка и очень счастлив, что живу сейчас в своем прошлом и скорее в искусстве, чем в науке» (Stepun).

Книга получалась и впрямь необычной. Ее масштаб современники сравнивали с мемуарами А. И. Герцена «Былое и думы». Писал он всю войну. И снова рука Фортуны: 13–15 февраля 1945 г. англичане и американцы бомбили Дрезден, погибли несколько десятков тысяч мирных жителей, а Степун с женой уехал на неделю к другу за город поработать над мемуарами. Дом разбомбили до основания. Погибли все книги и рукописи. Но сам философ, его жена и рукопись «Бывшего и несбывшегося» уцелели.

Антинацистская позиция профессора была оценена в новой Германии. Он переехал в Мюнхен, получив приглашение занять кафедру по истории русской

Автор статьи
под памятной доской Степуну

духовности, специально для него созданную. Там он и жил до конца дней. По возрасту, согласно немецким законам, он не имел права занимать кафедру, но университетское руководство обошло это препятствие, дав Степуну должность Honorarprofessor (Hon. Prof.) — почетный профессор университета.

Его восьмидесятилетний юбилей был фантастическим. Сотни писем, поздравлений, чествования в разных учреждениях Мюнхена, статьи в газетах. В юбилейной речи другой знаменитый русский мыслитель-изгнанник, Д. И. Чижевский, говорил: «К концу войны враждебный Степуну огненный элемент превратил в развалины его город — Дрезден. Степун спасся почти случайно — во время одной поездки ему после небольшого “несчастливого случая”, оказавшегося счастливым, не удалось вернуться домой в Дрезден. Потом возвращаться оказалось некуда! И поток жизни вынес его в любящий искусство город на берег Изара, где мы празднуем его 80-летний юбилей» (Чижевский, 1998: 250).

Через год, в 1965-м, он скончался, ушел легко. Говорят, что легкая смерть дается хорошему человеку, прожившему трудную жизнь. Некрологи, обширные статьи в газетах и журналах. В Мюнхене, на стене дома, где он жил, установили мемориальную доску.

Приведу отклик на его смерть Д. А. Шаховского: «Общественник, социолог, философ, неутомимый лектор высокого стиля, он был более социально-лирическим, чем политическим выражением “русского европейца”, несшего в себе и Россию, и Европу, чтобы говорить России и Европе о “Новом Граде”, о том обществе и устройстве социальном, в котором живет правда. <...> Он был от плеяды тех верующих русских мыслителей первой половины этого века, кото-

рых зарядила на всю жизнь светлой верой в Бога и действием этой веры мысль Владимира Соловьева» (Архиепископ Иоанн, 1965: 4).

Степун понимал, что как России нельзя без Запада, так и Западу нельзя без России, что только вместе они составляют то сложное и противоречивое целое, которое называется Европой. Степун и его друзья по эмиграции все силы направляли на то, чтобы фашизирующаяся Европа вернулась к базовым христианским ценностям, иными словами, говоря, быть может, немножко торжественно, но точно, желали спасти Европу. Не случайно одна из эмигрантских писательниц, знавшая Степуна, именно в этом регистре его и воспринимала: «Что заставляло меня верить, что Европа, вопреки всему, что случилось, зиждется на камне?» И ответ поразителен: «Там был Ф. А. Степун. Монолит, магнит, маяк. Атлас, державший на своих плечах две культуры — русскую и западноевропейскую, посредником между которыми он всю свою жизнь и был. Пока есть такой Атлас, Европа не сгинет, устоит» (Жиглевич, 1992: 30–31).

Кредо философии истории Степуна, как он сам писал, — «Божье утверждение свободного человека как религиозной основы истории» (Степун, 2000а: 272). Он сам и был таким человеком.

Литература

- Артизов А. С. (2003). «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. Публикацию подготовил А. Н. Артизов // Отечественные архивы. № 1.
- Архиепископ Иоанн С. Ф. (Сан-Францисский) (1965). Русский звездопад (Памяти Федора Степуна) // Русская мысль. 8 апреля.
- Жиглевич Е. (1992). Безмолвные встречи со Степуном // Степун Федор. Встречи и размышления. Избранные статьи / под. ред. Евг. Жиглевич. Со вступ. статьями Бориса Филиппова и Евгении Жиглевич. London. Overseas Publications Interchange Ltd. С. 30–31.
- Ленин В. И. (1975). ПСС. Т. 54. М.: Политиздат.
- Макаров В. Г. (2005). Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; коммент. В. Г. Макарова. М.: Русский путь.
- Степун Ф. А. (1990). Бывшее и несбывшееся. London. Т. I.
- Степун Ф. А. (2000а). Мысли о России. Очерк V // Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН.
- Степун Ф. А. (2000b). (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей.
- Чаадаев П. Я. (1989). Сочинения. М.: Правда.
- Чижевский Д. И. (1998). Речь о Степуне // Степун Федор. Встречи. М.: Аграф.
- Эрн В. Ф. (1991). Время славянофильствует // Эрн В. Ф. Сочинения. М.: Правда.
- Stepun. Stepun Columbia University Libraries, Bakhmeteff Archive. Ms Coll Zernov. Box 9. Stepun, Fedor Avgustovich. To Maria and Gustave Kullmann.
- Treiber H. (1995). Fedor Steppuhn in Heidelberg (1903–1955). Über Freundschaft und Spatburgertreffen in einer deutschen Kleinstadt // Treiber Hubert & Sauerland Karol (Hrsg.). Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850–1950. Opladen, Wesdeutscher Verlag GmbH.

References

- Artizov A. S.* (2003). «Ochistim Rossiyu nadolgo». K istorii vysylki intelligencii v 1922 g. Publikaciiyu podgotovil A. N. Artizov // Otechestvennye arhivy. № 1.
- Arhipiskop Ioann S. F. (San-Francissskij)* (1965). Russkij zvezdopad (Pamyati Fedora Stepuna) // Russkaya mysl'. 8 aprelya.
- Chaadaev P. YA.* (1989). Sochineniya. M.: Pravda.
- Chizhevskij D. I.* (1998). Rech' o Stepune // Stepun Fedor. Vstrechi. M.: Agraf.
- Ern V. F.* (1991). Vremya slavyanofil'stvuet // Ern V. F. Sochineniya. M.: Pravda.
- Lenin V. I.* (1975). PSS. T. 54. M.: Politizdat.
- Makarov V. G.* (2005). Vysylka vmesto rasstrelya. Deportaciya intelligencii v dokumentah VCHK-GPU. 1921–1923 / Vstup. st., sost. V. G. Makarova, V. S. Hristoforova; komment. V. G. Makarova. M.: Russkij put'.
- Stepun F. A.* (1990). Byvshee i nesbyvsheesya. London. T. I.
- Stepun F. A.* (2000a). Mysli o Rossii. Ocherk V // Stepun F. A. Sochineniya. M.: ROSSPEN.
- Stepun F. A.* (2000b). (N. Lugin). Iz pisem praporshchika-artillerista. Tomsk: Vodolej.
- Zhiglevich E.* (1992). Bezmolvnye vstrechi so Stepunom // Stepun Fedor. Vstrechi i razmyshleniya. Izbrannye stat'i / pod. red. Evg. Zhiglevich. So vstup. stat'yami Borisa Filippova i Evgenii Zhiglevich. London. Overseas Publications Interchange Ltd. P. 30–31.

ФЕДОР СТЕПУН СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

С комментариями В. К. Кантора

FYODOR STEPUN TESTIFIES

With comments by V.K. Kantor

Русская пореволюционная эмиграция, которую трудно назвать эмиграцией, поскольку по большей части это был не добровольный отъезд, а изгнание, пыталась определить себя как самостоятельная сила, искала связей, возможно, немислимых в мирное время на Родине. В этом ключе, как мне представляется, написано дружеское письмо философа Ивана Александровича Ильина (1883–1954) генералу барону Петру Николаевичу Врангелю (1878–1928).

Russian post-revolutionary emigration, which can hardly be called emigration, since for the most part it was not voluntary departure, but exile, tried to define itself as an independent force, looked for connections, possibly unthinkable in peacetime in the homeland. In this vein, it seems to me, a friendly letter is written by the philosopher Ivan Alexandrovich Ilyin (1883–1954) to General Baron Pyotr Nikolaeovich Wrangel (1878–1928).

Ключевые слова: Ф. А. Степун, П. Н. Врангель, Временное правительство России, И. А. Ильин, Б. В. Савинков.

Keywords: F. A. Stepun, P. N. Wrangel, Provisional Government of Russia, I. A. Ilyin, B. V. Savinkov.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-25-30

Революция перемешала людей и страны. Но речь о Степуне. Жизнь его сложилась так, что он оказался на пересечении разных судеб. Философ, прошедший войну, работавший в политуправлении военного министерства Временного правительства под началом знаменитого эсера-террориста, ставшего министром, Бориса Викторовича Савинкова (1879–1925), который был до революции главой «Боевой организации» эсеров. Очевидно, Врангель не оставлял мысли о продолжении борьбы — несмотря на изгнание из Крыма и страшное «галлиполийское сидение», когда из-за предательства англичан и французских союзников, отказавшихся принять русских солдат, армию постигла невероятная смертность от голода и болезней. Рус-

М. В. Нестеров. Мыслитель
(Портрет философа И. А. Ильина).
1921–1922. Холст, масло.
Государственный Русский музей,
Санкт Петербург

скую белую гвардию приняла Сербия. В Белграде можно видеть огромный русский некрополь.

Поэтому Врангель и обратился к Ильину¹, чтобы тот прояснил ему фигуру Савинкова, бывшего военного министра, сражавшегося с большевиками. На что надеялся барон — сегодня не очень понятно. Но мне важно это письмо, поскольку в нем Ильин цитирует ответ Степуна, к которому он обратился с вопросом, заданным Врангелем. А Степун записал в одной из последних своих статей то, что он не раз с самого начала изгнания озвучивал публично. Он всегда был против интервенции в Россию, считая главной задачей эмиграции защиту России перед лицом Европы и сохранение образа русской культуры, именно этот смысл он вкладывал в свои слова: «Пребывание на чуж-

бине оправдывается только борьбой за родину» (Степун, 207: 541). В его большой переписке, значительную часть которой я опубликовал, строчки, процитированные в письме Ильина Врангелю, мне не встречались, поэтому пользуюсь возможностью их обнародовать. Все эти соображения Степун потом развил в мемуарах.

Текст Степуна выделен курсивом.

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю

4 октября 1924 г.

Сан-Ремо. 1924. X.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Спасибо Вам на добром слове. Моя духовная связь с белой Армией есть связь давняя, изначальная. Еще в апреле 1917 г. я высказывал убеждение, что спасти Россию может только наступление, военное патриотическое наступление на революцию, и с тех пор я ношу этот белый меч в сердце, в слове и в деянии.

¹ Источник см.: http://russianway.rhga.ru/upload/main/18_Vrangel.pdf.

В настоящее время я заканчиваю новую, сравнительно небольшую работу (листов 8 печатных) «О сопротивлении злу»¹. Она посвящена искоренению всякого «непротивленчества» и обоснованию праведного меча, подъемлемого на злодея. Это не политический памфлет, а философический трактат, написанный в предуказанном мною самим духе («на этих решениях и подвигах мы построим новую русскую этику»); но по замыслу и выполнению он будет доступен всем. Я думаю, что мне удастся выпустить ее еще в течение ближайших месяцев. Хотел бы выпустить ее с посвящением: «Русской белой Армии и ее вождям». Считаю правильным испросить предварительно Ваше согласие на это. <...>

Другой вопрос — Савинков. Еще этой зимою я отговаривал добрых знакомых, чтобы не вязались с ним.

Корнилов был предан не токмо дураком и полуподлецом Керенским, а и не дураком и совершенным подлецом Савинковым. И должен признаться, что я с самого начала нисколько не верил в противобольшевистскую активность этого большевистского кузена. После известий о его новом шаге я запросил о нем его доброго знакомого Федора Августовича Степуна. Степун — обрусевший немец; а потом и поднемеченный русак; большую войну был на фронте, слегка эсерствовал и пораженчествовал; в 1917 г. был помощником Савинкова по политическому комиссарству при армии; в 1922 г. выслан большевиками из России за то, что публично на театральном диспуте заявил, что они «дьяволы». Он публицист, полуфилософ, работает и сейчас с эсерами. Вот что он мне ответил: «...в конце концов Савинкова от большевиков, за исключением его физиологического антисемитизма, ничего не отделяет. Демократом он никогда не был и с демократами психологически никогда ничего общего не имел. Демагог, поклонник диктатуры и человек, всю жизнь веривший только в маску и силу, он, в конце концов перейдя на сторону

Петр Николаевич Врангель

¹ Книга вышла под названием «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925).

большевиков, остался верен только самому себе. Меня без конца возмущает почти все, что сейчас пишут о нем демократические и социалистические газеты. Все хором утверждают, что он стал предателем и оказался подлецом; все, тайно или явно, дают понять, что он, в сущности, всегда был тем, чем оказался, и никто не ставит себе вопроса, кем же были те, кто им всегда пользовался, и что скверного в том, что им в конце концов воспользовались и большевики. Конечно, он до некоторой степени авантюрист, но главное все же не в этом; главное в том, что он, по крайней мере, на четыреста лет запоздал рождением и что он психологически и стилистически ни в какой мере и степени не русский человек. Он итальянец эпохи Возрождения: человек в плаще, с кинжалом за спиной и с латинской цитатой на устах. Он никогда не интересовался политикой, никогда ничего не понимал в структуре современной жизни и всегда очень слабо разбирался в людях, чему доказательство — комиссарверх Филоненко. Накануне большевистского переворота он упорно утверждал, и я ничего не мог с ним сделать, что слева ничего нет, кроме галлюцинаций Керенского, что вся опасность — справа (это несмотря на фантастически быстрый провал Корниловского движения). А почему? Только потому, что он не мог себе представить, что в мире может быть нечто, чего нет в его душе, чего он не любит, чего ему не хочется уничтожить, убить (любить и уничтожить было в его душе всегда одним и тем же чувством, мы с ним об этом как-то очень подробно говорили). Может быть, из всей его борьбы против большевиков (имею здесь в виду борьбу террористическую) ничего не вышло потому, что они не были для него соблазнительны и пленительны, как жертвы. Я глубоко уверен, что к своим жертвам эпохи царского режима он относился положительно-таки со страстью, с любовным пристрастием. Что он будет сейчас делать у большевиков, я не вижу. Его речь, конечно, сплошная ложь. Крестьянами и рабочими он никогда не интересовался. Если бы он даже искренно думал, что весь простой русский народ действительно признает большевиков, это ни на секунду не могло бы быть для него причиной признания советской власти. Я провел с ним в ежедневном общении первые шесть-семь месяцев революции — и абсолютно убежден, что простой русский народ был для него, как участник революции, так же противен и неприемлем, как дворник в нарядной спальне его любовницы. Если он пошел к большевикам не только от тоски своей бесславной заброшенности и не только ради новых переживаний укротителя, входящего в клетку со львами (что большевики его помиловали — ничего не значит; они могут его завтра же расстрелять, и напрасно эмигрантские психологи представляют себе его жизнь в России очень уютной¹), а с некоторой определенной мыслью, то, конечно, с расчетом на роль Наполеона, которому должна достаться победа

¹ Как Степун и предвидел, на следующий год (1925) Савинков был убит чекистами, которые умело инсценировали самоубийство бывшего террориста, якобы прыгнувшего в окно или, по другой версии, в лестничный пролет.

во внутривнутрипартийной большевистской борьбе. Что из этого ничего не выйдет, я абсолютно убежден. Мне кажется, что я хорошо знаю и верно чувствую Савинкова. Он — человек большой, но насмерть раненный беспредметной фантастикой и стилистической пошлинкой. Любит черный фрак и гайдуков перед дверью своего таинственного кабинета. Я сейчас очень занят выяснением себе дела Корнилова. Я боюсь, что Савинков сыграл в нем роковую роль...» etc.

Из этого письма видится и Савинков, и Степун. Комментарии излишни. Философов, друживший с Савинковым, всегда был человеком неумным, сентиментальным, но честным. Он Савинкова искренно идеализировал. Ему, да и всем, о ком Савинков что-либо знал, необходимо погасить все дела, известные Савинкову, и начать все сначала: предаст; и если не сразу, то по мере собственной надобности, доказывая свою лояльность большевикам. Для этого он, конечно, выдал не все зарез. — Письмо Степуна сообщаю конфиденциально.

На этом кончаю. Желаю Вам здоровья и верю, что Господь Вас хранит. Нездоровье помешало мне в июне быть у Вас в Карловцах¹ лично. Я страдаю катаром легкого, от времени до времени обостряющимся и делающим меня полуинвалидом. Я очень жалел об этом по многим основаниям. Многого же и не напишешь. Искренно преданный И. Ильин.

Адрес: Italia. Liguria. San Remo. Villa Zirio.

Савинков понимает в конспирации и сыске. Он наверное будет там работать по политическому сыску, с тем чтобы губить противобольшевистские и в то же время ему лично неудобные, непокорные организации и начинания. Он знает технику дореволюционной охраны и провокации. Бороться с ним будет крайне трудно. Доверяться ему крайне неразумно. Если бы его настигла там кара французской контрразведки, которая перед ним в долгу, то это было бы лучшим исходом.

Литература

- Степун Ф. А. (2013). Письма / Составление, археографическая работа, комментарии, вступительные статьи к тому и разделам В. К. Кантора. М.: РОССПЭН.
- Степун Ф. А. (2017). Родина, отечество, чужбина // Степун Федор. Большевизм и христианская экзистенция. / Сост. В. К. Кантор. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

References

- Stepun F. A. (2013). Pis'ma / Sostavlenie, arheograficheskaya rabota, komentarii, vstupitel'nye stat'i k tomu i razdelam V. K. Kantora. M.: ROSSPEN.
- Stepun F. A. (2017). Rodina, otechestvo, chuzhbina // Stepun Fedor. Bol'shevizm i hristianskaya ekzistenciya. / Sost. V. K. Kantor. M.-SPb.: Centr gumanitarnyh initsiativ.

¹ Город в автономном крае Воеводина (Сербия), в регионе Срем, расположенный на берегу реки Дунай, в 8 километрах от Нови-Сада.

Барон П. Н. Врангель (в центре) в замке Зеон (Бавария), принадлежащем герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому, в кругу близких. Слева от Врангеля дочь Елена, справа ее муж Аркадий Константинович Угринич-Требинский (1897–1972). Стоят слева направо: хозяйка дома герцогиня О. Н. Лейхтенбергская (1872–1953), Н. М. Котляревский (секретарь Врангеля), Н. Н. Ильина, С. А. Соколов-Кречетов (директор издательства «Медный Всадник»), И. А. Ильин, А. А. фон Лампе. 2 июля 1926

МАРКСИСТСКИЕ СТРАДАНИЯ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Владимир Прохорович Булдаков

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Института российской истории РАН.

E-mail: kuroneko@list.ru

MARXIST UNHAPPINESS OF RUSSIAN MENTALITY

*Vladimir P. Buldakov*Doctor of history, chief researcher
of the Institute of Russian history, RAS.

E-mail: kuroneko@list.ru

Автор концентрируется на особенностях рецепции российской интеллигенцией взглядов К. Маркса. Показано, что в этом сыграла решающую роль не теория, а утопическая часть (коммунизм) его учения. На это наиболее остро реагировали представители интеллигенции. Первоначально это были народники, надеющиеся, что Россия избежит «ужасов капитализма». Затем их сменили люди, рассчитывающие на «спасительную роль» экономического прогресса. Их сменили социал-демократические доктринеры. Показано, что каждому направлению российского марксизма соответствовал определенный тип психической рецепции. В конечном счете российская революция произошла не по Марксу, а по законам социально-бунтарской синергетики. Это не помешало победившим большевикам внедрить в сознание масс марксистский образ советской действительности.

The author focuses on the peculiarities of the reception of Marx's views by the Russian intelligentsia. It is shown that not the theory, but rather the utopian part (communism) of his teaching played a decisive role in this. It was the most sensitive members of the intelligentsia. Originally they were populists hoping that Russia would avoid the "horrors of capitalism." Then they were replaced by people counting on the "saving role" of economic progress. At last both were substituted by social democratic doctrinaires. It is shown that each trend of Russian Marxism corresponded to a certain type of mental reception. Ultimately, the Russian revolution took place according not to Marx, but to the social-rebellious synergy. This did not prevent the victorious Bolsheviks from introducing the Marxist image of Soviet reality into the minds of the masses.

Ключевые слова: Марксизм, ментальность, К. Маркс, Россия, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, А. А. Богданов (Малиновский), П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, И. В. Сталин.

Keywords: Marxism, mentality, Marx, Russia, V. I. Lenin, L. D. Trotsky, A. A. Bogdanov (Malinovsky), P. B. Struve, N. A. Berdyaev, I. V. Stalin.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-31-47

Среди многочисленных юбилеев прошлого и нынешнего годов как-то затерялась одна многозначительная дата — 200-летие Карла Маркса. А зря! Некогда Ленин заметил, что Россия «выстрадала марксизм». Сегодня это высказывание выглядит злой иронией: мы все еще «страдаем» от марксизма, точнее, его вульгаризированного подобия. Дело вовсе не в коммунистах. Парадокс (обычный для истории идей) в том, что даже застарелые «антимарксисты» остаются в тисках «марксистского» образа мыслей.

Марксизм больше чем учение. В данном случае речь пойдет не о его «достоинствах» и «недостатках» — этим и без того занимались и занимаются более столетия. Важнее другое. «Чтобы понять силу политических мифологий, заполнивших собой XX столетие, надо вернуться ко времени их зарождения или хотя бы молодости: только так мы можем составить представление об их былом блеске... Следует не столько разбирать свалку мертвых идей, сколько обратиться к тем страстям, которые придавали им силу», — отмечал Ф. Фюре. Всякая эпоха порождает и порождает свой набор интеллектуальных пристрастий. По мнению Фюре, «из всех страстей, разрывавших вскормившую их грудь современной демократии, самая мощная — ненависть к буржуазии» (Фюре, 1998: 18, 21). Люди легко поддаются непреложным «истинам», впадают в квазирелигиозные соблазны, упорствуют в догмах, однако с трудом разбираются в истоках былого ослепления и отупения. Проще ненавидеть — особенно во времена, располагающие к этому.

Вскормить сфокусированную ненависть к «чужому» помог Карл Маркс. Свой главный труд — «Капитал» — он считал самым страшным снарядом, когда-либо пущенным в голову буржуа. С этим трудно не согласиться. Страсть отрицания способна бесконечно возрождаться в новых поколениях — подчас в неожиданных формах.

Сам по себе марксизм как теория ни плох, ни хорош — в иные времена он мог остаться одним из памятников человеческой мысли. Однако он стал подобием светской религии или религиозной схизмы, демонстративно отвергая основы и Ветхого, и Нового заветов. Во имя чего? Во имя страстного — *религиозного по существу* — бунта против не оправдавших надежд

старых богов. И этот феномен был подготовлен всей «антирелигиозной» эпохой Просвещения.

Этому были свои — социопсихологические, а не просто «материальные» предпосылки. Во времена латентно нарастающей нестабильности внутри «застойных» систем личности диссипативного склада рвутся на поиск «своих» богов, точнее, идолов. Маркс предугадал появление невиданного ранее объекта поклонения — заземленного божества, именуемого пролетариатом. Однако этот общеевропейский феномен, вызванный прогрессом индустриализма, почему-то особенно заметно сказался на периферии капитализма — в «аграрной» России, волей-неволей становившейся промышленной.

В наше время не верят в кризисное состояние предреволюционной России только замшелые конспирологи (включая бывших «марксологов» и преподавателей «научного коммунизма»). Всякая революция имеет свои *духовные* предпосылки. Принято считать, что Английская революция была связана со своеобразным прочтением Библии, Французскую подготовили радикальные последователи просветителей, призвавшие «раздавить гадину» — католическую церковь (в том числе с помощью вызывающей обрядности). В основу революции в России было положено учение Маркса, по-своему — с яростью неофитов — интерпретированное в духе тотального разрыва с «империалистическим» прошлым.

Возникает вопрос: почему такое случилось? Хотя о Марксе и марксизме написаны тысячи томов, вопрос, почему учение именно этого немецкого мыслителя имело невероятный успех именно в нелюбимой им России, остается без вразумительного ответа.

Бесполезно и нелепо сводить исторический процесс к рациональному воспроизводству или извлечению из прошлого «полезных» идей и идеологий. Слабые людские умы не умеют адекватно переводить язык гениев — мешают факторы, смущающие человеческое сознание. Иногда — чрезмерно.

Вторжение марксизма в Россию не случайно совпало с общеевропейской технологической революцией; наиболее ощутимой и психически действенной ее частью стала революция информационная. Потребность людей в вере многократно возросла — ощущение тотальной нестабильности взывало к новым, при этом *научообразным* утопиям. «Социальная философия Маркса была вызвана к жизни громадной массой противоречий, в которых запуталось современное ему человечество в сфере познания самого себя, своей общественной природы» (Богданов, 2016: 272), — к такому заключению придет выдающийся (тоже марксистский) ум своего времени А. А. Богданов (Малиновский). Можно предположить, что русской интеллигенции *in corpore* пришлось пережить нечто изоморфное былым переживаниям Маркса.

Будущий изобретатель «научного социализма», несомненно, был диссипативным пассионарием, остро ощущавшим потребность в «своей» вере. В 1837 г. выпускник гимназии Карл Генрих Маркс написал сочинение «Единение верующих с Христом по Евангелию от Иоанна». Возможно, его уже тогда особо волновала проблема рецепции веры, что характерно для амбициозных претендентов на внедрение «истины». Будучи оптимистом, как и полагалось в век Просвещения, он жаждал соответственной веры, надеясь (пока) обрести ее в христианстве. Не исключено, что за этим таилось подсознательное стремление порвать с духом «застойного» талмудизма (он происходил из семьи потомственных раввинов), от которого с большим трудом открещивался его отец-адвокат, сумевший перейти в лютеранство лишь после смерти матери — ортодоксальной иудейки. Прежде чем стать новым «мессией», следовало убить старых богов в самом себе.

Возможно, эпистемологические корни марксизма еще глубже. Согласно Р. Нисбету, «именно в христианстве, в результате судьбоносного союза иудейской и эллинской мысли, идея прогресса получила ту форму и содержание, которым суждено было войти в мир современности: видение человечества, находящегося в необходимом поступательном движении, переходящем от этапа к этапу, от примитивного прошлого к светлому будущему, и весь этот процесс является реализацией изначального плана Провидения». При этом в даже эпоху Просвещения «идея прогресса сохраняла тесную и глубокую связь с христианством», а в XIX в. находились десятки авторов, готовых сделать из христианства или его суррогата «краеугольный камень своей веры в прогресс» (Нисбет, 2007: 527). Возможно, так и было: всякие верования и идеи бесконечно переплетаются, а агрегированные людские «догадки» словно дожидаются своего «пророка».

Как бы то ни было, в напряженной интеллектуальной атмосфере XIX в. из пассионарного выкреста вряд ли мог выйти примерный христианин. Скорее мог получиться ниспровергатель всех и всяческих богов.

Марксизм в исходных установках превратно религиозен. На место страдающего бога в нем поставлен «угнетенный пролетариат» — новый мессия, который, как ожидалось, революционным путем из «последних станет первым». В пролетарском интернационализме, как и в христианстве, «нет ни эллина, ни иудея». Но солидарность достигалась не братской любовью, а насилием против «насильников». Как ни парадоксально, идеология прогресса вступала в период социально утопического существования, «диктатура разума» превращалась в диктатуру идеи.

То, что «научная доктрина» Маркса религиозна по структуре, одним из первых подметил С. Н. Булгаков, выходец из священнической семьи, также ри-

нувшийся на поиски новой веры, но не сумевший укрепиться в ней и ставший в конечном счете православным священником. Его критика Маркса выглядит несколько однобокой. Он осуждал, по преимуществу, антигуманный атеизм нового учения, не замечая или не решаясь признавать в нем черты нового верования, по-своему предугадавшего устремления грядущей эпохи. Между тем революционный прогрессизм Маркса в эпоху «больших ожиданий» подпитывался миллениаристской верой в тысячелетнее царство коммунизма. Тогдашний капитализм казался земным исчадием ада, которому в сознании и душах людей могла противостоять только его полная противоположность.

Бывают времена, когда даже самые трезвые умы словно впадают в ослепление, выдаваемое за «просветление», а затем следуют инерции «случайного» выбора. Некоторые из них принимают упорно доказывать правоту своего «судьбоносного» решения. Легче всего это удастся тогда, когда формально-логическую аргументацию незримо подпират утопия. «Мы должны констатировать, — писал Булгаков в 1906 г., — что наиболее глубокое, определяющее влияние Маркса на социалистическое движение в Германии, а позднее и в других странах, проявилось не столько в его политической и экономической программе, сколько в общем религиозно-философском облике» (Булгаков, 1990: 338). Действительно, доктор Маркс, начавший как революционный романтик, все силы бросил на главный труд своей жизни — «Капитал» — сочинение дотошное, претендующее на всеохватность. При этом обличение капиталистической действительности производило поистине завораживающий эффект. Такое обычно относится к области философии чуда.

Парадоксально, но Маркс был переведен в первую очередь в России — при этом отнюдь не марксистами, а народниками. Разоблачение ужасов эксплуатации пролетариата оказалось выгодно людям, рассчитывающим избежать «зловредного» капитализма. Для них марксизм был полезным заблуждением или своевременной подсказкой. Один из ортодоксальных современников-марксистов заметил, что «социальная функция идеологии и состоит в том, чтобы создать... “мечту”, разукрасить ее, сделать богатой, сложной, со многими “щупальцами”, проникающими в мозг и душу внушаемого» (Юшкевич, 1912: 18). С другой стороны, Маркс увлекал и тех, кому не нравилась крестьянофильская сентиментальность народничества, расплывчатость его программных установок.

Всякую утопию обычно выдавливает из сознания другая утопия. Без социально-утопического компонента своей теории Маркс остался бы рядовым экономистом эпохи. Вместе с тем он был человеком потрясающей работоспособности и выдающейся эрудиции. Это позволяло имплицитно и эксплицитно заимствовать те или иные нужные идеи и теории, включая яростно опро-

вергаемые. Так, трудовую теорию стоимости — ядро его социально-революционной философии — создал не он, а Д. Риккардо. Поэтому не случайно, что еще до первого русского перевода, осуществленного народниками, в России появился «катедер-марксист» — Н. И. Зибер (1844–1888), автор диссертации, превратившейся в книгу «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (защита диссертации состоялась в 1871 г., а книга вышла в 1897 г., уже после смерти автора). Он настаивал, что «теория происхождения чистого дохода, или прибавочной ценности, в связи с общей теорией ценности, представляет ядро всего сочинения “Капитал”, дальнейшее содержание которого является не более как развитием деталей и усложнений той и другой» (Зибер, 1937: 303). Зибер пропагандировал идеи первого тома «Капитала», однако в третьем Маркс «опроверг» самого себя: прибыль привязана к рыночной конъюнктуре. Время показало, что наукоемкие производства вообще снимают проблему эксплуатации труда — уместнее говорить об «эксплуатации мозгов».

Чтобы соединить утопию с наукой, требовался «характер». «Характерной особенностью натур диктаторского типа является их прямолинейное и довольно бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности, люди превращаются для них как бы в алгебраические знаки, предназначенные быть средством для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных, целей или объектом для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного, воздействия, — отмечал Булгаков. — В области теории черта эта выразится... в игнорировании проблемы индивидуальности» (Булгаков, 1990: 314). Тогдашнего среднего российского интеллигента отталкивал взгляд на личность как на чисто количественную величину. Однако на начальном этапе становления массового общества появление подобного взгляда неизбежно.

Российские народники не случайно ухватились за Маркса. Он подтверждал, что Россия должна любым способом избежать пролетаризации крестьянства. Эта логика находила адептов. Экс-марксист князь В. А. Оболенский указал на по-своему типичный народнический психотип. Так, доктор Д. Н. Жбанков, известный медик, был воспитан на О. Конте, Г. Спенсере, Ч. Дарвине, с одной стороны, Д. И. Писареве и Н. А. Добролюбова — с другой. Все они считались непогрешимыми. «Столь же непогрешимыми он [Жбанков] считал и свои собственные народнические взгляды, — свидетельствовал Оболенский. — Тупая <...> принципиальность этого человека иногда принимала совершенно нелепые формы. Так, например, он считал предосудительным заботиться о своей внешности...» Еще одна характерна деталь: «Будучи членом всех Пироговских съездов врачей, Жбанков всегда выступал на них с трафаретными речами, в которых требовал отмены винной монополии, телесных наказаний

и проводил соответствующие резолюции» (Оболенский, 2017: 210). В общем, Жбанков искренне боролся против конкретных «ужасов капитализма». И на эти поступки его вдохновляло народничество.

Однако пришло время не просто обличительной критики существующих порядков, но и рассудочного, научнообразно-позитивистского бунтарства против властей. Требовался «не бог, не царь и не герой». Следовало ориентироваться на массы. В России опыт интеллигентского поклонения людской массе уже имелся. Народники рассчитывали на общинный коллективизм. Вера в него иссякала. Настала пора переключаться на коллективиста иного рода — промышленный пролетариат.

Российский капитализм не только разорял деревню, но и делал заметные успехи. «Из своих наблюдений над русской деревней я все больше убеждался в правильности марксистских прогнозов в отношении России, — признавался Оболенский. — <...> Я усвоил марксистскую уверенность в том, что Россия, чтобы стать страной социализма, должна предварительно пройти через фазу развития капиталистического прогресса индустриального и сельскохозяйственного и что переход крестьян от общинного к частному землевладению не только влечет за собой повышение культуры, но и в конечном счете приближает Россию к социалистическому строю». Впрочем, Оболенский не считал себя правоверным марксистом, поскольку «никогда не мог признать эволюцию форм производства единственным фактором эволюции человеческих отношений и человеческих идей, как это утверждали марксисты». Оболенский действительно «не принадлежал к типу людей, взгляды которых создаются из увлечения отвлеченными теориями и доктринами». В нем не было идейной стадности разночинцев. Он не страдал умозрительностью, по его собственному признанию, «был плохим “идеологом”», не склонным «видеть в пролетариате какого-то избранника экономического процесса, которому предстояло вести остальное человечество в царство Свободы и Справедливости» (Оболенский, 2017: 221–222). Для него марксизм, как и для многих интеллигентов 1900-х гг., был идейной модой. Да и «служить прогрессу», строго говоря, куда комфортнее, чем «служить народу».

Доктрина Маркса стала духовным искушением для всякого разочарованного в народничестве российского идеалиста. «Социологию Маркса я принял в те годы целиком и совершенно уверовал в пролетариат как строителя будущей цивилизации, — признавался поэт Г. И. Чулков. — Нравилась стройность системы, казалась убедительной начертанная Марксом схема классовой борьбы... Самая фатальность исторического процесса, неуклонно идущего к коллективизму, внушала тот оптимизм, которого так недоставало серой и унылой действительности» (Чулков, 1999: 32).

В наше время в предреволюционный застой почему-то не верят даже люди, пережившие застой брежневский. Чулков не случайно превратился в «мистического анархиста», когда народилось поколение марксистских догматиков от политики. Видный экс-марксист Н. А. Бердяев признавался: «...В марксизме меня более всего пленил историософический размах, широта мировых перспектив... Марксизм конца 90-х годов был, несомненно, процессом европейзации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на большой простор» (Бердяев, 1991: 118). Однако скоро ортодоксальные марксисты ударились в схоластику — это отвращало.

До 1900-х гг. в России Маркса в политической социал-демократической интерпретации почти знали; идеи «пионера русского марксизма» Г. В. Плеханова из-за границы доходили с трудом. Общественную значимость марксистские идеи приобрели лишь в связи с появлением в 1894 г. книги П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Строго говоря, вызвала настоящий фурор ее заключительная фраза: «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Не будь этой фразы, 24-летний критик народничества вряд ли сделал бы себе имя. С этого момента в России развернулась поистине фантасмагоричная борьба «за Маркса», с одной стороны, «против Маркса» — с другой. Позднее, после выхода книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», А. А. Богданов, ставший к тому времени «эмпириомонистом», выразил надежду, что «когда-нибудь найдется историк, который напишет сравнительный анализ стратегии и тактики в войне идеологий, а может и философ-поэт, который в широком, социальном масштабе изобразит “Метаморфозы” борющихся идей...» (Богданов, 2010: 142).

Это сомнительно. Трудно представить, что кому-то захочется продираться сквозь дебри тогдашней схоластики и немногих прозрений, густо опутанных паутиной взаимных «обличений». Достаточно сказать, что сам Богданов, полемизируя с Плехановым, противопоставлял ему... Бельтова (псевдоним того же Плеханова) (Богданов, 2012: 17–18).

На этом фоне и набирала известность фигура Петра Струве. Начав как социал-демократ, сочинивший манифест 1-го съезда РСДРП, он со временем превратился в ведущего автора этапных для либеральной идеологии сборников «Проблемы идеализма» (1903), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Этот человек, не лишенный черт природного вундеркинда, со временем вырос в настоящего *enfant terrible* русского либерализма. Его метало из стороны в сторону, пока не занесло правее кадетов. Впрочем, «Вехи», к которым он приложил руку, Богданов назвал «сборником поумневших под кнутом реакции русских либералов» (Богданов, 2010: 143).

Чрезвычайно едкую оценку П. Б. Струве дал Л. Д. Троцкий. По его мнению, тот представлял «олицетворенную беспринципность в политике», будучи «совершенно лишен физической силы мысли». Свидетельство тому — «Критические заметки», представлявшие «эклектическое соединение “критической” философии, вульгаризованного марксизма и подправленного марксизмом мальтузианства». Естественно, такой тип должен был уйти от социал-демократии в «исторически выморочный» русский либерализм с «его неспособностью на инициативу, его отчужденностью от рабочих масс...». Понятно, что ничего иного этот жесткий социал-демократ написать не мог. Более интересным представляется замечание Троцкого о том, что теоретические взгляды Струве «всегда находились в процессе непрерывного линяния» (Тахотский [Троцкий], 1906: 3–4, 7). Впрочем, над «метаниями» Струве не злословил только ленивый. Не замечали, однако, что он оставался при этом младенчески искренним. Уже в эмиграции З. Н. Гиппиус посмеялась над его впадением в православие. Она полагала, что Струве всегда хамелеонствовал в соответствии с модой (Гиппиус, 2016: 737).

Однако все было не столь просто. Нужно иметь в виду, что Струве в юности решительно порвал с родителями (отец был губернатором), хотя был совершенно не приспособленным к жизни болезненным человеком. В итоге он до женитьбы фактически находился на содержании у любовницы старше едва ли не вдвое. Бердяев также принадлежал к верхам общества. Излишне впечатлительный, он страдал нервным тиком. Оба обладали не просто тонкой, но и «истонченной» психикой. Таких во времена повышенной турбулентности обычно «заносит». А это впечатляет людей стадного склада.

В. И. Ленин, поначалу оказавшийся в тени П. Б. Струве, был человеком иного склада. Если болезненный Струве, оказавшись в тюрьме, скоро запросился на волю (что и произошло с помощью «связей»), то Ленин написал в камере фундаментальную работу «Развитие капитализма в России». Когда Струве отошел от социал-демократии, Ленин называл его «Иудой» и «теленком».

Ленин представлял иной психотип. Мемуаристы сходятся в том, что он имел невзрачную наружность. Оболенский утверждал, что он «скорее напоминал приказчика мучного лабаза, чем интеллигента» (Оболенский, 2017: 232). В ноябре 1917 г. один рабочий увидел в нем «похожего на монтера человека»: «костюм его был слишком прост — табачного цвета, на груди висела железная массивная цепь, один штиблет на правой ноге был заштопан, редкие волосы окаймляли его выдвинутый череп, бородка и усы, которые он, очевидно, недавно сбрил, щетинились...» Парадоксально, но больше всего в память наблюдателя врезались «пролетарские вериги» вождя (Булдаков, 2013). Люди видят в своих кумирах то, что хотят видеть, особенно если это взгляд из тол-

пы. Причем со временем неизбежна своеобразная ротация властителей дум (Булдаков, 2010: 409–422).

Все мемуаристы отмечают, что Ленин (как и Маркс) обладал феноменальной памятью. Правда, вряд ли он мог по этой части соревноваться с другим яростным адептом марксизма — Плехановым. А это качество обычно блокирует «полет фантазии» и порождает нетерпимость к инакомыслию. Как уверял Оболенский, Ленин «не принадлежал к числу людей, поражающих силой и оригинальностью мыслей», «мысль его была замкнута в трафарете марксистских идей» (Оболенский, 2017: 233). Это не совсем точно: подобно Марксу, Ленин легко утилизировал чужие догадки, тут же осуждая их носителей за «политику».

Оболенский наблюдал преимущественно выступления Ленина в интеллигентной среде. А здесь «...главное содержание спора, как всегда у марксистов, состояло в талмудическом толковании учения “святых отцов”». В этом Ленин «был виртуозен». Он вел полемику «исключительно неприятно — высокомерно и презрительно, усыпая свою гладко льющуюся речь язвительными и часто грубыми выходками по отношению к противнику». При этом «внешне он казался совершенно спокойным, но его маленькие монгольские глазки становились острыми и злыми» (Оболенский, 2017: 235). Позднее А. А. Богданов, основной конкурент Ленина за идейную гегемонию в российской социал-демократии, назвал ортодоксальный марксизм Ленина «вампиром», который и «превращает вчерашних полезных работников в озлобленных врагов необходимого развития пролетарской мысли». Вместе с тем он заявлял, что «товарищей, попавших во власть злого призрака, мы пожалеем и постараемся вылечить» (Богданов, 2010: 220). Ленин на роль врачевателя людских заблуждений не годился. Их носители становились врагами.

Были в 1890-х — начале 1900-х гг. и другие примечательные типажи, обьявившие себя марксистами. Так, согласно Оболенскому, В. В. Бартенев стал марксистом «еще до появления в столице плеяды молодых марксистских вождей с П. Б. Струве во главе». В университете он был известен как «тихий и кроткий» организатор кружков самообразования, хотя сам оставался «довольно поверхностно образованным юношей» нигилистского склада. Побывав в ссылке, он своих убеждений не изменил, однако «понял, что не создан для революционной деятельности», а потому выбрал стезю... акцизного чиновника (Оболенский, 2017: 229–230).

Постепенно народилась целая генерация «мягкотелых» — на фоне последующих социал-демократов — марксистов, позднее названных Лениным «легальными», не занимавшихся революционной деятельностью. Эта характеристика была заведомо несправедливой несправедливо — будущий вождь

большевизма сам по большей части выступал в «легальном» амплуа. Другое дело, что он представлял действительно революционный психотип, как и его единственный учитель Маркс.

Вера в собственную (и клановую) непогрешимость была в России своего рода болезненной реакцией на официальное единомыслие. Догмы в застойном обществе провоцируют появление новых, не менее догматичных установок сознания. И это до некоторой степени помогает сохранить душевное равновесие целому поколению.

Сам Оболенский был благополучным, психически уравновешенным человеком. Этого нельзя сказать о других тогдашних марксистах. Так, А. М. Стопани был «тяжелодумом, трудно усваивавшим новые мысли, но, раз усвоив их, упрямо их сохранял и отстаивал даже против очевидности». По мнению Оболенского, он был «типичным марксистом-сектантом, ограниченным и узким». Вместе с тем он отличался от остальных «исключительной душевной мягкостью и добротой, соединенной с какой-то детской чистотой и наивностью». Говорили, что Ленин называл его «наша итальянская дура» (Оболенский, 2017: 228–229). Видно, что свою «армию» Ленин набирал из людей, не способных составить ему конкуренцию.

Марксисты разного рода стали плодиться не только в столицах. В Орле одним из заметных социал-демократов был Е. Н. Колышкевич — с виду малопривлекательный «идейный аскет». Он смотрел на мир «сквозь марксистскую призму, и казалось, для него ничего, кроме марксистской философии и марксистской практики, не существовало». Вместе с тем этот «сухой и аскетический, по виду некрасивый человек» пользовался успехом у женщин. Как видно, в своем социуме он смог занять нишу лидера. Со временем, отказавшись от марксизма, и он превратился в «нормального» интеллигента, потянувшегося к кадетам (Оболенский, 2017: 257–258).

Всякая застойная среда порождает особо острый «конфликт отцов и детей». Так было и с первыми российскими марксистами. Так, Н. Ф. Лопатин происходил из купеческой семьи и даже унаследовал солидный капитал. Был исключен за неблагонадежность из Петровской академии, отправился учиться в Берлин, но и там попал в тюрьму. Как утверждал Оболенский, «он имел все данные, чтобы выдвинуться в первые ряды русской интеллигенции, но этому мешала какая-то присущая ему внутренняя раздвоенность». Он был словно соткан из противоречий. Так, «он с упорством маньяка себя принижал, страстный и властный по натуре, заставлял себя быть кротким и даже сладким, склонным к мистике — тренировал себя в стопроцентном материализме». Порой на него нападали «припадки злобы и бешенства». При этом был преисполнен «органической ненависти к господствующим классам —

дворянству и буржуазии, но по натуре он все же оставался купцом-самодуром» (Оболенский, 2017: 227–228).

Феномен Ленина мог и не состояться, не разразись Первая мировая война. Будущий вождь «воскрес» из эмигрантского небытия на волне солдатского бунта. К Марксу это имело весьма отдаленное отношение. Оболенский вновь увидел Ленина спустя много лет, «когда в 1917 году он произносил отвратительно-демагогическую речь с балкона особняка Кшесинской» (Оболенский, 2017: 237). Однако слушатели выхватывали из его речей невероятный заряд ненависти, передаваемый, что примечательно, деловым, обыденным тоном. Ими двигала не столько ненависть к призрачной буржуазии, сколько напор внутренней агрессии, аккумулированной буржуазным прогрессом.

Сегодня очевидно, что в России провалились и марксисты, и народники, и осторожные либералы — так бывает со всеми доктринерами в переломное время. Разъяренные и раздраженные позитивисты исходили из единственной видимой тенденции общественного развития, тогда как траектория движения истории всегда складывается из болезненного переплетения прорывов и откатов, прозрений и заблуждений, «торжества разума» и «рева племени». Но тогда люди не верили в возможность попятных движений, не сознавая, что человек по своей природе «прогрессист» ровно в той степени, которая позволяет ему чувствовать себя комфортно внутри привычной традиции. Они по-манихейски разделяли общественное сознание на прогрессивное и реакционное. Между тем человек обречен на существование внутри традиции, задающей смыслы истории вопреки любым идеологам.

Лидеры революции привносили в массовое движение нерассуждающую подражательность. Она соединялась со стадным духом возбужденных толп. Квазирелигиозное вторжение марксизма в Россию было не одномоментным актом, а волнообразным процессом (Булдаков, 2009). Моменты утопической психопатии были особенно заметны в 1917 г. Им были подвержены скученные, малообразованные, духовно нивелированные тяжелым и изнурительным физическим трудом и, главное, бесперспективностью привычного бытия социальные низы. Именно в это время аристократка А. М. Коллонтай на митинге-концерте легко переплюнула «благоразумных» ораторов. «Товарищи, — возопила она с трибуны, — <...> вам твердят ежедневно: солдаты — в окопы, рабочие — к станкам!.. А буржуазия? А помещики?.. Помещики — на покой в свои усадьбы! А буржуазия — к своим награбленным сундукам!..» (Суханов, 1991: 97). По-видимому, лозунг «Грабь награбленное!» (парафраз марксистского «экспроприация экспроприаторов») не изобрел Ленин — он рождался стихийно. Уловив это, Ленин призывал «учиться у масс». Сходным образом Троцкий зажигал аудиторию призывами о дележе имущества, вплоть

до шуб и сапог, заставлял толпу клясться, что она пойдет на любые жертвы ради идеала мира и тотальной уравниловки (Суханов, 1992: 292–293). Такую манеру копировали очень многие — и не только рядовые большевики и анархо-синдикалисты.

Все это тоже было замечено. «Русские бунтари 1917 года выступили под знаменем марксизма, но их тактика и даже ближайшая их программа вовсе не совпадала с идеями научного социализма: они предали забвению все предпосылки социального историзма и, подобно Бакунину, опираясь на темные непросвещенные массы, стремились ввергнуть страну во все случайности анархии со странную надеждою выплыть в океане бушующего строя “без руля и без ветрил”...» (Чулков, 2017: 29). Сегодня, когда исследователи изучают возможности «нелинейного прогнозирования», сентенции Чулкова кажутся наивными. Ленин мог до бесконечности заклинать, что «учение Маркса всеильно, потому что верно», но в 1917 г. он действовал по законам социально-революционной синергетики — сложноорганизованная система возрождается в результате тотальной перетряски.

Кстати сказать, большевистское руководство в 1917 г. было много догматичнее Ленина, склоняясь порой к наиболее примитивной интерпретации Маркса. То ли по иронии истории, то ли по намеку судьбы руководящая роль на VI съезде большевистской партии в отсутствие Ленина досталась Сталину. Трудно вообразить, что творилось в мозгах будущего диктатора, но тогда этот вечно выжидающий человек провалился в роли теоретика. Набившие оскомину высказывания («война продолжается, экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер», а потому «именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму») (Шестой съезд РСДРП (большевиков), 1958: 111, 143, 250), никак не устраивали делегатов, надеявшихся (по Марксу) на помощь мировой революции.

Куда более гибко подгонял идеи Маркса к России Троцкий. «Марксизм считает себя сознательным выражением бессознательного процесса, — утверждал он. — ...Высшее теоретическое сознание эпохи сливается... с непосредственным действием наиболее... удаленных от теории угнетенных масс. Творческое соединение сознания с бессознательным есть то, что называют обычно вдохновением. Революция есть неистовое вдохновение истории» (Троцкий, 1990: 56).

Уже после революции Бердяев отмечал такие религиозные черты марксизма: «строгая догматическая система, несмотря на практическую гибкость, разделение на ортодоксию и ересь, неизменяемость философии науки, священное писание Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которое... не может быть... подвергнуто сомнению; разделение мира на две части — верующих —

верных и неверующих — неверных; иерархически организованная коммунистическая церковь с директивами сверху; ...тоталитаризм, свойственный лишь религиям; фанатизм верующих; отлучение и расстрел еретиков; недопущение секуляризации внутри коллектива верующих; признание первородного греха (эксплуатации)» (Бердяев, 1990: 305). Действительно, большевикам (как некогда народникам) марксизм помог придать старому строю inferнальные черты, социальному насилию — сакрально-жертвенное качество, а его революционным плодам — облик «великого свершения». Массам, в свою очередь, марксизм позволил сформировать образ врага — аналога нечистой силы в лице «буржуазии», а затем «мирового империализма».

Время способно вылечить от ментальных болезней смутных времен, хотя далеко не всех и не в полной мере. Со временем «прогрессист» Струве несколько прозрел — талант не спрячешь. Он писал, что Октябрьскую революцию следовало бы сравнивать со Смутой XVII в. (Струве, 1921: 32–33). Стоит прислушаться и к его сподвижнику С. Л. Франку, полагавшему, что «русская революция по своему основному, подземному социальному существу есть восстание крестьянства, победоносная и до конца осуществленная всероссийская пугачевщина» (Франк, 1972: 8). Русской революцией управляла синергетика традиционного бунтарства. Но в эту простую истину трудно поверить, ибо несколько поколений исследователей мыслили во все той же «прогрессистской» парадигме.

Как бы то ни было, сделавшись подобием светской религии, марксизм стал неуязвим для чисто научной критики. В результате все исследователи уже более 100 лет разделяют Маркса-экономиста и Маркса-утописта, искренне или ханжески восхищаясь первым и смущенно опуская глаза перед вторым. Всякая вера или может иссякнуть под влиянием жизненных обстоятельств, или окажется вытесненной другой верой. Идеологам марксизма со временем суждено было измельчать. В советское время они превратились в беспомощных «попов марксистского прихода», неспособных бороться за души верующих. Но времена меняются. И потому лидер КПРФ Г. А. Зюганов не без успеха твердит, что первым коммунистом был Иисус Христос, а «Моральный кодекс строителя коммунизма» — своего рода развитие Нагорной проповеди. На деле в изначальном марксистском этосе не было ни грана гуманистического солидаризма, да и «интернационалист» Маркс оставался не только европейским гегемонистом, но и немецким националистом. Марксизм-то мельчает, но реактивируется. Во всяком случае, учение Маркса не помогло германским социалистам и коммунистам противостоять ни германскому милитаризму, ни примордиалистским силам национализма, обернувшимся нацизмом. Идеи слабы перед разгулом человеческих страстей,

всякий раз оживающих в переломные моменты истории. Но они способны провоцировать такие страсти.

Давно отвергнутый *теоретически* марксизм оказался живуч. Почему? Ответ надо искать не только в особенностях доктрины, а в специфике мировосприятия людей той или иной эпохи. Давно подмечено, что европейская историософская традиция эпистемологически базируется на рационализме, формы которого, в свою очередь, эволюционируют от признания абсолютности «высшего» знания через его комментарий (Фуко, 1977). Отсюда непреходящая исследовательская склонность к позитивизму и эмпиризму. Это заметно и в наше время в России — отсюда, в частности, рецидивы экономического детерминизма. Попросту говоря, марксизмом может соблазниться и ученый-схоласт, и обыватель, твердо уверенный, что завтра будет лучше, чем вчера. Неслучайно И. В. Сталин в свое время столь старательно манипулировал с плановыми показателями пятилеток строителей социализма. И эту эстафету подхватил Н. С. Хрущев, вздумавший к 1980 г. допрыгнуть до вождя коммунизма. Причем провал его затеи ничуть не поколебал веры в марксизм. Напротив, неудача была отнесена к разряду персональных нелепостей.

Вопрос о живучести марксизма в СССР не следует сводить к насильственному навязыванию или конформистскому восприятию «монистического» взгляда на историю. Советский «марксизм» вырос из «чуда» революции. Ситуацию можно сопоставить с изумлением людей, сотворивших то, что по прежним представлениям казалось невероятным. В связи с этим уверовать в непорочность марксистского учения было нетрудно.

Нет ничего удивительного в том, что когда в Западной Европе марксизм обернулся социал-демократией, в России он был воспринят в качестве тотальной антитезы всему «чужому». Именно такое понимание Маркса было усвоено большевизмом; пресловутая «диалектика» позволяла небрежно игнорировать стороны учения, которые не согласовались с эмпирикой. Наука в сочетании с утопией открывает бесконечные возможности для самообмана. Аморфность российского общества, слабость реальных гражданских структур, своего рода «когнитивное рабство» элит придали большевистской революции и последовавшей за ней Гражданской войне отнюдь не марксистский характер.

Вместе с тем марксизм обладает еще одной особенностью. Так называемая «формационная теория» дает человеку ограниченных способностей шанс почувствовать себя «всезнайкой». Используя эту психологическую зависимость, можно изменить не только образ мысли, но и поведенческие установки целых поколений. «Избавляясь от марксизма-ленинизма, они думали, что избав-

ляются от самого Маркса. Но это не так-то просто. Выпроводишь Маркса в дверь, а он грозит пролезть в окно, — отмечает И. Валлерстайн. — Ибо Маркс не исчерпал своего политического значения и своего интеллектуального потенциала (как раз наоборот)» (Валлерстайн, 2018: 210).

Это справедливо. Марксизм как радикально-утопическая доктрина, способная мимикрировать соответственно меняющейся действительности, неистребим — тем более что современность, словно в насмешку, дает людям и образование, и время для размышления, и пищу для недовольства, лишая их при этом онтологического выбора.

Литература

- Богданов А. А. (2016). Из психологии общества. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД.
- Богданов А. А. (2012). Приключения одной философской школы: Полемические заметки о Г. В. Плеханове и его школе. Изд. 2-е. М.: URSS, ЛИБРОКОМ.
- Булгаков С. Н. (1990). Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человека Л. Фейербаха) // Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Наука.
- Булдаков В. П. (2009). Вторжение марксизма в Россию: Акт первый // Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка. Сборник статей к 100-летию со дня рождения. М.: РОССПЭН. С. 182–200.
- Булдаков В. П. (2010). Красная смута, природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН.
- Булдаков В. П. (2001). Похожий на монтера человек. Ленин как маг-повелитель перепуганных людей // Независимая газета. 26 апреля.
- Валлерстайн И. (2018). После либерализма. М.: URSS: Ленанд.
- Гиппиус З. Н. (2016). «Православный» Струве // Консерватизм: pro et contra. Антология / Сост., вступ. статья, коммент. А. Я. Кожурина; ред. предисл. А. А. Сеницына. СПб.: РХГА.
- Зибер Н. И. (1937). Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. М.: Соцэкгиз.
- Нисбет Р. (2007). Прогресс: история идеи. М.: ИРИ СЭН.
- Оболенский В. А. (2017). Моя жизнь и мои современники: Воспоминания. 1869–1920: в 2 т. Т. 1. М.: Кучково поле; Ретроспектива.
- Струве П. (1921). Размышления о русской революции. София: Российско-болгарское книгоиздательство.
- Суханов Н. Н. (1991). Записки о революции. Т. 2. М.: Издательство политической литературы.
- Тахотский [Троцкий] Л. (1906). Господин Петр Струве в политике. СПб.: Новый мир.
- Троцкий Л. Д. (1990). Моя жизнь. Т. 2. М.: Книга.
- Чулков Г. И. (1917). Михаил Бакунин и бунтари 1917 года. М.: Московская просветительская комиссия.
- Чулков Г. И. (1999). Годы странствий. М.: Эллис Лак.

Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. 1958. М.: Политиздат.
 Франк С. (1972). По ту сторону «правого» и «левого». Париж: YMCA-press.
 Фуко М. (1977). Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс.
 Фюре Ф. (1998). Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem.
 Юшкевич П. С. (1912). Мировоззрение и мировоззрения (очерки и характеристики). СПб.: Карбасников.

References

- Bogdanov A. A.* (2016). *Iz psihologii obshchestva*. Izd. 3-e. М.: LENAND.
- Bogdanov A. A.* (2012). *Priklyucheniya odnoj filosofskoj shkoly: Polemicheskie zametki o G. V. Plekhanove i ego shkole*. Izd. 2-e. М.: URSS, LIBROKOM.
- Bulgakov S. N.* (1990). *Karl Marks kak religioznyj tip (Ego otnoshenie k religii chelovekobozhiya L. Fejrbaha)* // *Bulgakov S. N. Filosofiya hozyajstva*. М.: Nauka.
- Buldakov V. P.* (2009). *Vtorzhenie marksizma v Rossiyu: Akt pervyj* // Leonid Mihajlovich Ivanov. *Lichnost' i nauchnoe nasledie istorika. Sbornik statej k 100-letiyu so dnya rozhdeniya*. М.: ROSSPEN. S. 182–200.
- Buldakov V. P.* (2010). *Krasnaya smuta, priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya*. М.: ROSSPEN.
- Buldakov V. P.* (2001). *Pohozhij na montera chelovek. Lenin kak mag-povelitel' perezugannyh lyudej* // *Nezavisimaya gazeta*. 26 aprelya.
- Chulkov G. I.* (1917). *Mihail Bakunin i buntari 1917 goda*. М.: Moskovskaya prosvetitel'skaya komissiya.
- Chulkov G. I.* (1999). *Gody stranstvij*. М.: Ellis Lak.
- Frank S.* (1972). *Po tu storonu «pravogo» i «levogo»*. Parizh: YMCA-press.
- Fuko M.* (1977). *Slova i veshchi: Arheologiya gumanitarnyh nauk*. М.: Progress.
- Fyure F.* (1998). *Proshloe odnoj illyuzii*. М.: Ad Marginem.
- Gippius Z. N.* (2016). «Pravoslavnyj» Struve // *Konservatizm: pro et contra. Antologiya / Sost., vstup. stat'ya, komment. A. Ya. Kozhurina; red. predisl. A. A. Sinicya*. SPb.: RHGA.
- Nisbet R.* (2007). *Progress: istoriya idei*. М.: IRI SEN.
- Obolenskij V. A.* (2017). *Moya zhizn' i moi sovremenniki: Vospominaniya. 1869–1920: v 2 t. T. 1*. М.: Kuchkovo pole; Retrospektiva.
- Struve P.* (1921). *Razmyshleniya o russkoj revolyucii*. Sofiya: Rossijsko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo.
- Suhanov N. N.* (1991). *Zapiski o revolyucii. T. 2*. М.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Tahotskij [Trockij] L.* (1906). *Gospodin Petr Struve v politike*. SPb.: Novyj mir.
- Trockij L. D.* (1990). *Moya zhizn'. T. 2*. М.: Kniga.
- Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. 1958. М.: Политиздат.
- Vallerstajin I.* (2018). *Posle liberalizma*. М.: URSS: Lenand.
- Yushkevich P. S.* (1912). *Mirovozzrenie i mirovozzreniya (ocherki i harakteristiki)*. SPb.: Karbasnikov.
- Ziber N. I.* (1937). *David Rikardo i Karl Marks v ih obshchestvenno-ekonomicheskikh issledovaniyah*. М.: Socekfiz.

**АВТОР В ЭПОХУ СМЕРТИ АВТОРА:
ЮЛИЯ КРИСТЕВА В ПОИСКАХ МИХАИЛА БАХТИНА¹***Наталья Михайловна Долгорукова*PhD, доцент департамента истории
и теории литературы факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ
E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com**THE AUTHOR IN THE ERA OF THE DEATH OF THE AUTHOR:
JULIA KRISTEVA IN SEARCH OF MIKHAIL BAKHTIN***Natalia M. Dolgoroukova*PhD, Associate Professor, School of Literary History and Theory,
Faculty of Humanities,
National Research University Higher School of Economics
E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com

Статья посвящена Юлии Кристевой (р. 1941), «открывшей» М. М. Бахтина (1895–1975) французской публике, и анализу ее прочтения работ русского мыслителя («Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman», 1967; «Une poétique ruinée», 1970). Предпринята попытка проанализировать историю рецепции наследия русского мыслителя и ученого Михаила Михайловича Бахтина во Франции в том социокультурном контексте 1960-х — первой половины 1980-х гг., в котором она началась и развивалась.

The article focuses on Julia Kristeva (1941), who «discovered» Mikhail Bakhtin (1895–1975) for the French public, and review her reading of Bakhtin's works («Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman», 1967; «Une poétique ruinée», 1970). It has attempted to review the history of Bakhtin's receiving in France according to the sociocultural context of 1960-s — 1980-s, in which it began and continued.

Ключевые слова: Юлия Кристева, М. М. Бахтин, «мышление 1968 года», история рецепции.

Keywords: Julia Kristeva, Mikhail Bakhtin, «1968's thinking», «receiving's history».

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-48-58

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

Преобладающее умонастроение второй половины 1960–1980-х гг. в философии и научно-гуманитарном мышлении связано со структуралистской парадигмой (Р. Барт), получившей законченное оформление в регулярно выходивших номерах журнала «Tel Quel»¹ (ведущие авторы Р. Барт, Ю. Кристева и др.), и феноменом, вслед за Люком Ферри и Аленом Рено называемым «мышлением 1968 года»².

Анализ концепции Юлии Кристевой, «открывшей» Михаила Бахтина французской публике, и ее прочтения работ русского мыслителя («Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman»³, 1967; «Une poétique ruinée»⁴, 1970) составляет предмет статьи, написанной в рамках немецкого направления историко-литературных исследований Rezeptionsgeschichte (история рецепции), развитого в так называемой Констанцской школе немецкого филолога и эстетика Г. Р. Яусса.

Кристева была первой, кто открыл еще не переведенного и совсем не известного в Европе Михаила Михайловича Бахтина французскому читателю. Произошло это в 1967 г., когда вышла ее статья — переработанный доклад, с которым она выступила на семинаре Р. Барта в ЕРНЕ⁵, — «Бахтин, слово, диалог и роман». Через три года Кристева написала о русском мыслителе еще одну работу под заглавием «Разрушение поэтики», которая стала предисловием к французскому переводу книги М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского».

Как вспоминает сама Юлия Кристева в беседе с Самиром Эль-Муалля, приведенной в одном из номеров журнала «Диалог. Карнавал. Хронотоп»⁶, впервые тексты Бахтина она прочла в Болгарии в 1960-х гг., когда вышли две книги русского мыслителя — «Проблемы поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле». Кристева так говорит о «болгарском» открытии: «... Бахтин явился настоящей революцией как для приверженцев формализма, так и для тех, кто начинал интересоваться западным структурализмом. Я тогда была студенткой, и для меня это было откровение...» (Эль-Муалля С. А. 1995: 5–17). Обратим внимание на то, что Кристева, говоря о Бахтине, вольно или невольно ставит его работу в зависимость от формализма и структурализма — факт, к анализу которого мы скоро подойдем.

¹ О журнале «Tel Quel» см. две исчерпывающие монографии, вышедшие практически одновременно: *Forest Ph. Histoire de Tel Quel 1960-1982*. Paris, 1995; *French P. The Time of Theory: A History of Tel Quel (1960-1983)*. New York; Oxford, 1995.

² Как отмечает С. Одье, главным образом после выхода этой книги словосочетание «мышление 68» стало обозначать и майские события, и доктрины тогдашних властителей дум, таких как М. Фуко, Л. Альтюссер, Ж. Деррида, Ж. Лакан и др.

³ Русский перевод статьи выполнен Г. К. Косиковым в 1993 г.

⁴ Русский перевод статьи выполнен Г. К. Косиковым в 1994 г.

⁵ Практическая школа высших исследований, Париж.

⁶ Номер второй за 1995 г.

Итак, получив стипендию, Юлия Кристева приезжает во Францию в конце 1965 — начале 1966 гг. Она знакомится с парижскими интеллектуалами и писателями, в числе которых Филипп Соллерс, ставший впоследствии ее мужем, Жерар Женетт, Мишель Фуко, Жак Деррида и, конечно, Ролан Барт, чей ежегодный семинар в Практической школе высших исследований Кристева регулярно посещает. Именно Барт, в частной беседе узнав от Кристевой о ее увлечении Бахтиным, предлагает ей выступить с докладом о русском мыслителе на своем семинаре. Тогда Юлия Кристева пишет текст о Бахтине, выступает с ним у Барта, а затем публикует его в 1967 г. в авторитетном журнале «Critique» в виде статьи «Бахтин, слово, диалог и роман». Разговор с Бартом о Бахтине в кафе за бокалом перрье впоследствии будет выведен Кристевой в автобиографическом романе «Самураи» (Kristeva J. Les Samourais. P., 1990). Барт, в романе носящий имя Армана Бреалья, будет восхищен рассказом молодой болгарской студентки Юлии (в романе — Ольги) о неизвестном русском мыслителе, теории полифонического романа, карнавала, материально-телесного низа: «Именно так, тело и история, все это тоже тексты, — сказал он, глубоко вздохнув <...>. Не может быть и речи о том, чтобы все это оставалось на пороге грамматики, мы должны опрокинуть микроскоп, как это сделали вы с самим стилем <...> Да, роман происходит из карнавала, — и в этом, заметьте, мы не сомневались из-за Рабле, но то, что диалог — это ирония, признак невозможности понимания, разрушенной тотальности, — это очень сильно. Вы говорите, в общем, что ирония Платона имеет романский характер, и что роман — это ирония, неразрешимая. Вы угадали, мне это нравится» (Kristeva, 1990: 32–33). Этот романский диалог, как, собственно, и сам роман Кристевой, достоин того, чтобы стать предметом отдельного рассмотрения. Мы же вернемся к ее статье, значение которой для последующей рецепции Бахтина на Западе поистине сложно переоценить, ведь это была первая попытка знакомства французского и, шире, европейского читателя с русским мыслителем.

Сама Кристева ретроспективно, в позднем интервью, так формулировала свою задачу при создании первой статьи: «...одновременно и “представить” Бахтина, и “вписать” его в контекст своих собственных размышлений. Отсюда необходимость ввести несколько новых понятий вслед за “диалогом” и “диалогизмом”, например, понятия “интертекстуальности”, которое, как мне кажется, развивает некоторые идеи Бахтина; а также обозначить место и вид необходимой, по моему мнению, отсылки к психоанализу, которая позволяет углубить тему “другого”: не только как “другого”, задействованного в межличностной коммуникации, что, конечно, тоже важно, но прежде всего в смысле “другости” (altérité), внутренне присущей сознанию, которая открывает “другую сцену”, другой тип логики — бессознательное» (Эль-Муалля, 1995: 6). Посмотрим

теперь, как Кристева представила Бахтина французской публике и как теория русского мыслителя вписалась в контекст ее собственных рассуждений.

Довольно трудно согласиться с утверждением Клайва Томсона о том, что первая статья Кристевой о Бахтине «с достаточной ясностью представляет основные идеи бахтинских книг о Достоевском и Рабле» (Томсон, 2002: 385) и что «Кристева трактует идеологию этих книг как некое продолжение или вариант русской формалистической традиции» (Там же). Исследовательница действительно читала работы русских формалистов. Незадолго до приезда Кристевой в Париж в 1965 г. усилиями ее соотечественника Цветана Тодорова (1939–2017) был издан сборник переводов на французский язык основополагающих и программных текстов русских формалистов — «Теория литературы. Тексты русских формалистов, собранные, представленные и переведенные Цветаном Тодоровым». Сборник предваряло предисловие Романа Якобсона, в котором он, представляя труды Тынянова, Эйхенбаума, Шкловского, Томашевского и др., вскользь упоминал и Бахтина. Сама Кристева в позднем интервью признавалась, что уже к середине шестидесятых считала формализм «важным направлением, однако рассматривала его теперь как, в некотором смысле, пройденный этап» (Эль-Муалля, 1995: 6). Более того, в том же интервью Кристева отмечала следующее: «...во многом именно Бахтин позволил мне преодолеть то, что я обозначила бы как ограниченность формализма и структурализма. Прежде всего благодаря тому, что он стоит у истоков двух важных новых измерений в науке о литературе: во-первых, измерения “другого” как голоса, внутреннего по отношению к структуре, что делает последнюю двойственной, амбигуэнтной (с учетом диалогизма), и, во-вторых, измерения истории и эволюции жанров, которое позволяет мыслить, например, роман как явление, возникающее в точке пересечения карнавальской традиции со схоластической, с традицией трубадуров и т.д.» (Там же: 8). Однако обратимся непосредственно к тексту 1967 г. В статье прямо заявлено, что пришел конец формалистическим изысканиям и что недавно увидевшие свет работы Михаила Бахтина — «ярчайшее событие и одна из наиболее мощных попыток преодоления формализма» (Кристева, 2000: 427). Тем не менее Кристева акцентирует внимание французской публики на том факте, что уже русских формалистов занимала проблема языкового диалога, хотя, как подчеркивала исследовательница, для самого Бахтина граница между диалогом и монологом была более значимой, чем для формалистов. Что же касается структурализма, этого «нового формализма», по выражению Ж.-П. Сартра, то здесь выводы Кристевой не так последовательны, поскольку Бахтин, хотя и чужд технической строгости, не был чужд структурализму: наоборот, он ставил проблемы, по характеру коренные для современной структурной нарратологии, и оказался одним из первых, кто «взамен статистического членения

текстов предложил такую модель, в которой литературная структура не *наличествует*, но *вырабатывается* по отношению к другой структуре» (Там же: 430). Таким образом, «структура» является ключевым словом, с помощью которого Кристева характеризует подход Бахтина к языку и к культуре. При первом подходе она создает образ Бахтина-структуралиста, близкого к Соссюру, пытающегося преодолеть методологию формализма и разрабатывающего теорию романа, включающего карнавальную структуру, тем самым предлагая новую логику взамен аристотелевской — логику карнавала, речь о которой ниже. Сейчас же нам важно коснуться одного очень важного для Кристевой термина, создателем которого она и является. Речь идет об «интертекстуальности». Еще канадский исследователь Клайв Томсон отметил, что Кристева перевела понятие «диалогизм» как «интертекстуальность» (Томсон, 2002: 385). Однако такое замечание нуждается в уточнениях. Кристева не просто переводит бахтинский термин своим собственным. Претензия исследовательницы шире: она пытается прояснить один термин через другой. Кристева пишет, что бахтинский «диалогизм» выявляет в письме не только субъективное начало, но и коммуникативное, точнее — *интертекстовое*; в свете этого диалогизма такое понятие, как «лицо-субъект письма» начинает тускнеть, чтобы уступить место другому явлению — *амбивалентности письма*» (Кристева, 2000: 432). Но что понимается под «амбивалентностью»? Кристева выделяет в «текстовом пространстве» две оси: горизонтальная (субъект-получатель) и вертикальная (текст-контекст). Тут же исследовательница отмечает, что у Бахтина недостаточно четко проведено различие между обоими явлениями, которые он сам называет *диалогом* и *амбивалентностью* (Там же: 429). Но недостаток четкости, по мысли Кристевой, является скорее открытием, впервые сделанным Бахтиным в области теории литературы: «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум *двойному* прочтению» (Там же). Кристева еще не говорит о смерти субъекта (автора), но ее мысль, идущая, на наш взгляд, именно в этом направлении, будет через год подхвачена и развита Роланом Бартом, на семинаре которого, не будем забывать, Кристева и сделала первый доклад о Бахтине. Именно в 1968 г. Барт напишет знаменитую статью «Смерть автора», ставшую кредо французского пост-структурализма.

Итак, Юлия Кристева в анализируемой нами статье приходит к выводу, что для описания функционирования поэтического языка, языка карнавала, лежащего, по мысли Бахтина, в основе романа-мениппеи, требуется особая, другая логика, отличная от логики науки. Она считает, что современная ло-

гика, даже в тех ее направлениях, которые способны адекватно формализовать функционирование языка, неприменима к области языка поэтического, «где 1 не является пределом» (Там же: 434). С точки зрения Кристевой, для анализа поэтического языка требуется принципиально иная логика: «литературную семиотику следует строить исходя из поэтической логики, в которой интервал от 0 до 2 охватывается понятием мощность континуума — континуума, где 0 выполняет функцию денотации, а 1 в неявной форме преодолевается» (Там же). Как отмечают А. Сокал и Ж. Брикмон, здесь Кристева совершает целый ряд существенных ошибок: нельзя сказать, во-первых, что логика Буля, к которой она апеллирует, базируется на теории множеств, возникшей существенно позже Булевой алгебры, во-вторых, что логика Буля служит лучшим средством формализации, чем подходы Фреге и других перечисленных Кристевой авторов, в-третьих, что современная логика работает в «интервале 0–1». Указанные логические теории используют два логических значения: «истина» и «ложь» или «1» и «0», но эти значения интервала не образуют. Но и в случае «поэтической логики» в подходе Кристевой есть ряд существенных неточностей: и интервал 0–1, и интервал 0–2 являются равномогущими, совпадающими с мощностью континуума; в таком случае остается непроясненным, в чем именно состоит отличительная особенность поэтической логики и того «континуума», в котором она должна работать. Еще более удивительным кажется факт, что попытки описания некоей поэтической логики «в интервале 0–2» Кристева связывает с идеями М. М. Бахтина, считая, что «карнавальный дискурс» — единственный, в котором воплощена логика в указанном ею интервале: «переняв логику сновидения, он нарушает не только правила языкового кода, но и нормы общественной морали» (Там же: 434–435). Кристева отмечает, что термин «диалогизм» в французском применении включает в себя такие понятия, как «двоица», «язык» и «другая логика» (Там же: 436), и приходит к выводу, что возможно выстроить следующую парадигму:

«Практика	Бог
“Дискурс”	История
Диалогизм	Монологизм
Логика взаимоотноительности	Аристотелевская логика
Синтагма	Система
Карнавал	Повествование

Амбивалентность

Мениппея

Полифонический роман» (Там же: 432, 452).

Итак, бахтинская концепция карнавала у Кристевой напрямую связывается с гипотетической поэтической логикой; более того, по мнению исследовательницы, карнавал отвергает законы языка, ограниченного интервалом 0–1, а значит, Бога, авторитет и социальный закон (Там же: 443). О том, что карнавал Бахтина (да и он сам) «отвергает Бога», будут писать и у нас: так, например, А. Я. Гуревич замечал: «Судя по похоронам, Бахтин был христианином. А в его книге в 600 страниц слова “Бог” нет. Книга о средневековой культуре без упоминания о Боге — это же надо так изощриться!» (Гуревич, 1995: 209). И дело здесь не в том, что Кристева, а вслед за ней и Гуревич, допускают фактическую ошибку и не замечают, например, такие слова из книги о Франсуа Рабле: «Бог не нуждается в нашем лицемерии» (Бахтин, 1990: 88). Дело в том, что Кристева и Гуревич как будто забывают, в каком «мире жизни» создавалась и публиковалась книга о Рабле, также вне их горизонта оказался весь ранний Бахтин, с его мыслями о христианской нравственности, с его философией поступка, со всем тем, без чего понять Бахтина зрелого и Бахтина позднего не представляется возможным. Однако «хронотоп», «полифония», «диалогизм» и «мениппея», по-видимому, казались более понятными, легкими и продуктивными, а бахтинский «карнавал», по совершенно непонятной логике, оказался сборищем атеистов, богохульников и донжуанов.

Подобного рода эклектичность и, не побоимся уместного в данном случае слова, псевдонаучность характерна для стиля философствования, присущего Ю. Кристевой в целом. Не случайно в книге Сокала и Брикмона «Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна» ей посвящена отдельная глава, в которой авторы выносят безжалостный приговор методу французской исследовательницы: «В целом она обладает по меньшей мере смутным представлением о математике, на которую она ссылается, даже если она не всегда явно не понимает смысл употребляемых ею терминов» (Брикмон, Сокал, 2002: 50). Критики философии французского постмодерна отмечают, что Кристева никак не объясняет цель употребления математических понятий в областях, которые исследует — лингвистике, литературной критике, политической философии, психоанализе. Причина, по их мнению, проста: никакой причины применять их не существует, а эрудиция исследовательницы поверхностна.

Пройдет три года, и в 1970 г. в Париже будет подготовлено французское издание «Проблем поэтики Достоевского» — «La poétique de Dostoïevski», переведенное Изабеллой Колитчев. Юлия Кристева принимала участие в этом издании, просматривала перевод, в некоторых местах редактируя его, написала довольно обширное предисловие к французскому переводу Бах-

тина, получившее название «Поэтика в руинах» — «Une poétique ruinée» (Kristeva J, 1970).

Характерно уже само название статьи — «Поэтика в руинах», другой возможный перевод — «Разрушение поэтики». Мысль Кристевой заключается в следующем: Бахтин поступил «хорошо» и «правильно», разрушив «старую», классическую поэтику в своей книге о Достоевском. Кристева не хочет видеть в монографии Бахтина новую поэтику в продолжение старой, она делает акцент на **разрушении** старой поэтики, отвечая, таким образом, духу времени (не будем забывать, что работа происходила около 1968 г.).

В тексте Михаила Бахтина, по мнению Кристевой, присутствуют «теоретические границы» — исторические, социологические, культурные. Каков их смысл? Исследовательница выдвигает четыре основные претензии к труду русского мыслителя: психологизм, отсутствие теории субъекта, зачаточный уровень лингвистического анализа и, наконец, неосознанное вторжение христианской лексики («душа», «сознание») в язык гуманитарной науки (Там же: 15). Несмотря на это, Кристева считает, что книга Бахтина о Достоевском представляет интерес и для современного читателя, ведь, в сущности, он читает написанное прежде, чтобы извлечь из «обветшавшей идеологической скорлупы» смысловое ядро, отвечающее современным, передовым исследовательским запросам. И тогда, по мнению Кристевой, правомерно даже вмешательство позднейшего исследователя в «субъективную объективность текста (“что на самом деле хотел сказать автор”))» с целью выявить его значимость для новейших исследований (Там же). Статью Кристевой отличает снисходительный тон, заданный с самого начала. Исследовательница одновременно и журит, и оправдывает Бахтина и его труд о Достоевском, называя его приблизительными и неточными разработками, во многом, правда, интуитивно *предвосхищавшими* Фрейда, отводившего столь значительное место желанию, направленному на другого (Кристева, 2002: 14). Только в этой роли — предвосхитителя Фрейда — и можно, с ее точки зрения, и нужно читать Бахтина и его книгу о поэтике Достоевского. Удивительно, что Кристева не сильна не только в логике, но и в хронологии: Зигмунд Фрейд сформулировал основные положения своей теории в конце XIX — начале XX вв. Итак, во второй статье Кристевой Бахтин становится только предлогом для разговора о действительно актуальных научных направлениях и предстает лишь прозорливым предтечей (sic!) Фрейда и структурной лингвистики. Сами же его труды практически не представляют интереса для современной науки, поскольку в работе о Достоевском-психологе Бахтин ни разу не сослался ни на психоанализ, ни на Фрейда. Из этого исследовательница делает вывод, что Бахтин Фрейда просто не знал (Kristeva J., 1998: 14). Однако Кристева

не учла, что философ, *не знающий Фрейда*, в 1927 г. успел написать и даже опубликовать в Ленинграде, под фамилией¹ В. Н. Волошинова, целую книгу о Фрейде и фрейдизме — «Фрейдизм. Критический очерк» (Л.: ГИЗ, 1927). Тем не менее одним достоинством, с точки зрения Кристевой, труды Бахтина обладали: оно заключалось в преобразовании формалистической проблематики и преодолении формалистической методологии.

Главной ценностью научного анализа, осуществляемого Бахтиным, Кристева, как видно, считает доведение до уровня «специфической сложности», чего русские формалисты не смогли добиться (Кристева, 2002: 11). Достижение Бахтина заключалось в том, что перед формалистической поэтикой им были поставлены проблемы двух типов. Во-первых, представление о литературной науке больше не могло быть узко-формалистическим, но должно было вписать литературоведение в целое семейство «наук об идеологиях». Во-вторых, должно было быть пересмотрено формалистическое представление о языке как о системе знаков. Как напишет Кристева, «неустранимое различие между бахтинским подходом и подходом формалистов обнаруживается в их представлении о языке» (Там же: 19). Речь идет о том, что «слово» у Бахтина всегда — полифоническое, оно многоголосо и в нем слышатся другие слова и слова других.

Таким образом, по мнению Кристевой, опыт формалистов был важен и не прошел для Бахтина даром: «уже после того, как формалисты проделали свою работу, Бахтин, усвоив из их опыта, что значение следует изучать в его словесной материальности, восстанавливает контакт с *исторической поэтикой*» (Там же: 17).

Статья Кристевой возвращает нас и к проблеме «диалогизма», который теперь понимается исследовательницей как «двойственная принадлежность дискурса (его принадлежность определенному “я” и в то же время “другому”), тот *spatting* субъекта, на который с научной осторожностью укажет психоанализ, а также топология субъекта по отношению к внеположенной ему “сокровищнице означающих” (Лакан)» (Там же: 19) и к проблеме карнавала, который становится «символом современного мира» (Там же: 30).

Как замечает К. Томсон, такое предисловие Кристевой имело для западной рецепции Бахтина по меньшей мере двойной эффект: «уничжительный выпад <...> мог вообще отбить у некоторых читателей желанием заниматься дальнейшим исследованием Бахтина, а <...> синкретичное (чтобы не сказать малопонятное) привязывание Бахтина к психоанализу, структура-

¹ Вопрос о степени участия Бахтина в работах, опубликованных под именем Волошинова, в современной науке дискусионен. На сегодняшний день не представляется возможным утверждать, что фамилия Волошинова являлась для Бахтина псевдонимом. *Прим. ред.*

лизму и семиотике в контексте ее [Кристевой] теории интертекстуальности хотя и вдохновило некоторых ученых на дальнейшее исследование в этом направлении (например, Оте-Ревю), могло в то же время подействовать и обескураживающим образом из-за большой абстрактности и из-за того, что уже в начале 70-х годов во французских академических кругах структуралистский литературоведческий подход подвергся критике» (Томсон, 2002: 386–387)¹.

Итак, Бахтин Юлии Кристевой, открывшей русского мыслителя и задавшей направление прочтения его работ на Западе, оказался предтечей Фрейда, Лакана, структурализма и вдохновителем ее собственной теории интертекстуальности.

Литература

- Бахтин М. М. (1990). Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература. С. 88.
- Брикмон Ж., Сокал А. (2002). Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Гуревич А. Я. (1995). «Гуманитарное знание... не должно бояться неясностей и парадоксов» // *Arbor mundi*. Мировое древо. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. Беседа с Юлией Кристевой // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Журнал научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М. М. Бахтина. № 2. Выпуск 11. С. 209.
- Косиков Г. К. (1993). Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Пер. Г. К. Косикова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. № 4.
- Косиков Г. К. (1994). Кристева Ю. Разрушение поэтики / Пер. Г. К. Косикова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 5. С. 44–62.
- Кристева Ю. (2000). Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс. С. 427.
- Кристева Ю. (2002). Разрушение поэтики. / Пер. Г. К. Косикова // Михаил Бахтин: Pro et Contra. СПб. Т. II. С. 7–32.
- Томсон К. (2002). Бахтин во Франции и в Квебеке / Пер. П. Ольхова и А. Ривлиной // Михаил Бахтин: Pro et Contra, СПб. Т. II. С. 385.
- Эль-Муалля С. А. (1995). Беседа с Юлией Кристевой // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Журнал научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М. М. Бахтина. № 2. С. 5–17.
- Audier S. (2008). *La pensée anti-68*. P. P. 15.
- Ferry L., Renaut A. (1988). *La pensée 68*. P.

¹ О дальнейшем изучении М. М. Бахтина во Франции см. нашу статью: Бахтин во Франции (на материале первых французских рецензий 1970-х гг.) // Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 100–107.

Kristeva J. (1967). Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // *Critique*. April. P. 438–465.

Kristeva J. (1990). *Les Samourais*. P.

Kristeva J. (1998). Une poétique ruinée // Bakhtine M. *La Poétique de Dostoïevsky*. P.

Todorov Tz. (1965). *Théorie de la littérature. Textes des Formalistes russes réunis, présentés et traduits par Tzvetan Todorov. Préface de Roman Jakobson. Collection «Tel Quel» aux éditions du Seuil*. P.

References

Bahtin M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennansa*. M.: Hudozhestvennaya literatura. S. 88.

Brikmon Zh., Sokal A. (2002). *Intellektual'nye ulovki. Kritika filosofii postmoderna*. M.: Dom intellektual'noj knigi.

Gurevich A. Ya. (1995). «Gumanitarnoe znanie... ne dolzhno boyat'sya neyasnostej i paradoksov» // *Arbor mundi. Mirovoe drevo. Mezhdunarodnyj zhurnal po teorii i istorii mirovoj kul'tury. Beseda s Yuliej Kristevoy* // *Dialog. Karnaval. Hronotop. Zhurnal nauchnyh razyskanij o biografii, teoreticheskom nasledii i epohe M. M. Bahtina*. № 2. Vypusk 11. S. 209.

Kosikov G. K. (1993). *Kristeva Yu. Bahtin, slovo, dialog i roman* / Per. G. K. Kosikova // *Dialog. Karnaval. Hronotop*. № 4.

Kosikov G. K. (1994). *Kristeva Yu. Razrushenie poetiki* / Per. G. K. Kosikova // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. № 5. S. 44–62.

Kristeva Yu. (2000). *Bahtin, slovo, dialog i roman* // *Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* / Per. s franc., sost., vstup. st. G. K. Kosikova. M.: IG Progress. S. 427.

Kristeva Yu. (2002). *Razrushenie poetiki* / Per. G. K. Kosikova // *Mihail Bahtin: Pro et Contra*. SPb. T. II. S. 7–32.

Tomson K. (2002). *Bahtin vo Francii i v Kvebeke* / Per. P. Ol'hova i A. Rivlinoj // *Mihail Bahtin: Pro et Contra*, SPb. T. II. S. 385.

El'-Muallya S. A. (1995). *Beseda s Yuliej Kristevoy* // *Dialog. Karnaval. Hronotop. Zhurnal nauchnyh razyskanij o biografii, teoreticheskom nasledii i epohe M. M. Bahtina*. № 2. S. 5–17.

СОЮЗЫ ЯЗЫКОВЫЕ И ВНЕЯЗЫКОВЫЕ

Александр Мотелевич Мелихов

Писатель, философ, литературный критик, публицист, кандидат физико-математических наук, заместитель главного редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, датский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Лауреат множества премий, тройной шорт-листер премии «Русский Букер». Участник ряда социальных российско-европейских программ. Разрабатывает концепцию «человека фантазирующего», рассматривая историю человечества как историю зарождения, борьбы и распада коллективных грез.

E-mail: amelikhov@mail.ru

LANGUAGE AND EXTRA-LINGUISTIC UNIONS

Alexander M. Melikhov

Writer, philosopher, literary critic, publicist, candidate of Physical and Mathematical Sciences, deputy chief editor of the magazine “Neva”. The works were translated into English, Danish, Hungarian, Italian, Chinese, Korean, German, Polish. Winner of many awards, nominee of the Russian Booker Prize. Member of a number of social Russian-European programs. Develops the concept of a “man of the fantasist”, considering the history of mankind as the history of the origin, struggle and disintegration of collective dreams.

E-mail: amelikhov@mail.ru

В эссе автор размышляет о роли, которую играет язык в процессе создания или подтверждения национальной идентичности. Он приходит к выводу, что в истории есть примеры как подтверждающие, так и опровергающие этот тезис. Язык воспринимается автором как одна из «национальных грез», способных консолидировать общество перед лицом небытия. Также автор затрагивает такое важное для себя понятие, как «бунт простоты» против драматичной, а порой и трагической сложности устройства социума.

In his essay, the author reflects on the role that language plays in the process of creating or confirming national identity. He concludes that there are examples in history, both confirming and refuting this thesis. The language is perceived by the author as one of the “national dreams” that can consolidate society in the face of non-existence. The author also touches on such an important concept for himself as the “revolt of simplicity” against the dramatic and sometimes tragic complexity of the structure of society.

Ключевые слова: коллективная греза, национальная идентификация, нация, сверхнациональные объединения, «бунт простоты».

Keywords: collective daydream, national identification, nation, supernational associations, “revolt of simplicity”.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-59-68

Анализируя межнациональные конфликты, я исхожу из тезиса, что *экзистенциальные проблемы стратегически важнее социальных*. Духовная деятельность человека преимущественно направлена на преодоление страха перед собственной мизерностью и брэнностью. В ситуации, когда экзистенциальная защита, ранее (условно говоря, до начала широкого распространения идеалов Просвещения, условно соотносимого с серединой XIX столетия) обеспечивавшаяся религией, ослабела, ее место пытается занять довольно сложный психосоциальный феномен, которому непросто дать название. Точнее всего его было бы определить через понятия *грез и их состязания, фантомов, химер*, но они, как принято считать, ненаучны. Единственное, что можно утверждать со всей очевидностью, — в основе феномена лежит социальное и прежде всего национальное *фантазирование*. Люди в воображении пытаются эмоционально слиться с чем-то могущественным и долговечным, будь то объект, процесс или тенденция. В глобальном плане, когда дело касается больших групп людей, объединенных по национальному признаку, издавна конкурируют два фантома — идеальное существование возможно для изолированной нации или для того или иного объединения наций, часто именуемого цивилизацией (западная цивилизация, восточная, иудео-христианская, буддийская, исламская, англосаксонская, славянская цивилизация и др.).

Цивилизации как средства экзистенциальной защиты имеют то преимущество, что они более могущественны и охватывают более широкие массы людей, чем отдельно взятые нации. Но они и более абстрактны: ими не накоплено арсенала трогательных образов, рисующих нацию по образу и подобию семьи. А ведь именно такой банк дает радикальный перевес в пропаганде: убивают *наших* братьев, насилуют *наших* сестер, вырастают *наши* дети, защищаем *наших* отцов и матерей... За каждой нацией стоит огромная мифология, повествующая о подвигах и страданиях героев-предков, о какой-то особой исторической миссии. Цивилизационным мифологиям по части воодушевления, то есть экзистенциальной защиты, с национальными мифологиями тягаться трудно. Вот почему, как правило, нации без особой нужды добровольно не стремятся присоединиться к цивилизациям. К слиянию их влекут сравнительно маломощные рациональные мотивы.

Иными словами, на объединение работает желание присоединиться к победителям, а на разъединение — страх занять в стане победителей слишком жалкое место. Этот страх вынуждает держаться за национальную экзистенциальную крышу, чтобы не остаться вовсе под открытым небом. И в борьбе между национальным изоляционизмом и цивилизационной открытостью заметным участком на передовой оказывается языковое противостояние — между языками национальными и языками наднациональными, общецивилизационными. Ненависть национал-изоляционистов обычно обращается на тот чужой язык, который в данный момент обладает особенным влиянием и притягательностью. В этих случаях объединяющему языку приписываются самые немыслимые пороки в противовес таким же немыслимым достоинствам собственного языка. Если же между носителями объединяющего и отъединяющего языка намечается военный конфликт, ненависть к враждебному языку у националистов выходит на грань психоза. (Впрочем, почему «на грань»? Массовые психозы и есть одна из главных причин современных войн.)

Иоганн Готфрид Гердер писал, что многонациональные империи — государства испорченные, *развращенные*. Более того, жителя такой империи или входящий в нее народ оскверняет не только совместное проживание в одном государстве, но даже пользование чужим языком. Во времена Гердера это был французский, поскольку к концу XVIII в. он считался языком высшего общества. Даже российская «Беседа любителей русского слова», возглавляемая Г. Р. Державиным и А. С. Шишковым, не доходила до такой ненависти, как Гердер, призывавший немца выплюнуть перед порогом своего исторического дома чужое наречие, будто *противную слизь Сены*.

После наполеоновских завоеваний эта ненависть, естественно, удесятерилась: в поражении прусской военной машины обвинили... франкофилию. Эрнст Мориц Арндт утверждал, что французский язык лишает немцев... работоспособности и целомудрия. «Отец гимнастики» Фридрих Ян утверждал, что изучение французского толкает девушек на проституцию. Языку, как мы видим, приписывалась тотальная магическая власть над умами и душами.

Гердер, деятель эпохи позднего Просвещения, не был чужд идеи мистики языка, ставшей, как мы знаем, одной из основ немецкого романтизма. С точки зрения Гердера, с самых первых слов, произнесенных людьми, до их далеких потомков доходят отзвуки давних чувств, страстей, событий. Слова никогда не были звукоподражаниями — эта идея не выдерживает критики с точки зрения современной науки, но зато объясняет, почему Гердер так яростно боролся с французским языком: ведь, по его глубочайшему убежде-

нию, самый первый немец в первом слове, бывшем уже немецким, выразил немецкую национальную идею, от которой ниточка преемственности тянется к современным немцам. Речевой аппарат физически приспособлен для произнесения звуков только родных. И если кто-то говорит на чужом языке, то и живет он не своей, а искусственной выморочной жизнью (того же мнения держался Шлейермахер). Кстати говоря, на близких позициях стоял и Фихте, считавший, будто источники национальной политической нравственности загрязняются присутствием в речи даже отдельных чужих слов.

Язык вырастает в человека, он *врожден* ему, словно физиологически необходимый орган, он организует способ мышления, порождает языковое тело народа. Получается, что целые нации есть органы своего языка — и в этом смысле как языки, так и нации оказываются непрозрачными, непреходимыми друг в друга.

Стремление к языковому единообразию, конечно, еще не фашизм. Однако, если следовать идеям немецких философов, носитель языка психофизиологически соответствует только ему одному, а это приближает нас к расовой теории. И уж во всяком случае тенденция к языковому изоляционизму становится частным случаем явления, которое я называю «бунт простоты». В его основе неприятие сложности социального бытия, во всяком случае драматичной, в крайнем — трагической. Следующими шагами могут стать и в конце концов стали, как показывает история Германии перед Второй мировой войной и во время нее, мировоззренческие и политические требования: одна нация, одно мировоззрение, одна партия, один вождь.

В среде немецких ученых и философов звучали и противоположные суждения. Так, Вильгельм Фридрих Оствальд, физико-химик и автор философии энергетизма, согласно которой единственная реальность есть энергия, по происхождению остзейский немец, родиной которого могут в равной степени считаться Латвия, Россия и Германия, нобелевский лауреат 1909 г., считал, что языковая борьба в наибольшей степени препятствует появлению великих ученых в Европе. Ценен не язык, а то, что на нем создано, считал Оствальд. Если же на языке нет великой литературы, значит, и сам он не может считаться великим.

Как бы там ни было, еще никто не доказал, что выбор языка — развитого, разумеется — хоть сколько-нибудь существенно влияет на мышление. Хотя, конечно, исследования в этом направлении ведутся, но до каких-либо однозначных выводов далеко. Вопрос, что первично, национальный язык или национальный характер, что формирует, а что из чего формируется, неизбежно возвращает нас к спорам о курице и яйце. Тем более что гораздо более важными для формирования национального характера мне представляются

те испытания, вызовы, с которыми каждый народ сталкивается на его историческом пути.

Поэтому лучше обратиться к социальной прагматике. Британский историк Эли Кедури, автор классического труда «Национализм» (СПб., Алетейя, 2010), вышедшего в России через полвека после публикации на английском, извлек из размышлений философов-националистов следующее ядро: человечество разделено на нации, и это деление естественно, а язык — тот критерий, по которому нация может быть признана существующей. А если она существует, значит, она имеет право формировать собственное государство в тех границах, которые считает зоной распространения своего языка. Кедури не занимался вопросом различения нормативного литературного языка и диалектов, понимая, что его могут решить только танки. Но что его возмущало, так это готовность людей убивать друг друга «из-за акцента», которой, как он считал, не было до возникновения националистических, в том числе языковых противостояний. Таким образом, Кедури категорически отрицал приоритет языкового критерия в формировании межнациональных образований, считая, что и жизнеспособность государственных сообществ он делает проблематичной. Что нужно для функционирования такого сообщества? Разумная стабильность, единство внутренних территорий каждого отдельного члена сообщества, четкость границ и военный аппарат, поддерживающий все это на случай бунта, тем более если это бунт простоты. Но что будет, если язык станет критерием государственности? Вряд ли это обеспечит в первую очередь стабильность: идеология, выраженная на развитом и изоощренном языке, столкнувшись с другой такой же, может спровоцировать раскол, не говоря уже о туманных академических теориях, противоречащих друг другу и противоречивых внутри себя. Таким образом, национализм, тем более подкрепленный языковым критерием, приносит в мир нестабильность и взрывоопасность, поскольку затуманивает отношения между государствами, ясные интересы заменяет туманными теориями.

Историческая практика показывает, что апелляция к массам, то есть к силе, во имя якобы спасения языка, на котором говорят массы, не раз использовалась идеологами национально-освободительных движений. В Корее, например, вся знать говорила и писала по-китайски, а потому и практически вся высокая корейская литература была китайскоязычной, — как если бы Пушкин и Толстой, прекрасно знавшие французский язык, еще и свои сочинения писали по-французски. Но, как мы помним из «Войны и мира», во время войны с Наполеоном в свете начинали штрафовать за употребление французских слов, а исторически победа над Наполеоном положила конец

галломании. Нечто подобное произошло и в Корее после того, как в 1910 г. ее аннексировала Япония: было просто невозможно не защищать тот язык, на котором говорило простонародье — главная живая сила партизанского движения.

Напротив, американские колонии, поднявшиеся на борьбу за собственную государственность, не имели возможности противопоставить метрополиям какой-то свой особый язык (англизоязычные — Англии, а испаноязычные — Испании), поскольку не имели его. Они этого и не делали. Взамен формировались иные мифы — мифы вполне могут обходиться и без языковых подпорок. Так, мексиканский министр народного образования Хосе Васконселос, открывший дорогу великой четверке мексиканских монументалистов, доказывал, что смесь народов, образовавшая нынешних обитателей Латинской Америки, являет собой новую «космическую» расу, которой принадлежит будущее. Нарождающиеся Соединенные Штаты Америки тоже о языке не упоминали, а напирала либо на религиозные свои достоинства — они истинные пуритане, — либо на политические: Уитмен слово «демократия» писал с большой буквы, а самым величественным зрелищем Америки называл не Кордильеры и не Великие озера, но — выборы.

А вот сионистам, поднявшимся на борьбу за создание независимого еврейского государства, пришлось делать выбор между апелляцией к народу и апелляцией к языковому мифу, ибо национальная легенда требовала древнего иврита, языка Танаха и Торы, а народные массы говорили на идише, то есть на «жаргоне» — наследии угнетателей. И национальные романтики выбрали красивую легенду. Когда один из сочувствующих европейцев убедительно доказал лидеру российских сионистов Жаботинскому, что английский язык будет во всех отношениях удобнее, и спросил, почему же они все-таки выбрали иврит, Жаботинский подумал и ответил: «Потому». Красивую древнюю легенду сочли более важной для экзистенциальной защиты, а следовательно, и для национального единства.

Случай государственного языка Израиля показывает, что возможен не только «бунт простоты», но и, если угодно, «бунт сложности», столь же иррациональный по видимости («Почему?» — «Потому»), причем победа в нем и более долговременная, и менее кровопролитная. Выбор израильянами на тот момент мертвого языка иврита с последовавшим оживлением его оказался без всякой иронии судьбоносным. Показательно, что на сегодняшний момент умирающим языком оказывается идиш, широко распространенный всего лишь одно поколение назад, и существует целая традиция в литературе и музыке, поддерживающая этот язык в более или менее жизнеспособном состоянии.

Получается, что язык может и быть, и не быть фактором, определяющим национальную идентичность. История знает примеры реализации обеих моделей, и ни одна из них не может считаться исчерпывающей.

А теперь задумаемся о сегодняшнем цивилизационном выборе стран Восточной Европы, и прежде всего — славянских. Какие факторы, какой критерий является ныне первичным при формировании национальной идентичности?

Обратимся к творчеству Чеслава Милоша (1911–2004), ставшего предметом гордости польской национальной культуры и фаворитом общезападной, нобелевским лауреатом. Как известно, с 1960 г. он получил должность профессора отделения славянских языков и литератур в Калифорнийском университете (Беркли).

Писал Милош по-польски. Удивительно, что его переводили на английский и, соответственно, на русский представители обеих враждовавших империй, противостояние которых он наблюдал и оценивал. Язык восточноевропейского народа, одного из маргиналов Запада, стал таким образом принят языками сверхнациональных объединений.

Америку Милош воспринимал как своего рода бастион Запада в собирательном смысле. Главным условием процветания в той стране и, соответственно, в западной культуре он считал фактор личной удачливости, успешности. «Хорошей» Америку считают те, кто добился здесь высот, но целые кварталы американских городов заселены неудачниками, чья жизнь изувечена несбывшимися надеждами, отмечал он.

Зрелость Милоша, прожившего долго и разнообразно, пришлась на самые трагические события столетия — от Второй мировой войны до холодной. Когда-то Алексис де Токвиль предрекал, что двум новым гигантам — России и Америке — предстоит сделаться владыками мира. Милошу довелось увидеть американское торжество. В состязании двух гигантов победил, с его точки зрения, тот, кто предложил более жизнеспособную модель человека. Таким образом, первенство США в мире определилось победой в состязании грез, воодушевляющих национальных мифов. И в Советской России, и в Америке была предпринята, отмечал Милош, попытка создать современную модель на основе утопических принципов. Но победил не советский «новый человек», а американский «старый», с прежними институтами религии, экономики, социальной практики. И да, посредством СМИ он действительно навязывает свой образ жизни всей планете, но что можно противопоставить его культуре, единственной, кстати говоря, из всех мировых честно обозначившей *мечту* («американскую мечту») как фактор формирования национальной идентичности?

Социальное, как всегда, уступило экзистенциальному — национальному и цивилизационному, ибо цивилизация тоже порождается уверенностью какой-то группы народов в совместной избранности, а в позднем Советском Союзе даже его лидеры уже не верили в собственную сказку и пытались состязаться с противником на заведомо проигрышных основаниях, в уровне и разнообразии потребления, опираясь уже не на интернациональный (имперский), но национальный принцип, требуя невозможного признания верховенства Старшего Брата.

Америка при этом, несмотря на свою пресловутую «бездуховность», умудрилась сделать еще и культурной столицей мира. Милош признавал, что во время его жизни в США там было больше читателей поэзии, чем в Европе, и что он никогда не получил бы Нобелевской премии, если бы остался жить во Франции. Но даже у этого счастливица кое-где прорывалась обида за славянство, испытывавшее когда-то давно, в 1920-е гг., унижение из-за законов, ограничивающих число виз для стран «второго сорта» — восточно- и южноевропейских. Процент славянских переселенцев был тем не менее высок, а доля их участия в культурной жизни невероятно низка. С чем это было связано? С низким общественным положением семей? С невниманием к гуманитарным направлениям при выборе обучения? С тенденцией к отказу от страны происхождения и сменой фамилий на англосаксонские?.. Рассуждения Милоша в очередной раз доказывают: для сохранения национальной культуры выгоднее соседство культурно чуждого народа, присоединение к которому не представляет экзистенциального соблазна. Даже делая карьеру среди «варваров», выходец из «избранного» народа в глубине души продолжает смотреть на него свысока. Другое дело — пребывание среди народа, чье превосходство и в глубине души не вызывает сомнений: тут ассимиляция практически неизбежна, если чужаки еще и не выделяются среди хозяев антропологически.

Американские поляки, узнавая, что поляк получил Нобелевскую премию, высказывались в том духе, что ему пришлось трудиться для этого вдвое больше, чем если бы он был выходцем из Западной Европы, поскольку будущему лауреату приходилось всеми путями компенсировать нежелательное происхождение. Здесь, однако, народная мудрость не возвысилась до понимания тонкостей национальной политики: умные владыки мира всегда демонстративно поощряют отдельных любимчиков из дискриминируемого меньшинства, постоянно кишащего недовольными, чтобы лишить козырей тех смутьянов, кто станет призывать их к открытому протесту. Правда, сам Милош вряд ли мог бы соблазнить своей карьерой кого-то, кроме кучки интеллектуалов, а более всего литераторов. Он был нужен скорее для форми-

рования альтернативной истории польской литературы, и в этом, судя по всему, свою роль сыграл. И роль несомненно положительную, хотя мне и неизвестно, какие «автохтонные» польские поэты были заглушены нобелевскими фанфарами.

Но фанфары даже в душе самого Чеслава Милоша, сверх самых смелых его мечтаний обласканного Западом, не сумели заглушить национальную обиду на глупость Запада. Эта глупость, с его точки зрения, заключалась... в изоляционизме, в стремлении поставить себя, свою модель человека и его образа жизни в центр мироздания. Да, нам всегда представляется чем-то вроде слабоумия — или уж крайней подлостью, когда другие хотят жить не нашими, а собственными интересами. Тем более не шкурными нашими, а высокими, национальными! Но Милош уверял себя и других: Запад глуп, потому что его воображение ограничено. Эта ограниченность проявляется и в презрении к народам Восточной Европы. Для счастливчика Милоша такое отношение к Восточной Европе наверняка естественнее, чем для любого из нас, «варваров», вольно или невольно внушающих страх одними своими размерами, не говоря о тех десятилетиях, когда мы несли миру красную заразу. Правда, я уже давно не понимаю, что именно в противостоянии «двух систем» породилось идеологией, а что геополитикой. Коммунистические грезы начали быстро оттесняться вечными задачами национального выживания, требовавшими сверхмобилизации не под теми, так под другими лозунгами; не уверен, что была возможна мирная политика среди военного психоза «тридцатилетней войны» 1914–1945 (обойтись без особых зверств и подлостей удалось только тем, кто был для этого недостаточно силен). Альтернативой коммунистической воодушевляющей химере могла быть только националистическая, и вполне возможно, что Россия спасла от фашизма еще и себя самое — коричневую чуму излечила красной заразой.

Для национальной же гордости мучительнее всего попасть в число «пустых» стран, не сыгравших заметной роли в общецивилизационном прогрессе, не способных ни особенно помочь, ни особенно повредить. Только почему же Милошу казалось, что такое восприятие порождено ограниченностью воображения, а не «иным опытом», в котором эталонным европейцам от тех стран, за которые у поэта болит душа, и впрямь всегда было ни жарко, ни холодно? «Исторические неудачники» — считая меня за своего, как о чем-то общеизвестном однажды обронил о славянах весьма просвещенный корреспондент одной из радиостанций, призванных нести цивилизацию в мир варваров. Боюсь, всем обольщенным цивилизацией, но не обольстившим ее народам рано или поздно придется вслед за Милошем понять, что так называемый цивилизационный выбор невозможно сделать в одностороннем

порядке: даже формальные корочки члена престижного клуба не гарантируют того, что ты и впрямь принят в него как равный. Больше века назад подобную неполноценность в европейском бомонде ощутили евреи — тогда-то и возник светский сионизм, пытавшийся и сумевший создать собственный клуб. Подозреваю, что когда-нибудь этого же пожелают и народы Восточной Европы. И попытаются создать какую-то мирную версию Варшавского договора.

Ничто так не сближает нации, не способствует их цивилизационному объединению, как наличие общей опасности. Варшавский договор был направлен против военной угрозы, которую никто не воспринимал как реальную, и потому ощущался ненужной обузой даже в России, если говорить о наиболее «модернизированной» части ее населения. Но сегодня у «второсортных европейцев» не может не нарастать ощущение исторической ущербности, для противостояния коему требуется уже не оружие, но прорыв в созидании чего-то *небывалого* — в науке, в технике, в искусстве. Страны, составляющие ядро европейской цивилизации, всегда будут смотреть на новичков свысока, как на своих учеников, куда те лишь повторяют, пусть как угодно блестяще, их уже известные достижения. Именно поэтому странам «полупериферии» необходимы прорывы, способные удивлять мир, расширять его представления о человеческих возможностях. Им следует объединять усилия в научных, культурных и технических проектах, поднять которые поодиночке им не по силам.

Решатся ли они на такую борьбу или так и будут «рано отправлять детей на заработки» в погоне за званием «нормальной европейской страны», то есть никому не интересной копии господствующего эталона?

Если же выразиться более научно, в сегодняшнем мире назрела необходимость не геополитических, но экзистенциальных союзов, предназначенных для борьбы не друг с другом, а с ощущением исторической мизерности человека и человечества. И для формирования национальной идентичности в глобализирующейся Европе необходимо нечто удивительное, уникальное, способное пробудить благоговейную фантазию.

А язык — язык при этом годится любой. Лучше тот, который меньше отпугивает и раздражает. Возможно, в этом отношении лучше всего подходят языки малых и физически слабых народов: их не боятся и к ним не ревнуют.

ЧЕЛОВЕК КОНСЕРВАТИВНЫЙ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ¹

Федор Августович Степун

CONSERVATIVE MAN AND REVOLUTIONARY SITUATION

Fyodor Stepun

В статье русского мыслителя Федора Августовича Степуна (1884–1965) с позиций философии Г. В. Ф. Гегеля определяется различие между действием на общество идей с их эволюционным потенциалом и идеологий, чреватых революционной опасностью.

The article of Russian thinker Fyodor Avgustovich Stepun (1884–1965) from the standpoint of the philosophy of G. W. F. Hegel is determined by the difference between the effects on society of ideas with their evolutionary potential and ideologies, with the revolutionary threat.

Ключевые слова: консерватизм, революционность, Г. В. Ф. Гегель, идея, идеология, царизм, доктрина «Самодержавие. Православие. Народность».

Keywords: conservatism, the revolutionary, G. W. F. Hegel, idea, ideology, tsarism, the doctrine of “Autocracy. Orthodoxy. Nation».

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-69-73

Чтобы правильно понять сущность консервативного человека, нужно его отграничить не только от революционера, как по большей части и происходит, но также и от реакционера. Реакционер, как и революционер, в разных смыслах, но в одинаковой степени враги эволюции. Однако это как раз элемент жизни и область действия консервативного духа. Сущность эволюции точнейшим образом знаменуется через двусмысленность гегелевского понятия «снятие». Эволюция — это большое искусство все несущественное в исторических событиях так «снимать», чтобы дать присущей им субстанциональной ценности возможность быть надежно сохраненной для будущего. Но что могло бы обнаружиться во временных вещах, которые могли бы стать

¹ Stepun Fedor. Der konservative Mensch und die revolutionäre Situation // Schweizer Rundschau. Monatsschrift für Geistesleben und Kultur. 57. Jahrgang 1957/58. Im Verlag der Buchdruckerei H. Borsigs Erben AG Zürich. S. 302–305.

достойны хранения на все времена? Уверен только, что форма вечности все временное улаживает. Можно было бы подумать о вечности как трансцендентном субъекте (Бог, Абсолютный Дух), как о трансцендентной идее, вроде идеи справедливости у Платона, или как о чем-то, возникшем в данном времени, но пригодном для всех времен, что как норма межличностных отношений не нуждается в более пристальном изучении. Важным является только утверждение, что сущность эволюции состоит в том, что безоговорочно обоснованное содержание истины поддерживается господством будущего, что оно перекраивается современным образом, то есть адаптируется без потери сущности к новой исторической ситуации. Только решительное достижение адаптации господствующими государственными и общественными силами дает определенный шанс избежать революционных потрясений.

Человечество редко избегает таких потрясений. В конфликте между эволюцией и революцией революция в основном побеждает. Причина фатального исхода, какими бы разными ни были его исторические черты, всегда оставалась неизменной: превращение консервативного сознания правящего слоя в реакционное.

Различие между консервативным и реакционным сознанием, вероятно, может быть более глубоко понято, если определить противопоставление как антагонизм между идеей (Платон) и идеологией (Наполеон и Маркс).

Идея — это, разумеется, духовная реальность, захватывающая человека изнутри и заставляющая всю жизнь строить по этой модели и служить ей. Типично для отношений между идеей и человеком то, что человек задумывает идею, а потом оказывается сам поглощен ею.

Идеология есть нечто противоположное. Она имитирует служение духу, но на самом деле является лишь маскировкой насилия. Люди одержимы идеями. С другой стороны, идеология нужна ее создателю, который может использовать ее по своему усмотрению в социальной борьбе.

Чтобы понять разницу, давайте подумаем о владельце фабрики, который без особых усилий поднялся снизу. Верный своему происхождению, он всегда стремился в рамках капиталистической экономики сделать все возможное для работников. Он никогда не имел дела с социализмом, потому что у него никогда не было времени на занятия наукой и потому что Бебель казался ему фанатиком. Напряженно работая, он не заметил, что время изменилось. И вдруг он узнает, что даже в его патриархальных куцах дует прохладный ветер. Во время экскурсии по фабрике он больше не видит ярких довольных лиц, к которым привык с юности. Не осознавая за собой никакой вины, он чувствует, будто его обвиняет анонимная власть духа времени. Все это приходит ему в голову благодаря разговору с одним из самых одаренных рабо-

чих, убежденным марксистом, сторонником идеи классовой борьбы, играющим немаловажную роль как в партии, так и в профсоюзе. Владелец фабрики встречает работника со всем уважением и человеческим сочувствием, но пытается дать ему понять, что прогрессивный рабочий класс в совершенно новой ситуации стремится к той же цели, к которой стремился при патриархальном капитализме: к подъему образовательного и жизненного уровня и к культивированию в работнике сознания человеческого и профессионального достоинства. Разве непонятно, что эти два человека как символические фигуры могут примириться и что таким образом надвигающаяся революция обернется эволюционным развитием?

Но избежать революции оказывается невысказанно, если в игру вступают другие представители двух классов. Вместо старого владельца фабрики на должность министра экономики назначен профессор экономики, известный защитник свободного рынка и убежденный националист, написавший известную работу против Карла Маркса¹; его противник — жаждущий власти профсоюзный деятель, социалист, вооруженный очень прибыльной (в тот момент — после войны — марксизм популярен, а потому и выгоден для политиков) марксистской идеологией². Эти двое, также понимаемые как символические фигуры, неизбежно приведут страну к революции, хотя по своему духовному облику и психологии, у обоих материалистической, они гораздо ближе друг к другу, чем первая пара.

Почему? Ответ дан во встм вышесказанном. Старый владелец фабрики и молодой рабочий — люди одной идеи, поэтому они могут понимать друг друга, даже если старый человек духовно разрушен той же идеей, которая вдохновляет жизнь молодого. Но профессор и профсоюзный руководитель — представители идеологий, одинаково выигрывающих от полемики друг против друга. Иногда эта полемика столь добросовестна, что эгоистичные идеологии кажутся объективными идеями.

Это различие объясняет как позитивный смысл идей, так и разрушительную силу идеологий и в общественной, и в личной жизни. Идеи строят мосты, опосредуют силы, они обращаются к каждому человеку на языке, который он понимает лучше всего, но все они говорят одно и то же, обращаясь к духовному центру человека, где находятся сердце, чувства и ум.

Совершенно другая ситуация с идеологиями. Они говорят со всеми людьми на одном языке — и все мимо человеческого центра. Они апеллируют к абстрактному уму, который напрягают и вытесняют, страстям, которые их перегревают, воле, которую они охватывают, и интересам, которые их стиму-

¹ Возможно, речь идет о Людвиге Эрхарде (1897–1977), министре экономики в правительстве Конрада Аденауэра.

² Скорее всего, имеется в виду Вилли Брандт.

лируют, делая невозможным взаимопонимание. Они правят по старому рецепту, деля человека, утратившего собственную целостность, на отдельные «зоны» и руководя деспотами.

Давайте добавим к вымышленному примеру, в котором мы попытались прояснить разницу между приверженниками идей и слугами идеологий, великий исторический пример последних лет. Как дела в России? Царизм до самого последнего момента предоставлял позитивные идеи: христианство в форме Русской православной церкви и помазанника, то есть монарха, ответственного перед Богом. Он верил в людей, преданных Богу и Царю, то есть государству с именем Святая Русь. Русский монарх чувствовал себя обязанным прийти на помощь каждому нуждающемуся христианскому народу и был уверен, что сможет это сделать, поскольку не сомневался в отношениях верности между царем и людьми, которые, подобно славянофилам, считали, что народ требовал для себя (это идея славянофилов: у общества право на свободное высказывание, у правительства власть) только свободы высказывания мнений, но власть оставлял короне. Можно ли протестовать против веры в такое соотношение власти и общества? Конечно, нет. Но как режим, основанный на таких принципах, может противостоять своему народу и миру? Есть только один ответ. Россия пришла к революции, потому что прекрасные формулы христианско-царского мировоззрения задолго до начала первой революции 1905 года перестали считаться обязательными идеями и защищались несправедливыми правителями с нечистой совестью. Вот почему пустые идеологии были отвергнуты.

* * *

Формула: православие, самодержавие и народность. Но никто не чувствовал себя обязанным примирить эту троицу. Формула, насыщенная тройными символами, давно стала пустой фразой, мантрой для мятежной массы и болеутоляющим против страха. Православие было упомянуто, но не пояснялась обязанность, которая должна была возникнуть как следствие постоянного упоминания имени Христа для поддержки самодержавия; народность (Volkstum) была упомянута, но опять же — без осознания ответственности перед верными людьми. Все три слова со временем сжимались в постоянно повторяющийся призыв — самодержавия, самодержавия, самодержавия! Имея в своем распоряжении все средства, правящий режим пытался остановить время, наступая на будущее по закону прошлого. Конечно, он думал, что делает реальную политику, хотя на самом деле давно уступил позиции иллюзионистскому утопизму; это не пророческий утопизм музыки будущего, но романтически реакционный утопизм исчезнувших мудрецов. В ответ на

попытку реакционных идеологий сохранить жизнь в старых формах возникли контридеологии социалистического, коммунистического и анархистского характера, что неизбежно подразумевает революционная ситуация. В России также сбылось старое понимание того, что реакция — преддверие революции. Если романтически-реакционные утопии — это призраки ночи, прошлое, которое давно убило жизнь, но забыло ее похоронить, то революционно-пророческие утопии — утренние призраки: слишком ранние, часто даже мертвые, идеологии. Этот характер сразу очевиден для всех революционных теорий. При каждом соприкосновении с ними чувствуется, что органический рост идей, стоящих за ними, внезапно нарушается, что их тупые шипы слишком внезапно загоняются в стремительную риторику агитации. Отсюда интеллектуальный фальцет, несмотря на иррациональность революционных деклараций. Отсюда внутренняя незащищенность и раздражительность революционного сознания и возросшая волевая мощь алчущих, но всегда слабоумных революционных масс и лидеров. С превращением ведущих идей в идеологии происходит разделение идеологических армий-призраков на два враждебных военных лагеря: лагерь реакционного иллюзионизма, мечта которого в том, чтобы заставить жить под властью мертвых формул, и лагерь революционного иллюзионизма, который пытается подчинить жизнь власти еще не до конца рожденных истин. Революционная ситуация завершается. Дальнейший ход революции заключается в том, что слепая, хаотичная, но действительно существующая глубина жизни внезапно восстает против двух армий-призраков, смешивая фронты мертвых идеологий и таща их в кровавую пропасть, где они будут похоронены вместе.

Перевод с немецкого Владимира Кантора

ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗСКОЙ РУСИСТКИ: РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА МОЕГО СОБСТВЕННОГО БЫТИЯ

Вероника Жобер

Доктор славянских наук, заслуженный профессор Сорбонны.

E-mail: veronique.jobert@gmail.com

A FRENCH SLAVIC PHILOLOGIST'S POINT OF VIEW: RUSSIAN LANGUAGE AS MY EXISTENTIAL CORE

Véronique Jobert

Professeur émérite de l'université de Paris-Sorbonne.

E-mail: veronique.jobert@gmail.com

Любой язык является основой бытия нации. Для французской русистики, изучавшей в 1960-е г. русский в Сорбонне, этот язык позволил проникнуть в культуру и историю страны, жившей в изоляции в советское время. Сравнение разных языков приводит к оптимистичному заключению: русский является очень богатым языком, способным постоянно осваивать заимствования.

Every language represents the existential core of the nation who speaks it. For a French specialist in Russian philology, learning Russian gave the opportunity of understanding the history and culture of a country who lived in isolation during the Soviet period. Russian is a very rich language, with many lexical borrowings.

Ключевые слова: русский язык, французская русистика, иерархия языков, язык и история страны, лексические заимствования.

Keywords: Russian language, Slavistic studies in the Sorbonne, Language and culture, Language and history.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-74-83

Русский язык как основа бытия России. Русская литература или бытие России. Вот два афористичных утверждения, с которыми человеку, всю жизнь посвятившему русистике вдали от самой России, трудно не согласиться.

Внимательно прочитав описание и аргументарий конференции «Русский язык как основа бытия России», на которую меня любезно пригласили, я, признаться, призадумалась. Куда же, в какое из одиннадцати перечисленных направлений мне, французской русистке, вписаться?

Да и вообще, не является ли название конференции по сути тавтологией?

Как представить себе существование любого народа без его языка? История последних лет, в частности бывших советских республик, показала, как борьба за собственный язык становится патриотической, проходящей, к сожалению, часто в ущерб другим языкам, имеющим хождение в той же стране.

И тут меня осенило: а как перевести на французский «Русский язык как основа бытия России»? Ведь слово «бытие» можно перевести как *existence* (существование), *être* (существо), а еще, в более «высоком штиле», — *genèse*. Это термин, относящийся, в частности, к библейской Книге Бытия. Кстати, в русско-французском словаре Л. В. Щербы (1962) последний перевод отсутствует. Но зато приведено известное изречение Маркса: «Бытие определяет сознание». И невольно хочется уточнить: уместно ли в данном контексте (марксистского материализма) возвышенное слово «бытие», явно имеющее оттенок философской или духовной лексики? Не следовало ли бы заменить его простым старым словом «бытьё» («житьё-бытьё») в обыденном значении? Или даже употребить «быт»?

Итак, оказывается, что русский язык беднее французского, у которого целых три слова «*existence, être, genèse*» вместо одного «бытие»? Бедный язык! *Pauvre langue!*

Позволю себе тут маленькое отступление, которое послужит мне вступлением.

Моя тетушка, покойная писательница Наталия Иосифовна Ильина, которая последние годы жизни летом гостила у нас во Франции, однажды ужасно обидела моих сыновей (им было около 12 и 8 лет). Наталия Иосифовна довольно прилично говорила по-французски и постоянно старалась усовершенствовать свое знание языка. И вот возник у нее вопрос: как же так, на французском одно только слово «*bureau*» имеет три значения: рабочий кабинет, рабочий стол, контора? И, вздохнув, задорно выпалила: «*Pauvre langue!*» («Бедный язык!»), что вызвало гнев и негодование моих мальчишек.

А я подумала: где только не скрывается национализм!

Моя статья будет сугубо личной, весьма автобиографичной, не претендующей на научность. Мои замечания чисто эмпирические, отнюдь не теоретические. Это ряд размышлений, основанных на наблюдениях, сделанных на протяжении долгой жизни «французской русистки», и на соображениях, подпитанных чтением русских текстов.

Итак, какой язык богаче, какой беднее?

Столь провокационную постановку вопроса, конечно, следует отвергнуть. И, откровенно говоря, меня всегда раздражал русский восторг, пафос по поводу «великого» и «могучего» русского языка.

Любопытства (а не любознательности) ради — тут русский язык оказывается опять богаче французского, где имеется только слово «curiosité» — я решила посмотреть в интернете, что можно найти по поводу «великого и могучего» русского языка. Как говорят фамиллярно французы, «Je n'ai pas été déçue du voyage» («Результат превзошел все ожидания»). На каком-то сайте утверждается: «Ни в одной стране мира нет **толкового словаря уголовных жаргонов**. Вдумайтесь в это! Ни в одной! Это не повод для гордости, но это правда жизни» (Моя Россия). В данном случае удивляет уточнение: «Это не повод для гордости». А почему тогда об этом упоминают?

Если уж приводить тургеневскую цитату, то следовало бы дать ее полностью: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?» Это, собственно говоря, значительно сужает, как мне кажется, перспективу. В скобках отметим также, что почему-то при цитировании тургеневского изречения обычно значительно сокращают даже прямые прилагательные, довольствуясь великим и могучим, забыв о правдивости и свободе. Склонность к гиперболизации в русской речи очень заметна. Это связано отчасти, может быть, с наличием двух прилагательных: «великий» и «большой», когда во французском существует только одно слово «grand». И Петр Великий, и Екатерина Великая, об историческом значении которых знают и французы, звучат по-французски всего лишь как Pierre le Grand, Catherine la Grande. А единственная «великая» война в истории Франции, Первая мировая 1914–1918 гг. вошла в историю как La Grande Guerre, правда, с двух заглавных.

Видимо, русский размах несовместим с французским чувством меры. Как не вспомнить здесь изречение Талейрана: «Tout ce qui est excessif est insignifiant» («То, что чрезмерно, на самом деле несущественно»). Как же справиться с таким несопадением двух языков?

Занимаясь переводами, часто обнаруживаешь неразрешимые трудности. Тут я опять вспомню мою тетушку-писательницу, которая яро спорила со своим закадычным другом, переводчицей Надеждой Михайловной Жарковой. Что труднее? Писать или переводить? Наталия Иосифовна никак не соглашалась с Надеждой Михайловной, утверждавшей, что переводить труднее. И вот я сейчас, по истечении стольких лет, безоговорочно готова стать на сторону переводчицы.

Известно, что ряд писателей и поэтов утверждали, что перевод всегда уступает оригиналу, не может быть абсолютно точным. Известная итальянская паронимазия «traduttore — traditore» ставит знак тождества между переводчиком и предателем.

Наглядным примером трудностей перевода стала для меня работа над письмами моей русской прабабушки, которые я уже частично опубликовала в России. Ольга Александровна Воейкова была образованной, начитанной русской дворянкой, она в совершенстве владела пятью европейскими языками. В переписке со старшей дочерью, попавшей в эмиграцию и жившей в Харбине, Ольга Александровна постоянно прибегала к французскому языку, да и не только. Поскольку ее переписка с дочкой охватывает 1920–1930-е гг., нетрудно догадаться, что Ольга Александровна использовала иностранные языки, в частности, для обмана цензуры. Это позволяло ей доносить до адресата крамольную информацию. Но названная причина — далеко не единственная, объясняющая употребление иностранных слов. В данном случае нас интересует другое: почему и когда автор писем вставлял французское слово, словосочетание или фразеологизм?

Оказывается, она делала это, если на русском слова, идентичного по смыслу или оттенку значения, не находила.

Описывая младшего внука, она писала, что он маленький «*tourbillon*» и что «*Il n'aura pas la bosse du respect*». В переводе на русский можно написать, что маленький мальчик «несется как вихрь», или что он «настоящая юла», и что он «вряд ли будет уважительным» (Жобер, 2012: 43).

Намекая на финансовые трудности, с которыми сталкивалась ее семья в Ленинграде, Ольга Александровна писала: «Задержки в оплате загоняют в долги — *on tire le diable par la queue*», что означает «мы еле сводим концы с концами» (Там же: 60), но далеко не так колоритно, как дословное значение во французском «Мы тянем беса за хвост». На ту же тему жизненных неурядиц в другом письме мы читаем, что всем надоело жить «*sur la branche*», то есть «в подвешенном состоянии», а дословно «на ветке».

Вспоминая с грустью прошлое и отдавая себе отчет, что оно не вернется, Ольга Александровна прибегла к поэтичной французской поговорке, афоризму, где ассонанс и аллитерация использованы вместе: «*Tout passe, tout lasse, tout casse*». Согласитесь, что переводу на русский: «Все проходит, все надоедает, все пропадает» — недостает поэтичности.

Можно было бы привести сотни таких примеров из упомянутых писем (Jobert, [2013]: 123–136). К чему же я клоню? Отнюдь не к утверждению, что русский язык беднее французского. Как говорят французы: «*Comparaison n'est pas raison*». То есть сравнить не значит доказать.

Я хочу скорее доказать от противного, идя от обратного, богатство русского языка. Если Ольга Александровна прибегала порой к французскому, то именно потому, что она, будучи настоящей русской европейкой, прежде всего великолепно владела своим родным, русским языком. И она, конечно,

считала долгом развивать у внука русскую речь. Для этого необходимо много читать, и в феврале 1934 г. она сетовала: «Жаль, что нельзя пополнить запасы детских книг. Над очерком Мамина-Сибиряка “Зимовье на севере” Димка горько рыдал над смертью собаки Музгарки. Когда Муся проезжала здесь, она оставила толстую книгу “Живое слово”, и это, собственно, фундамент нашей библиотеки, там и басни, и стихи, и сказки, и рассказы с портретами главных авторов, все еще на букву Ъ» (Архив). В марте же 1936 г. она писала: «Мы с ним <с внуком> бесчисленное количество книг прочитали. Это ему дало замечательно правильный и острый русский язык. За словом в карман не полезет. На днях Алина <его мать> за обедом ему говорит: “Какой стрекотушкин-болтушкин!..” Не задумавшись, он ответил: “Какой причиталкин мамушкин!”. Несмотря на нахальство, даже мать не удержалась от смеха» (Там же).

«Мой Русский язык»

Тот самый язык, которому я посвятила всю жизнь, который стал моим bread and butter для англоязычных (то есть моим хлебом с маслом, моими средствами к существованию), fonds de commerce для франкоязычных (то есть моим бизнесом, моим капиталом). Осваиваю привычку русскоязычных использовать притяжательные прилагательные и этим заигрываю. Дело в том, что во французском притяжательные прилагательные применяются сплошь и рядом в совершенно других ситуациях, сугубо конкретных и тривиальных: «Mange ta soupe» («Ешь [твой] суп»), «Finis ton dessert» («Доедай [твое] сладкое»), чего в русском нет. Зато в русском, напротив, присутствует некоторая торжественность, высокопарность: «Мой Пушкин» (Цветаева), «Пушкин, наше все» (Аполлон Григорьев в сочинении «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»).

Мне необходимо, видимо, сперва уточнить, что я француженка по рождению, воспитывалась во Франции, мать у меня была русской, но росла я не в эмигрантской среде. Русский для меня является, я бы сказала, языком матери («langue maternelle»), но в общем не родным. Только в семь лет я начала его учить с грехом пополам. Главные научные лингвистические познания я получила на факультете славистики в Сорбонне. Тут хочется рассказать, как известный лингвист, профессор А. А. Реформатский в конце 1960-х — начале 1970-х гг. тестировал мои знания. Однажды он наобум, ни с того ни с сего, спросил: «А как множественное число слова “дно”?» Я, не запнувшись, ответила «донья», чем Сорбонна заслужила похвалу русского лингвиста. После университета, выдержав конкурс на должность преподавателя русского языка, я стала работать в средней школе и гимназии. Это было начало 1970-х гг., время подъема, развития преподавания русского языка во Франции, кото-

рое, увы, давно миновало. Защитив докторскую, я стала доцентом на кафедре славистики в Сорбонне, а после абилитации профессором-русистом в Сорбонне. Конечно, мои поездки в СССР начиная с 1961 г., затем, участвовавшим темпом, в Россию после развала СССР в 1991 г., значительно развили мой русский язык. Ведь, помимо стажировок для студентов и преподавателей, я общалась с писательницей Натальей Ильиной, с ее мужем Александром Реформатским, с Надеждой Жарковой и многими другими представителями интеллигенции, будь они лингвисты, писатели, артисты или литературоведы. Круг знакомых, сначала в СССР, а затем в России, посвятивших меня в сложное, неоднозначное, неимоверно захватывающее бытие России, был обширным. Мне дарили книги, я увлекалась чтением русской классики, той самой русской классики, которая и есть бытие России. Полное собрание сочинений Н. С. Лескова в красной обложке я получила еще в студенческие годы из рук самого Реформатского. Каково же было мое удивление, когда я нашла в письме Ольги Александровны Воейковой упоминание этого автора, которым зачитывалась внучка Катюша в 1930-е годы, о чем бабушка писала 24 мая 1934 г.: «Катя постоянно сидит, уткнувшись в книжку, прочла чуть ли не все произведения Лескова. Начав с “Соборян”, она так и пошла проглатывать том за томом. Это — чтение, уносящее далеко в старину, с которым мало кто из русской молодежи теперь знаком» (Архив). Вот наглядный пример усердия, с которым в трудных условиях 1920–1930-х гг. Ольга Александровна, как и все «бывшие», пыталась дать хорошее образование детям.

В 1960–1970-е гг. мы, студенты-русисты, конечно, стремились доставать в библиотеке Сорбонны долгожданные знаменитые советские «толстые журналы», такие, в частности, как «Новый мир», «Знамя», «Октябрь». И мы понимали, что опоздание с их получением во Франции не обязательно связано с медлительностью почты. Известно было, что из-за борьбы редакции с цензурой некоторые номера выходили не вовремя. Так было, если я правильно помню, со знаменитым № 11 за 1962 г. «Нового мира» с повестью А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Таким образом я окончательно убедилась, что во второй половине XX века, несмотря на закрытость политического и социального строя до развала СССР в 1991 г., можно изучать Россию посредством ее литературы. Занятия советской сатирой, в частности, позволяли понять реалии, которые тогда официально не существовавшая социология не могла анализировать. К тому же эзопов язык, многочисленные иносказания, к которым прибегали литераторы, развивали у читателя способность читать меж строк. И вот фельетоны моей тетушки, освещающие повседневные неурядицы советского быта, стали для меня важным источником познаний о советском строе. В конце

концов я в 1988 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Советская современная сатира. Общество и идеология».

Деревенская проза, представленная такими писателями, как Ф. А. Абрамов, В. Г. Распутин, В. П. Астафьев, В. И. Белов, С. П. Залыгин, Б. А. Можаяев, В. А. Солоухин, В. Ф. Тендряков, В. М. Шукшин, и, конечно, рассказ Солженицына «Матренин двор» дали возможность ознакомиться с реалиями русской деревни. В период учебы в Сорбонне я также зачитывалась представителями советской городской прозы 1970–1980-х гг., Андреем Битовым, Владимиром Маканиным и, конечно, Юрием Трифоновым. Очень хорошо помню, как на факультете русистики мы передавали друг другу разные номера журнала, в котором вышел роман «Белые одежды» В. Д. Дудинцева.

Русская литература, в данном случае в первую очередь советская литература XX в., а не русская классика XIX в., была очень важным компонентом формирования иностранного русиста. Дело в том, что она в значительной мере заменяла историю и социологию и позволяла иностранцу открыть для себя страну, в которую не так легко было попасть и где передвижения были весьма ограничены. Русская литература открывала окно в мир загадочной страны, о жизни обитателей которой из газет нельзя было ничего толком понять. В знаменитых словах Е. А. Евтушенко «Поэт в России — больше, чем поэт...» («Молитва перед поэмой») была бы, по-моему, оправдана замена слова «поэт» словом «литература».

С началом перестройки, с гласностью ситуация для иностранного преподавателя русского языка резко изменилась. Появились газеты и журналы, которые могли заинтересовать французских учеников и студентов. В них можно было найти те же темы, что и в западной прессе. Участились и разнообразились поездки по России. После нового закона о печати лета 1990 г. наступил настоящий бум прессы. В первом номере «Русского журнала» (1991) я опубликовала (не будучи еще тогда главным редактором) статью «Неформальная пресса на улицах Москвы». Перечислялись следующие газеты и журналы: «Независимая газета», «Куранты», «Свободное слово», «Русские ведомости», «Новая жизнь», «Московские ведомости», «Коммерсант», «Демократическая Россия», «Революционная Россия», «Протестант», «Тема», «Отверженные», «Милосердие», «Тайны КГБ», «Частный детектив», «Огонек». Они продавались везде: в метро, в подземных переходах, на улицах. Разбегались глаза при виде такого количества публикаций, очень разных по содержанию, тематике, качеству, объему. Самым удивительным было, помнится, наличие на одном прилавке у одного и того же продавца религиозной и порнографической литературы. Очередной парадокс страны, где все менялось ускоренными темпами.

Я отчетливо помню, как в те «лихие» годы радовалась свободе слова, которая тогда казалась необратимой. В номере нашего журнала, посвященном ельцинским годам, мне показалось уместным дать статью о «лихих» годах, вспоминая девяностые. Как раз осенью 2015 г. прошел в Москве фестиваль «Остров 1990-х», а в Сахаровском центре прощались с историком Юрием Афанасьевым.

На вопрос «С чего начинается родина» моя тетушка отвечала: «С языка», подразумевая, что «не с березы или рябины». Она воплотила свое убеждение, став писательницей в СССР. На встрече переводчиков в апреле 2019 г. в Париже румынка Mariana Cojan Negulesco сказала: «On n'habite pas un pays, on habite une langue» — «Живешь не в стране, а в языке». А язык открывает дверь в историю, как метко определил известный французский славист Жан Брейар: «Derrière l'histoire, la langue» (Breuillard, 2010).

А что сулит нам будущее?

Если я правильно понимаю замысел организаторов конференции, они бьют тревогу по поводу возможного вымирания русского языка. В этом они, без сомнения, разделяют опасения блюстителей французского языка. Но, откровенно говоря, будущее угрожает французскому языку гораздо серьезнее, нежели русскому.

Настоящая глобализация мира, которой никак нельзя избежать, заставляет нас всех — и во Франции, и в России — мало-мальски использовать английский язык. И мне кажется, что тут ничего не поделаешь и противиться этому бесполезно. Это арьергардные бои. Английский язык, несомненно, гегемон в мире. Но, согласитесь, что в этом кроется и его уязвимость. Сколько миллионов людей по всему миру пытаются говорить на английском, но на каком ломаном, неправильном, исковерканном! Это явление назвали *globish English*.

Если быть идеалистом-утопистом, можно проповедовать эсперанто. Стронники этого универсального языка, защищая «языковые права», утверждают следующее: «Каждый имеет право выражать свои мысли и понимать других наиболее удобным для себя способом. Все языки равны между собой и имеют равные права» — это слова из официального обращения, озвученного в 2008 г. к столетию Всемирной эсперанто-ассоциации (УЭА — *Universala Esperanto-Asocio, UEA*; перевод с эсперанто на русский Татьяны Аудерской). На этом основании предлагается изучать эсперанто.

Политика франкофонии, которой русские завидовали еще до развала Советского Союза, заключалась только в том, чтобы поддерживать тот уровень знания французского, который был заложен в бывших французских колони-

ях. Эта политика скоро исчерпалась. Если тридцать лет назад можно было еще удивляться и восхищаться чистотой языка марокканских тележурналистов, сейчас такого не найдешь, выросли совсем иные поколения. Знаменательное исключение составляет алжирец Камел Дауд, ставший писателем на французском языке.

Если теперь сравнить будущее русского и французского языков, то, как мне кажется, у русского огромные преимущества. Этот язык очень продуктивно умеет ассимилировать лексические нововведения, русифицировать заимствования. Русский язык владеет огромным потенциалом деривации. Если проверить глоссарий терминов интернет-маркетинга, окажется, что по-английски существует 249 терминов, а по-русски аж 414!!!¹ В отличие от французского, благодаря довольно верной фонетической транскрипции иностранных слов на русский (тут помогает еще факт различия алфавитов), появилась уйма совершенно узнаваемых (для английского уха) терминов: юзер, юзабилити, хештег, фолловер... Причем не только произношение максимально близко к исходному языку, но и ударение, и интонация. Интересно отметить, как от термина «лайк» образовалась типично русская форма «лайкнуть»; то же самое от «френд» — «зафрендить». Не могу удержаться от соблазна дать пример из совершенно другой лексической оперы: я была потрясена и восхищена, когда где-то прочитала: «Подлодки США готовы **томагавкнуть** по Сирии».

На французском же полная беспомощность: кроме слова «blog», нет ни одного узнаваемого термина. К примеру, как произносится французами термин «wifi»? Получается [уифи]. Что, очевидно, ни одному англоязычному не понять. А ведь была сделана попытка ввести какие-то орфографические нормы. «Мейл» — это, собственно говоря, электронное сообщение, то есть по-французски «message électronique». Почему бы не писать «mél»? Ан нет! Не привилось! Продолжают писать mail, как в английском, хотя ни один француз не способен это правильно произнести!

Итак, оправдывается ли опасение, что русский язык может перейти в разряд мертвых? В унисон известному бонмо Марка Твена (1897) хочется воскликнуть: «Сообщения о его смерти сильно преувеличены».

Париж, май 2019 г.

¹ См.: <https://glossary-internet.ru/terms/rus/>.

Литература

Архив. Личный архив Вероники Жобер.

Деятельность за языковые права в мире. URL : <http://www.linguistic-rights.org/ru>. Дата обращения: 19.08.2019.

Жобер В. П. (2007). Воспитание и образование детей как фактор русской культуры (1920–1930-е гг.) // Российская словесность: эстетика, теория, история. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию профессора Б. Ф. Егорова. Санкт-Петербург — Самара: Офорт. С. 237–241.

Жобер В. П. (2012). Когда жизнь так дешево стоит... Письма О. А. Толстой-Воейковой. 1931–1933 гг. / публ. и коммент. В. П. Жобер. СПб.: Нестор-История.

Кантор В. К. (2017). Русская классика или бытие России. М.: Центр гуманитарных инициатив. Моя Россия. URL: <https://moiarussia.ru/russkij-yazyk-velikii/>. Дата обращения: 13.02.2019.

Breuillard J. (2012). Derrière l'histoire la langue, Etudes de littérature, de linguistique et d'histoire, Paris, Institut d'Etudes slaves.

Jobert V. (2013). Pratique du multilinguisme dans une correspondance privée russe au XXe siècle. Formes et fonctions, Revue des Etudes slaves, Paris, LXXXIV/1-2. P. 123–136.

Jobert V. (1991). La presse informelle dans les rues de Moscou [Неформальная пресса на улицах Москвы], La société soviétique d'aujourd'hui, Actes du colloque de l'Association française des russisants, La Revue russe, 1, Publication de l'Université de Provence. P. 101–107.

Jobert V. (2015). Les années terribles [Лихие годы]. La Revue russe 45. P. 63–78.

References

Arhiv. Lichnyj arhiv Veroniki Zhober.

Deyatel'nost' za yazykovye prava v mire. URL : <http://www.linguistic-rights.org/ru>. Data obrashcheniya: 19.08.2019.

Zhober V. P. (2007). Vospitanie i obrazovanie detej kak faktor russkoj kul'tury (1920–1930-e gg.) // Rossijskaya slovesnost': estetika, teoriya, istoriya. Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu professora B. F. Egorova. Sankt-Peterburg — Samara: Ofort. S. 237–241.

Zhober V. P. (2012). Kogda zhizn' tak dyoshevo stoit... Pis'ma O. A. Tolstoj-Voejkovoj. 1931–1933 gg. / publ. i komment. V. P. Zhober. SPb.: Nestor-Istoriya.

Kantor V. K. (2017). Russkaya klassika ili bytie Rossii. M.: Centr gumanitarnyh iniciativ.

Moya Rossiya. URL: <https://moiarussia.ru/russkij-yazyk-velikii/>. Data obrashcheniya: 13.02.2019.

Breuillard J. (2012). Derrière l'histoire la langue, Etudes de littérature, de linguistique et d'histoire, Paris, Institut d'Etudes slaves.

Jobert V. (2013). Pratique du multilinguisme dans une correspondance privée russe au XXe siècle. Formes et fonctions, Revue des Etudes slaves, Paris, LXXXIV/1-2. P. 123–136.

Jobert V. (1991). La presse informelle dans les rues de Moscou [Неформальная пресса на улицах Москвы], La société soviétique d'aujourd'hui, Actes du colloque de l'Association française des russisants, La Revue russe, 1, Publication de l'Université de Provence. P. 101–107.

Jobert V. (2015). Les années terribles [Лихие годы]. La Revue russe 45. P. 63–78.

**«В ДУХОВНОМ ПОСЛАНИИ»:
РАЗМЫШЛЕНИЯ С. Л. ФРАНКА О РОССИИ
НА СТРАНИЦАХ КАТОЛИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ХОХЛАНД»**

Леонид Михайлович Люкс

Доктор исторических наук, научный руководитель
Международной лаборатории исследований русско-европейского
интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, бывший заведующий кафедрой
новейшей истории Центральной и Восточной Европы
Католического университета в г. Айхштетт.
E-mail: leonid.luks@ku.de

**„IN THE SPIRITUAL MISSION“ —
SEMYON FRANK’S REFLECTIONS ON RUSSIA
ON THE PAGES OF CATHOLIC JOURNAL „HOCHLAND“**

Leonid M. Luks

Prof. Dr. Academic Supervisor of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue (National Research University. Higher School of Economics); 1995-2012 Chair for Central and Eastern European Contemporary History, Catholic University of Eichstaett-Ingolstadt.
E-mail: leonid.luks@ku.de

Русские эмигранты, покинувшие Россию после победы большевиков, стали свидетелями первой в истории попытки превращения тоталитарной утопии в действительность. Многие из них поняли, что события 1917 г. были лишь первым актом общеевропейской трагедии, и пытались предупредить общественность их стран пребывания о надвигающейся катастрофе, но не нашли широкого отклика. Победители во внутрироссийской борьбе интересовали Запад намного больше, чем побежденные. Однако на Западе были и люди, пытавшиеся плыть против течения: они были готовы слушать русских мыслителей-эмигрантов. К их кругу принадлежали и издатели немецкого католического журнала «Хохланд», который в 1920–1930-е гг. был своего рода форумом русских авторов в эмиграции, особенно тех, которые после изгнания из Советской России оказались в Германии. В первую очередь это касалось С. Л. Франка и Ф. А. Степуна, которые особенно часто выступали на страницах журнала. В данной статье рассматриваются публикации Франка в «Хохланде». Все они посвящены российской тематике, однако, как правило, в общеевропейском контексте. Особое внимание Франк уделял творчеству русских мыслителей, предсказавших события 1917 г. и другие катастрофы XX в.

Russian emigrants, who left their country after victory of the Bolshevik Revolution, witnessed the first-ever attempt to turn a totalitarian utopia into reality. Many of them realized that the events of 1917 were only the first act of the pan-European tragedy and tried to warn the public of their host countries about the impending catastrophe, but they did not find a wide response. The West was much more interested in winners of the internal Russian struggle rather than the losers. However, there were people in the West, who tried to swim against current: they were ready to listen to Russian émigré thinkers. Their circle also included publishers of the German Catholic magazine „Hochland“, which in the 1920s and 1930s was a kind of forum for Russian authors in emigration, especially for those who, after their exile from Soviet Russia, had settled in Germany. Primarily it concerned Semyon Frank and Fedor Stepun, who especially often appeared in the columns of the magazine. In this article, I would like to consider the texts of Frank, published in this magazine. All of them were devoted to Russian topics, however as a rule, in the pan-European context. Frank paid special attention to works of the Russian thinkers, who had predicted the events of 1917 and other disasters of the 20th century.

Ключевые слова: С. Л. Франк, «Хохланд», К. Леонтьев, Федор Достоевский, Николай Гоголь, Максим Горький, Людвиг Бинсвангер, Федор Степун, Николай Бердяев, Фридрих Хайлер, большевизм, национал-социализм.

Key words: Semyon Frank, „Hochland“, Konstantin Leont’ev, Fedor Dostoevsky, Nikolai Gogol, Maxim Gorki, Ludwig Binswanger, Fedor Stepun, Nikolai Berdyaev, Friedrich Heiler, bolshevism, national-socialism.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-84-101

I

Название статьи — парафраз афоризма Зинаиды Гиппиус о сущности русской эмиграции: «Мы не в изгнании, мы в послании». Русские эмигранты, покинувшие свою страну после победы большевистской революции, стали свидетелями и жертвами беспримерного антропологического эксперимента, первой в истории попытки превращения тоталитарной утопии в действительность. Многие из них поняли, что события 1917 г. были лишь первым актом общеевропейской трагедии. Они пришли к выводу, как пишет В. Н. Порус в сборнике, посвященном изгнанному из России в 1922 г. С. Л. Франку, «что этот кризис — не стечение неких обстоятельств, не что-то внешнее по отношению к европейской культуре, а прямой результат ее внутренних противоречий» (Порус, 2012б: 6)¹.

¹ Н. В. Мотрошилова говорит в этом же сборнике об «особом умении русских мыслителей <...> уловить катастрофичность социального развития и точно описать ее, в немалой степени опираясь на трагический опыт своей страны и собственный драматический жизненный опыт. Франк — один из таких мыслителей» (Мотрошилова, 2012: 266).

Уже в 1924 г. в работе «Крушение кумиров» С. Л. Франк писал: «Нельзя отрицать, что и Европа чадит и тлеет и не может затушить это подземное горение» (Франк, 1990: 136). При этом и сам Франк, и другие пассажиры «философских пароходов»¹ неоднократно предупреждали культурное сообщество Европы о том, что надвигается лавина. По сути дела серьезное направление журналистско-издательской деятельности российских изгнанников, в подавляющем большинстве являвшихся, по рождению и воспитанию, русскими европейцами, было посвящено попыткам предотвратить общеевропейскую катастрофу. Однако услышаны беглецы из России не были, и причина тому, конечно же, не в языковом барьере: их никто не слушал, потому что не хотел слышать. «Они не искали доходов и денег <...> они хотели быть востребованными как идеологи. Но Европа русским опытом пренебрегла, пока не свалилась в кошмар нацизма» (Кантор, 2013: 325). Причин такой культурной глухоты множество: это и невыгодное социальное положение выходцев из России, в большинстве случаев потерявших и статус, и состояние; и разобщенность внутри эмигрантской среды; и слишком сильный разрыв между ощутимой претензией на культурное господство (недаром в 1921 г. австрийский писатель Гуго фон Гофмансталь жаловался, что Достоевский может свергнуть Гете с пьедестала²) и наличной жизненной реальностью тех, кто так или иначе воспринимался в качестве «беженцев». Надо также понимать, что русские эмигранты первой волны довольно долго не искали путей ассимиляции в западном обществе, надеясь на скорое падение большевизма. С другой стороны, «чад» и «тление» Европы, вполне объяснимые пережитой трагедией Первой мировой войны, сопровождались и высшей напряженностью в обществе, и одновременно — поразительной беспечностью, характерной для обществ, утративших стабильность и не знающих, как ее восстановить. Как бы там ни было, даже в 1927 г., когда большинство русских эмигрантов уже получили паспорта (благодаря решению Лиги наций в 1922 г. и деятельности Ф. Нансена) и так или иначе влились в общеевропейский контекст, Ганс фон Римша, в сущности, первый историк послереволюционной русской эмиграции, основываясь на анализе политики различных периодических изданий, назвал ее «духовно стерильной» (Rimscha, 1927: 132–133, 151–152), читай —

¹ См. об этом: Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М.: Русский путь, 2010; Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921–1923. М.: Русский путь, 2005; В. И. Ленин. Неизвестные документы 1891–1922. М.: РОССПЭН, 1999. С. 550–557; Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 786; Зеньковский В. В. История русской философии. Париж: ИМКА-Пресс, 1949–1950. Т. 2. С. 391–392; Кантор В. К. Русская философия в Германии: проблема восприятия (письма Степуна Семену Франку и Татьяне Франк) // Федор Степун. Письма. Под ред. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013. С. 325–375.

² См: Hofmannstahl, 1955: 75–77.

бесплодной. При этом, например, Питирим Сорокин уже с 1923 г. преподавал в различных учебных заведениях США, а Роман Якобсон основал в 1926 г. Пражский лингвистический кружок. Деятельность обоих ученых, и не их одних, положила начало серьезному эволюционному скачку общеевропейского гуманитарного знания. Однако из 1927 г. невозможно было предугадать все это. То же, что виделось воочию, не внушало доверия: разобщенность русской эмиграции, множество враждовавших друг с другом политических группировок, существование общественных организаций, объединений, партий, в котором не усматривалось никакого внешнего смысла, наконец, отсутствие харизматичного вождя, способного сплотить разрозненную массу. В итоге Римша склонился к уничижительной характеристике эмиграции и возвеличиванию, даже вопреки собственным взглядам, картины общественного строительства в Советской России.

Но случай Римши многое объясняет: действительно, симпатии западного мира все ощутимей склонялись на сторону победителей, а не побежденных. Парадокс в том, что представители свободного интеллектуального дискурса, деятели, в частности, религиозно-философского ренессанса, оказавшись перенесены в «зарубежную Россию», могли дать и дали толчок к развитию западноевропейской науки, но успехи были отнесены... к достижениям западной, а не российской мысли.

Итак, недооценка творческого потенциала русской эмиграции, распространенная на Западе, без сомнения связана с тем, что в центре внимания западной общественности находилась не «зарубежная Россия», а советское государство (Степун, 2000: 874–884; Кантор, 2013: 336–337; Stepun, 2004; Hufen, 2001: 329, 397).

II

Однако на Западе были и люди, пытавшиеся плыть против течения и готовые слушать русских мыслителей-эмигрантов. К этому кругу принадлежали издатели немецкого католического журнала «Хохланд», который в 1920–1930-е гг. являлся своего рода форумом русских авторов в эмиграции, особенно тех, кто после изгнания из Советской России оказался в Германии.

Журнал «Хохланд» («Hochland») издавался в Мюнхене (1903–1941, 1946–1971) и был в целом посвящен вопросам взаимодействия религии и культуры. Соответственно, здесь публиковались статьи по философии, литературе, искусству и другим гуманитарным направлениям. «Хохланд» не выражал ничьих пристрастий ни на каком уровне — государственном, политическом, идеологическом. Напротив, его первый глава Карл Мут утверждал, что решение вопросов, связанных с искусством и эстетикой, подталкивает к сня-

тию напряженности в области политики. В круг «Хохланда» входили заметные интеллектуалы эпохи, причем далеко не только немцы, и многие из них были богословами, бежавшими от крайне консервативных установок. Просуществовав несколько лет при нацистах, журнал не отклонился от курса, в результате чего был закрыт и возрожден после окончания боевых действий на территории Германии.

Такая политика журнала соответствовала направлению умов в первую очередь С. Л. Франка и Ф. А. Степуна, особенно часто выступавших на страницах журнала. Опубликованному Степуном в журнале «Хохланд» я уже посвятил очерк (Люкс, 2018а). В данной же статье я хотел бы рассмотреть тексты С. Л. Франка. Все они посвящались российской тематике, причем, как правило, в общеевропейском контексте. Тот факт, что «неариец» Франк после прихода Гитлера к власти мог публиковать свои тексты в «Хохланде», не раз между строк критикуя нацистский режим, достоин особого внимания. «Хохланд» до запрета нацистскими властями (1941) оставался одним из последних бастионов «полусвободного слова» в Третьем рейхе. О характере журнала и его роли в нацистской Германии Федор Степун писал 31 июля 1934 г. в письме главному редактору журнала Фридриху Фуксу: «Вообще я должен сказать, что “Хохланд” сегодня это самый яркий, интересный и значительный журнал. Надеюсь, и в дальнейшем Вы удержитесь на том же уровне» (Hufen, 2001: 447).

Особое внимание Франк уделял творчеству русских мыслителей, предсказавших события 1917 г. и другие катастрофы XX в. В связи с этим особенно тщательно Франк анализировал идеи Константина Леонтьева (1831–1891), о котором говорил в первой статье, напечатанной в журнале «Хохланд»: «Константин Леонтьев — русский Ницше» (Frank, 1928–1929)¹.

Заглавие статьи, конечно, не случайно ни для Леонтьева, ни для Франка, ни даже для Ницше (кстати, формально «Хохланд» и был закрыт нацистами из-за статьи, посвященной немецкому философу). Константин Леонтьев, убежденный христианин, далекий от идей «убийства Бога», тем не менее во многом предвосхитил Ницше прежде всего потому, что весьма пессимистично смотрел на развитие общества в XIX в., говорил о европейском декадансе и предвидел общекультурную катастрофу. С его точки зрения, возвращение к христианству могло бы помочь избежать ее; но Франк, в свою очередь, с заметной долей опасения говорил о толковании веры у Леонтьева, приверженца крайне консервативных взглядов. Аскетизм, жестко дисциплинирующие начала — все то, что Анна Ахматова назвала «суровым духом византийства», —

¹ Федор Степун, который тесно сотрудничал с журналом «Хохланд» с 1924 г., помог Франку поместить там статью о Леонтьеве (см. Степун, 2013: 345).

не казались Франку ни достаточным, ни необходимым условием формирования христианского общества. Напротив, он предпочитал органически растущее пышное разнообразие культуры — сурово воспитывающей религии. В деспотизме государственной власти, возросшем на основе византийства, он видел причину падения самого государства, хотя и признавал, что «византизм» был организован эстетически (Франк, 1996: 417). Леонтьеву образ карающего Бога был гораздо ближе, чем образ прощающего; он считал, что Достоевский, писавший о действенной силе милосердия, проповедовал одностороннее «розовое» христианство (Леонтьев, 1992а; Фудель, 2001–2005, Т. 1: 42, 217; Т. 3: 389–390). Для Франка такой подход неприемлем: нельзя видеть в мире только высокомерие и слепоту, порождающие аскетизм, поскольку такой подход и «санкционирует» бытие мира в указанном виде. Напротив, посыл о нравственном улучшении способен дать миру иную санкцию (Франк, 1996: 419).

Но для Франка Леонтьев, безусловно, пророк, ясновидец, увидевший потенциально ужасный финал там, где современники видели лишь торжество стабильности прогресса (Там же: 422). Леонтьев предсказывал также и неотвратимость социализма, порождения гуманитарного либерализма и демократии, ничего общего не имеющее с ними: при социализме «будет господствовать не свобода, а высшее рабство, что при нем люди придут не к желаемому всеобщему счастью, а к нездоровому, жестокому, полному боли существованию» (Там же: 418; см. также Леонтьев, 1885–1886, Т. 2, 134–135, 157–158; Schelting, 1989: 72–73)¹. Вот почему для Леонтьева неприемлема социальная демократия (как по политическим, так и по эстетическим причинам), а демократическую идею равенства он трактовал как отказ от многоцветного разнообразия и сложности обществ, отличающихся устойчивой иерархией. Вместо героев и мучеников, считал Леонтьев и подчеркивал Франк, демократическое общество воспроизводит лишь средних граждан, самодовольных и скучных.

В Европе были мыслители, формулировавшие тезисы, аналогичные идеям Леонтьева. Однако они воочию видели, что такое либерализм и парламентаризм — Леонтьев же не имел такой возможности и делал выводы на основе анализа весьма скромных успехов либеральной системы периода реформ Александра II: судебная реформа, ослабление цензуры, реформа местного самоуправления и т.д. В ослаблении государственного контроля, пусть и частичном, философ видел начало будущего краха.

¹ Отметим, что в 1928 г., когда Франк писал эти слова, часть социалистического движения — европейская социал-демократия — определенно руководствовалась принципом свободы. Лишь для коммунистического крыла первоначально единого социалистического движения был характерен полный отказ от демократии.

В леонтьевской критике либерализма оказалось много несправедливого, но кризис либеральной системы он тем не менее предвидел. «В любом случае Леонтьев ясно осознавал упадок либеральной демократии и приход примитивного деспотизма, каким являются и фашизм и большевизм. В то время, когда все добрые, целомудренно-образованные европейцы были убеждены, что либерально-демократическо-гуманитарный общественный порядок неистребимо укоренился, обещая долгое мирное культурное развитие, он предчувствовал близкую “мировую катастрофу”, мировую войну и мировую революцию, которые приведут к “всемирной ассимиляции” и, глумясь, растопчут любой гуманистический либерализм» (Франк, 1996: 419).

Франк говорил о духовном одиночестве Леонтьева. Для западников его идеи были неприемлемыми, так как он отвергал их безоглядную веру в прогресс, в неминувшее торжество разума и гуманизма; славянофилы же считали Леонтьева своего рода «отступником», так как он не склонен был к характерной для них идеализации русского народа¹. Кроме того, надо добавить, что борьбу с идеями французской революции и с победоносным шествием мещанства Леонтьев считал намного более важной, чем солидарность царской империи с южными и западными славянами (См.: Леонтьев, 1885–1886: Т. 1: 76–77, 188–189, 266–267, 288; Леонтьев, 1935: 56–58, 61–63, 68–69; Леонтьев, 1992б: 245–258; Бердяев, 1926).

За бунт против важнейших постулатов, пожалуй, самых влиятельных в его эпоху идейных течений Леонтьев должен был заплатить высокую цену. Этой ценой была окружающая его духовная пустота, от которой он чрезвычайно страдал. Леонтьев постоянно жаловался, что его романы и публицистика не находят должного отклика в обществе. 8 мая 1891 г. он писал Василию Розанову: «Вы не первый открываете меня как Америку... Почему это так? Не знаю... По-моему, это объясняется <...> очень просто: мало обо мне писали другие» (Филиппов, 1962: 211–218; см. также Бердяев, 1926; Lukashovich, 1967; Бессчетнова, 2017: 42–43, 73, 79, 82).

Как писал Франк, критикой масс, предсказаниями о наступающей эпохе нигилизма Леонтьев предвосхитил многие идеи Ницше, а теорией о биологическом росте и падении культур на много десятилетий опередил Освальда Шпенглера (формулируя свою теорию, Леонтьев опирался, однако, в некоторой степени на Николая Данилевского).

¹ Николай Бердяев писал, что Леонтьев «дошел до отчаяния, увидев в России торжество ненавистного ему мирового уравнительного процесса, и им были сказаны жуткие слова, что России, быть может, предстоит единственная религиозная миссия — рождение из ее недр антихриста» (Бердяев, 1968: 183). См. на эту тему: Леонтьев, 1992; Бессчетнова, 2017: 131.

Но надо здесь подчеркнуть, что о том громадном успехе, который ожидал и Ницше, и Шпенглера в России, Леонтьев не мог и мечтать (Бессчетнова, 2017: 90). Он слишком рано распрощался с XIX столетием. Лишь кризис конца века создал почву для пессимистического взгляда на мир, которого придерживался Леонтьев. Популяризировали, однако, идеи, впервые сформулированные Леонтьевым, уже другие мыслители, которые не опережали «дух времени», а были лишь его выразителями.

Прогностическому дару, характерному для целого ряда русских писателей, посвящена также статья Франка о Николае Гоголе (Frank, 1934–1935: 251–259), которого Н. А. Бердяев назвал одним из самых загадочных русских писателей (Бердяев, 1967: 73).

В отличие от Леонтьева, который был свидетелем кризиса начавшейся в середине XIX в. позитивистской эпохи с ее верой во всемогущество разума, в науку и прогресс, Гоголь, который скончался в 1852 г., жил лишь на пороге этой эпохи. Но уже тогда Гоголь со свойственной ему интуицией понял, к каким катастрофическим последствиям может привести «гордыня разума»: «Во всем сомневается современный человек, только не в своем разуме», — парафразирует Франк слова Гоголя.

Но вернемся к Франку. Ответственность за катастрофу, предвиденную Леонтьевым, Гоголем, другими мыслителями и писателями, он возлагал далеко не только на нетерпеливых революционных фанатиков. Это было бы слишком односторонним объяснением, и Франк отверг его (хотя в стане белой эмиграции его многие принимали). Франк же возлагал вину как на «правых», так и на «левых», утверждая, что если последние стремились любой ценой уничтожить государственный строй, то первые не останавливались перед высокой ценой за сохранение такового порядка и в первую очередь были готовы к насилию. В работе «По ту сторону “правого“ и “левого“» (1931) говорилось: «Сохранение, наперекор жизни, во что бы то ни стало старого и стремление во что бы то ни стало переделать все заново сходны в том, что оба не считаются с органической непрерывностью развития, присущей всякой жизни, и потому вынуждены и хотят действовать принуждением, насильственно — все равно насильственной ли ломкой или насильственным „замораживанием“» (Франк, 1972: 44).

Подчеркивая сущностные особенности левого и правого радикализма, Франк, в свою очередь, предвосхищал более позднюю теорию тоталитаризма. А поскольку обе крайние силы в обществе рассчитывают на мобилизацию масс, постольку их сущностное родство подкрепляется не только готовностью «платить любой ценой», но и опорой на массы, подлежащие манипуляции: «“Правые” <...> становятся выразителями вождельний и интересов той

части низших классов, которая еще живет в идее традиционализма... “Правые” (или, по крайней мере, известная их группа) <...> мечтают о народном восстании и в этом смысле занимают позицию “крайних левых”. Несмотря на свою острую ненависть к “левым” в других отношениях, они иногда солидаризируются с теми “крайними левыми”, которые сами находятся в оппозиции и не удовлетворены господствующей в государстве левой властью, и эту связь выражают даже в своем имени (“национал-социалисты” в Германии)» (Там же: 51).

Самое ценное, по Франку, это обнаружить в правом (традиционалистском, консервативном) и в левом (революционном) лагерях силы, способные дистанцироваться от радикальных лозунгов и задуматься о свободе личности и социальном компромиссе во имя этой свободы. Так, демократически настроенные социалисты и либерально мыслящие консерваторы, несмотря на пропасть между их идеологиями, в результате формируют общую базу для по-настоящему свободного мышления — неприятие радикализма любого рода.

Увы, как раз в то время, когда Франк публиковал все это, консервативные элиты Германии все активнее склонялись к отмене Веймарской системы и установлению союза с нацистами (См. Heiden, 1936).

III

Приход нацистов к власти и начавшаяся в январе 1933 г. немецкая трагедия, которую Франк в Берлине наблюдал непосредственно, в большой степени напоминала события в России в 1917–1921 гг. «Двух революций слишком много для одной жизни», — писал Франк швейцарскому другу, психиатру Людвигу Бинсвангеру в январе 1935 г. (Бинсвангер, 1954: 29). Как и в большевистской России, жизнь Франка вновь оказалась в опасности не только из-за свободолобивых и антиавторитарных убеждений (в России его могли уничтожить как «буржуазного» мыслителя), но и вследствие еврейского происхождения. Нацистские власти не интересовало, что в 1912 г., в сознательном возрасте (35 лет) Франк принял христианство: он был евреем и подлежал геноциду вне зависимости от вероисповедания.

В апреле 1933 г. нацистское правительство узаконило «арийский параграф», обязательный в уставе любой организации или корпорации или для любого юридического документа. Так начался процесс лишения еврейского меньшинства гражданских прав, через неполный десяток лет завершившийся Холокостом. Расовая принадлежность была провозглашена основным критерием различия людей; таким образом нацистское руководство открыто и безоговорочно отвергло постулаты христианства, для которого, как из-

вестно, «нет ни эллина, ни иудея». Для сравнения приведем цифры: в 1933 г. в Германии 95% населения официально исповедовали христианство (Nehl, 1992: 155). Последствия беспрецедентного в истории расового разрыва с христианской верой стали предметом рассуждения Франка в статье «Религиозная трагедия иудаизма. От еврея-христианина» (1934), опубликованной не в «Хохланде», а в журнале Ф. Хайлера «Eine Heilige Kirche» («Святая церковь») (Frank, 1934). «Eine Heilige Kirche» начал выходить в 1934 г., а Хайлера, стоявшего на экуменических позициях, Франк называл своим другом (Цыганков, Оболевич, 2018). Высказанные в статье мысли делали существование Франка в Германии еще более трудным, если не грозили прямой опасностью.

Франк начал с анализа трагедии иудейско-христианских отношений: евреи не приняли Мессию, посланного Богом Израиля, народ Израиля проявил неверность своему Богу, а значит, самому себе, ведь Христос — наиболее полное выражение «еврейского религиозного духа». Тем самым Франк выступил против псевдохристианских идеологов, отделявших Ветхий Завет от Нового, объявлявших Христа неевреем (этот тезис отстаивал, в частности, британно-германский расист Х. С. Чемберлен. Его работу 1899 г. «Основы XIX в.» позже взяли на вооружение Гитлер, Гиммлер, Геббельс и другие нацисты). Согласно Франку, не только евреи отрицали Спасителя: это делали многие христиане, несущие свою долю ответственности за сохранение евреями прежней веры (Указ. соч.: 122). Кроме того, по мнению Франка, нежелание многих евреев креститься было вызвано боязнью обвинения в приоритете меркантильных соображений над религиозными: в Европе христианское вероисповедание предоставляло множество социальных привилегий. Однако в России после 1917 г. церковь перестала быть соотнесенной с государством и превратилась в «церковь мучеников».

И в Германии после введения «арийского параграфа» крещение перестало давать евреям какие-либо преимущества: «Еврей-христианин с этого момента продолжит разделять судьбу своего народа. Он может остаться верным своему народу, несмотря на свою христианскую веру. [В] более широкой перспективе <...> теперь основной разделительной линией в земных судьбах человеческих станут не различия между евреями и христианами, а отличие истинно верующих <...> от людей, для которых государство и этническая принадлежность являются абсолютными, все определяющими ценностями» (Там же: 133).

Но вернемся к публикациям Франка в журнале «Хохланд». Не менее смелой, чем статья «Религиозная трагедия иудаизма», была лекция о «Легенде о Великом инквизиторе» Достоевского (текст опубликован в «Хохланде» за 1933–1934 гг., то есть вскоре после прихода нацистов к власти) (Frank,

1933–1934: 56–63). Автор выступил против попытки превратить людей в стадо рабов, лишенных свободы и человеческого достоинства: «Содержащаяся в легенде критика направлена вообще против целей той утопии, которая неоднократно формулировалась в истории человечества <...> против намерения передать ответственность за судьбу общества в руки избранного мудрого слоя и достигнуть счастья человечества посредством деспотической власти над безответственной, воспитанной в рабском повиновении массой» (Франк, 1996: 368). «Принцип фюрерства» философу претил не меньше, чем «арийский параграф», и это шло вразрез с генеральной линией идеологии нового немецкого государства. Неслучайно агент гестапо, присутствовавший на лекции, заявил сыну философа: «Скажите Вашему отцу, чтобы он был осторожнее. Мы понимаем, что он действительно хотел сказать своим докладом» (Франк, 1976: 102).

Протест Франка был, конечно, направлен не только против правых, но и против левых диктатур. Франк, критикуя тоталитарные соблазны, всегда боролся на два фронта, опираясь на Достоевского, предугадавшего оба варианта тоталитарного искушения.

Так, один из персонажей «Бесов», Шигалев, создал социальную утопию, в которой безграничная свобода привела к неограниченному деспотизму. В романе «Преступление и наказание» Раскольников, верящий в «сверхчеловека», развивает, как в XX столетии фашисты, теорию «тварей дрожащих» и «право имеющих». Ясность, с которой Достоевский, живший во внешне стабильном XIX веке, предвидел катастрофические события двадцатого, в самом деле поразительна. Франк также очарован провидческим даром писателя.

Это нашло отражение, в частности, в вышеупомянутом трактате о Великом инквизиторе, а также в статье 1931 г. под названием «Достоевский и кризис гуманизма», опубликованной в журнале «Хохланд» (Frank, 1931). Франк писал: «Достоевский не знал ни марксизма, ни Ницше, но предвосхитил в своих произведениях оба эти течения» (Франк, 1996: 364). Философ подчеркивал, что «чудо свободы» — это та самая «глупая человеческая волюшка», о которой как о высшем абсолютном благе говорит «человек из подполья». Через это начало ведет единственный путь человека к Богу... Это есть поистине «узкий путь», со всех сторон окруженный безднами греха, безумия и зла». Революционный социализм, «по пророческому прозрению Достоевского, несовместим со свободной личностью и неминуемо ведет к тоталитарной деспотии и даже всеобщему порабощению» (Там же: 366, 368).

О разрушительных последствиях «тоталитарного деспотизма» пишет Франк в некрологе Максиму Горькому, опубликованном в журнале «Хохланд» в 1936 г. (Frank, 1936: 566–569). Горький, которого сталинские пропагандисты пре-

вратили в своего рода «икону» советской литературы, был по своей сути не социалистом, а скорее анархистом, подчеркивает Франк. На рубеже веков Горький явился проповедником ничем не ограниченного бунта против общепризнанных норм и господствующих нравственных понятий. Парадоксально, что надежды на осуществление анархического идеала писатель первоначально связывал с партией большевиков. Он проповедовал большевистские идеи, хотя сам в партию не вступал. После прихода большевиков к власти Горький в ужасе отвернулся от нового режима и непрерывно протестовал против его жестокой политики, продолжает Франк. Хотя ему и удалось спасти жизнь многих потенциальных жертв красного террора, на политический курс режима как таковой он повлиять не мог. Это привело к временному отчуждению между советским государством и писателем. Но, несмотря на отчуждение, в большевистском замысле, в стремлении уничтожить старый мир Горький не переставал видеть родственное начало. Кроме того, Горький не смог слишком долго оставаться в гордом одиночестве. В конце концов, произошло новое сближение между писателем и режимом. Начались головокружительные успехи Горького в стране, но за этот двусмысленный триумф ему пришлось дорого заплатить — изменой идеалам своей молодости, санкционированием жестокой и бессмысленной тирании Сталина, писал Франк. В духовной трагедии Горького отражаются, с точки зрения Франка, судьбы многих представителей русской интеллигенции. Стремление к свободе было у них, как и у Горького, неразрывно связано с ненавистью и бунтарством. Мечта об обновлении путем одного лишь отрицания потерпела крушение.

Разрушительным последствиям тоталитарной диктатуры посвящена также статья Франка «Советская молодежь и Пушкин», опубликованная в журнале «Хохланд» в 1935 г. Автор писал: «В Советском Союзе вся духовная жизнь подлежит государственному регламентированию. Все должны подчиняться “пролетарской идеологии”, суть которой определяет господствующая на данном этапе “генеральная линия” (партии). Каждое отклонение от нее считается политическим преступлением и жестоко наказывается» (Frank, 1935/1936: 473–476). Однако Франк уверен, что глубоко укорененное в русском человеке «стремление к правде и справедливости, к красоте и чистоте» не угасло в душе русской молодежи.

Этому стремлению Франк посвятил обширную рецензию на книгу историка русской церкви Игоря Смолича «Жизнь и учение старцев», опубликованную в журнале «Хохланд» в 1937 г. Это последний текст, опубликованный Франком в журнале.

Франка особенно интересовала судьба старчества в Советской России. Он писал, что хотя большевики и уничтожили большинство монастырей и ски-

тов, в которых проживали старцы, ходят слухи, будто те по-прежнему странствуют по России, утешая замученный народ. Франк считает, что если возрождение страны в обозримом будущем и произойдет, то только благодаря воздействию таких духовных наставников (Frank; 1937: 167–169).

IV

В конце 1937 г. сотрудничество Франка с журналом «Хохланд» прекратилось. После прихода нацистов к власти жизнь философа в Германии из-за «неарийского» происхождения и свободолюбивых взглядов становилась все менее выносимой. Сын философа, Виктор, писал: «В 1933 году, с приходом к власти национал-социалистов, С. Л. потерял всякую возможность регулярного заработка в Германии» (Франк В. С., 1954: 15). Вышеупомянутый швейцарский друг Франка, Людвиг Бинсвангер, добавлял: «Берлин был для него своего рода пустыней, в которой он жил отшельником» (Бинсвангер, 1954: 30).

Страна, которую философ считал второй родиной, которая ему в свое время предоставила убежище, превратилась для него в западню. Он мечтал о повторной эмиграции. 24 октября 1933 г. Франк писал Бердяеву: «[Если бы] нашелся хоть самый ничтожный заработок в Париже, я бы немедленно переехал» (Семен Франк и Николай Бердяев, 2018: 198).

Так как Бердяев не был в состоянии Франку помочь, тот смирился с судьбой. 25 января 1934 г. он писал Бердяеву: «Я ясно увидел перст Божий в невозможности для меня найти какую-либо точку опоры вне Германии — в моем возрасте и при моих силах терпеливое пребывание на месте, как бы ни трудно и тягостно оно было, все же лучше, чем новое переселение, одной техникой которого можно подорвать последние силы. Да при нынешнем состоянии мира трудно и решить, где лучше» (Там же: 201). Однако из-за постоянного ужесточения нацистского законодательства по отношению к евреям все попытки Франка приспособиться к новой действительности кончались ничем. Кроме того, им начало интересоваться гестапо (Франк В. С., 1954: 15; Кантор, 2013: 330). В результате Франк в конце 1937 г. был вынужден спешно уехать, «скорее даже [бежать] из Германии» (Кантор, 2013: 330), и переселиться во Францию (Voobuyer, 1995: 159–161).

После поражения Франции в июне 1940 г. и начала немецкой оккупации жизнь Франка вновь оказалась в чрезвычайной опасности. Он спасся в первую очередь благодаря жене, Татьяне Сергеевне. Она писала: «И вот опять неравная страшная борьба, в которую я должна вступить, страх за самое дорогое в жизни ... Все отдать, но только не потерять его, спасти, и спасла» (Кантор, 2012b: 336). В письме другу, немецкому философу Фридриху Хайлеру, от 25 января 1946 г. Франк описывал этот период следующим образом:

«[Вкратце] расскажу Вам о моей собственной судьбе. Военные годы я пережил на юге Франции с моей женой в постоянной опасности быть депортированным немцами, что на практике означало бы для меня, как “не арийца”, смерть» (Переписка С. Л. Франка, В. С. Франка, Ф. Хайлера, Дж. Белла и издательства Anton Pustet, 2018: 331).

Но чувства ненависти к стране, режим которой посягал на его жизнь, Франк не испытывал. В упомянутом уже письме Ф. Хайлеру можно прочитать следующие строки: «[Несмотря] на все ужасное, что произошло и что заставило весь мир презирать Германию, моя внутренняя связь с **настоящим** немецким духом не ослабла. Хотя я не могу рассматривать нынешние страдания немецкого народа в качестве чего-то иного, кроме как страшного и справедливого наказания Господня, моя основная позиция заключается в том, что это сознание должно быть делом самого немецкого народа, а мы, находящиеся снаружи, можем лишь сочувствовать. Я тоже воспринимаю это падение в демонизм со всеми его ужасными последствиями, — по причине своей внутренней связи с Германией, — как свою личную трагедию, так как Германия уже стала для меня моей второй родиной» (Там же: 332)¹.

Часть этой статьи переведена с немецкого Борисом Хавкиным

Литература

- Аляев Г. Е. (2017). Семен Франк. СПб: Наука.
- Бессчетнова Е. В. (2017). Владимир Соловьёв и Константин Леонтьев о бытии России: в предчувствии катастрофы. М. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Бердяев Н. А. (1967). Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж: ИМКА-Пресс. С. 71–106.
- Бердяев Н. А. (1926). Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж: ИМКА-Пресс.
- Бердяев Н. А. (1968). Миросозерцание Достоевского. Париж: ИМКА-Пресс.
- Бинсвангер Л. (1954). Воспоминания о Семене Людвиговиче Франке // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. С. 25–39.
- Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ (2005). М.: Русский путь.
- Гапоненков А. А. (2018). Семен Франк и Николай Бердяев. Неизвестные письма 1933–1934 гг. Под ред. А.А. Гапоненкова // Философические письма. Русско-европейский диалог. Т. 1. № 2. С. 198–205.

¹ В дневниковой записи от 16 октября 1944 г. Франк пишет на эту же тему: «[Как] мог немецкий народ, который по своему существу не хуже всякого иного народа, в том числе и моего, т.е. нас — впасть в такое наваждение? В чем тут повинны — действиями или упущениями — мы сами? И что мы должны теперь делать, чтобы исправить эту нашу вину? Только при такой установке возможно подлинно успешное и плодотворное устранение чужого зла и исправление мира» (Аляев, 2017: 241).

- Зеньковский В.В.* (1950). История русской философии. Т. 2. Париж: ИМКА-Пресс.
- Зеньковский В. В.* (ред.) (1954). Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен.
- Кантор В. К.* (2012а). Принцип «христианского реализма», или Против утопического своеволия («Свет во тьме» — духовное завещание С. Л. Франка) // Семен Людвигович Франк. Под ред. В. Н. Поруса. М.: РОССПЭН. С. 287–314.
- Кантор В. К.* (2012б). Русская революция, или Вера в кумиры (Размышления над книгой С. Л. Франка «Крушение кумиров») // Семен Людвигович Франк. Под ред. В. Н. Поруса. М.: РОССПЭН. С. 316–339.
- Кантор В. К.* (2012в) Хранитель высших смыслов // Федор Августович Степун. Сост. В. Кантор. М.: РОССПЭН.
- Кантор В. К.* (2013). Русская философия в Германии: проблема восприятия (письма Степуна Семену Франку и Татьяне Франк) // Федор Степун. Письма. Под ред. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН. С. 325–375.
- Ленин В. И.* (1999). Неизвестные документы 1891–1922. М.: РОССПЭН.
- Леонтьев К. Н.* (1885–1886). Восток, Россия и Славянство. Сборник статей. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Кушнерова и Ко.
- Леонтьев К. Н.* (1935). Моя литературная судьба. Автобиография. М.: Б/и.
- Леонтьев К. Н.* (1992а). Избранные статьи. М.: Молодая гвардия.
- Леонтьев К. Н.* (1992б). Кто правее? Письма Владимиру Соловьеву // Новый журнал. № 188. С. 245–258.
- Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. (2010). М.: Русский путь.
- Люкс Л. М.* (2018а). Деятельность Федора Степуна в немецкой эмиграции на примере его статей в журнале «Хохланд» // Социологическое обозрение. № 2. 2018. С. 284–298.
- Люкс Л. М.* (2018б). С. Л. Франк о русской революции и о европейском кризисе XX столетия // Человек. № 3. 2018. С. 68–82.
- Мотрошилова Н. В.* (2012). Третья часть трилогии С. Л. Франка «Духовные основы общества», ее исторические предпосылки и главные идеи // Семен Людвигович Франк. Под ред. В. Н. Поруса. М.: РОССПЭН. С. 264–286.
- Переписка С. Л. Франка, В. С. Франка, Ф. Хайлера, Дж. Белла и издательства Anton Pustet 1934–1938, 1946 гг. (2018) // Историко-философский ежегодник. Т. 33. С. 314–336.
- Порус В. Н.* (ред.) (2012а). Семен Людвигович Франк. М.: РОССПЭН.
- Порус В. Н.* (2012б). Философское творчество С. Л. Франка как тема современных исследований / Семен Людвигович Франк. М.: РОССПЭН. С. 5–15.
- Степун Ф. А.* (2013). Письма. Под ред. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН.
- Степун Ф. А.* (2000). Сочинения. Под ред. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН.
- Струве П.* (1967). Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж: ИМКА-Пресс. С. 289–306.
- Франк В. С.* (1954). Семен Людвигович Франк // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен. С.1-16.

- Франк С.Л. (1976). Легенда о Великом инквизиторе // Вестник РХД. №117. С.102-111.
- Франк С. Л. (1972) По ту сторону правого и левого. Сборник статей. Париж: ИМКА-Пресс.
- Франк С. Л. (1996). Русское мировоззрение. Санкт-Петербург: Наука.
- Франк С. Л. (1990). Сочинения. М.: Изд. «Правда».
- Цыганков А. С., Оболевич Т. (2018). «Германия уже стала для меня моей второй родиной»: жизненный и творческий путь С. Л. Франка в переписке с Ф. Хайлером et circum // Историко-философский ежегодник. С. 293–313.
- Фудель С. И. (2001–2005). Собрание сочинений в трех томах. М.: Русский путь.
- Boobbyer Ph. (1995). The Life and Work of a Russian Philosopher, 1877–1950. Athens, Ohio University Press.
- Briefwechsel zwischen Simon L. Frank und Ludwig Binswanger — 1934–1950 (2013–2015) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte 2/2013, 1-2/2014, 1/2015.
- Einführung der Herausgeber (2000). Frank S. Werke in acht Bänden. Hrsg. von Schulz P., Ehlen P., Lobkowicz N., Luks L. Freiburg/München.: Verlag Karl Alber.
- Ehlen P. (2009). Russische Religionsphilosophie im 20. Jahrhundert. Simon L. Frank. Das Gottähnliche im Menschen. Freiburg/München: Karl Alber Verlag.
- Fitzpatrick Sh. (1985). The Russian Revolution 1917–1932. Oxford: Oxford University Press.
- Frank S. (1928/29). Konstantin Leont'ev — ein russischer Nietzsche // Hochland 1928/29. S. 613–632.
- Frank S. (1931). Die Krise des Humanismus. Eine Betrachtung aus der Sicht Dostoevskijs // Hochland 1931. S. 289–296.
- Frank S. (1933/34). Die Legende vom Großinquisitor // Hochland 1933/34. S. 56–63.
- Frank S. (1934). Die religiöse Tragödie des Judentums // Eine heilige Kirche April-Juni 1934. S. 128–133.
- Frank S. (1934/35). Nikolaj Gogol als religiöser Denker // Hochland 1934/1935. S. 251–59.
- Frank S. (1935/36). Die sowjetischen Jugend und Puschkin // Hochland 1935/36. S. 473–476.
- Frank S. (1936). Maxim Gorki // Hochland 1936. S. 566–569.
- Frank S. (1937). Leben und Lehre der Starzen // Hochland 1937. S. 167–169.
- Hehl U. v. (1992) Die Kirchen in der NS-Diktatur / Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-Adolf, Hrsg. Deutschland 1933–1945 Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Düsseldorf: Droste Verlag. S. 153–181.
- Hofmannstahl H. von (1955). Gesammelte Werke. Prosa. Band 4. Frankfurt/Main. S. Fischer.
- Heiden K. (1936). Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit: eine Biographie. Zürich: Europa Verlag.
- Hufen Ch. (2001). Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884–1945. Berlin: Lukas Verlag.
- Lukashevich S. (1967). Konstantin Leontev (1831–1891). A Study in Russian „Heroc Vitalism“. New York: Pageant Press.
- Luks L. (2007). Semen L. Franks Totalitarismustheorie // Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. Köln: Böhlau Verlag. S. 103–109.

- Rimscha H. von* (1927). *Russland jenseits der Grenzen. Ein Beitrag zur russischen Geistesgeschichte 1921–1926.* Jena: Fromann.
- Schelting A. von* (1989). *Russland und der Westen im russischen Geschichtsdenken des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 43, 1989.
- Solywoda S.* (2008). *The Life and Work of Semen L. Frank. A Study of Russian religious philosophy.* Stuttgart: ibidem.
- Stepun F.* (2004) *Formen deutscher Sowjetophilie // Demokratie als Projekt. Schriften im Exil.* hrsg. v. Ch. Hufen. Berlin: Basis Verlag.

References

- Alyayev G. E.* (2017). *Semen Frank.* SPb: Nauka.
- Bubbajer F.* (2001). *S. L. Frank. Zhizn' i tvorchestvo russkogo filosofa. 1877–1950.* M.: ROSSPEN.
- Besschetnova E. V.* (2017). *Vladimir Solov'yov i Konstantin Leont'ev o bytii Rossii: v predchuvstvii katastrofy.* M. — SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ.
- Berdyayev N. A.* (1967). *Duhi russkoj revolyucii // Iz glubiny. Sbornik statej o russkoj revolyucii.* Parizh: IMKA-Press. S. 71–106.
- Berdyayev N. A.* (1926). *Konstantin Leont'ev. Ocherk iz istorii russkoj religioznoj mysli.* Parizh: IMKA-Press.
- Berdyayev N. A.* (1968). *Mirosozercanie Dostoevskogo.* Parizh: IMKA-Press.
- Binsvanger L.* (1954). *Vospominaniya o Semene Lyudvigoviche Franke // Sbornik pamyati Semena Lyudvigovicha Franka.* S. 25–39.
- Cygankov A. S., Obolevich T.* (2018). «Germaniya uzhe stala dlya menya moej vtoroj rodinoj»: zhiznennyj i tvorcheskij put' S. L. Franka v perepiske s F. Hajlerom et circum // *Istoriko-filosofskij ezhegodnik.* S. 293–313.
- Frank S. L.* (1976). *Legenda o Velikom Inkvizitore // Vestnik RHD.* № 117. S. 102–111.
- Frank S. L.* (1972) *Po tu storonu pravogo i levogo.* Sbornik statej. Parizh: IMKA-Press.
- Frank S. L.* (1996). *Russkoe mirovozzrenie.* Sankt-Peterburg: Nauka.
- Frank S. L.* (1990). *Sochineniya.* M.: Izd. «Pravda».
- Frank V. S.* (1954). *Semen Lyudvigovich Frank // Sbornik pamyati Semena Lyudvigovicha Franka.* Myunhen. S. 1–16.
- Fudel' S. I.* (2001–2005). *Sobranie sochinenij v trekh tomah.* M.: Russkij put'.
- Gaponenkov A. A.* (2018). *Semen Frank i Nikolaj Berdyayev. Neizvestnye pis'ma 1933–1934 gg.* Pod red. A.A. Gaponenkova // *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropejskij dialog.* T. 1. № 2. S. 198–205.
- Kantor V. K.* (2012a). *Princip «hristianskogo realizma», ili Protiv utopicheskogo svoevoliya («Svet vo t'me» — duhovnoe zaveshchanie S. L. Franka) // Semen Lyudvigovich Frank.* Pod red. V. N. Porusa. M.: ROSSPEN. S. 287–314.
- Kantor V. K.* (2012b). *Russkaya revolyuciya ili Vera v kumiry (Razmyshleniya nad knigoy S. L. Franka «Krushenie kumirov»)* // *Semen Lyudvigovich Frank.* Pod red. V. N. Porusa. M.: ROSSPEN. S. 316–339.

- Kantor V. K.* (2012v) *Hranitel' vysshih smyslov* // Fedor Avgustovich Stepun. Sost. V. Kantor. M.: ROSSPEN.
- Kantor V. K.* (2013). *Russkaya filosofiya v Germanii: problema vospriyatiya (pis'ma Stepuna Semenu Franku i Tat'yane Frank)* // Fedor Stepun. Pis'ma. Pod red. V. K. Kantora. M.: ROSSPEN. S. 325–375.
- Lenin V. I.* (1999). *Neizvestnye dokumenty 1891–1922*. M.: ROSSPEN.
- Leont'ev K. N.* (1885–1886). *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo*. Sbornik statej. Sankt-Peterburg: Tipografiya I.N. Kushnerova i Ko.
- Leont'ev K. N.* (1935). *Moya literaturnaya sud'ba*. Avtobiografiya. M.: B/i.
- Leont'ev K. N.* (1992a). *Izbrannye stat'i*. M.: Molodaya gvardiya.
- Leont'ev K. N.* (1992b). *Kto pravee? Pis'ma Vladimiru Solov'evu* // *Novyj zhurnal*. № 188. S. 245–258.
- Ostrakizm po-bol'shevistski. Presledovaniya politicheskikh opponentov v 1921–1924 gg.* (2010). M.: Russkij put'.
- Lyuks L. M.* (2018a). *Deyatel'nost' Fedora Stepuna v nemeckoj emigracii na primere ego statej v zhurnale «Hohland»* // *Sociologicheskoe obozrenie*. № 2. 2018. S. 284–298.
- Lyuks L. M.* (2018b) *S. L. Frank o rusckoj revolyucii i o evropejskom krizise HKH stoletiya* // *CHelovek*. № 3. 2018. S.68–82.
- Motroshilova N. V.* (2012). *Tret'ya chast' trilogii S. L. Franka «Duhovnye osnovy obshchestva», ee istoricheskie predposylki i glavnye idei* // *Semen Lyudvigovich Frank*. Pod red. V. N. Porusa. M.: ROSSPEN. S. 264–286.
- Perepiska S. L. Franka, V. S. Franka, F. Hajlera, Dzh. Bella i izdatel'stva Anton Pustet 1934–1938, 1946 gg.* (2018) // *Istoriko-filosofskij ezhegodnik*. T. 33. S. 314–336.
- Porus V. N.* (red.) (2012a). *Semen Lyudvigovich Frank*. M.: ROSSPEN.
- Porus V. N.* (2012b). *Filosofskoe tvorchestvo S. L. Franka kak tema sovremennyh issledovanij* // *Semen Lyudvigovich Frank*. M.: ROSSPEN. S. 5–15.
- Stepun F. A.* (2013). *Pis'ma*. Pod red. V. K. Kantora. M.: ROSSPEN.
- Stepun F. A.* (2000). *Sochineniya*. Pod red. V. K. Kantora. M.: ROSSPEN.
- Struve P.* (1967). *Istoricheskij smysl rusckoj revolyucii i nacional'nye zadachi* // *Iz glubiny*. Sbornik statej o rusckoj revolyucii. Parizh: IMKA-Press. S. 289–306.
- Vysylka vmesto rasstrelya. Deportaciya intelligencii v dokumentah VCHK-GPU* (2005). M.: Russkij put'.
- Zen'kovskij V. V.* (1950). *Istoriya rusckoj filosofii*. T. 2. Parizh: IMKA-Press.
- Zen'kovskij V. V.* (red.) (1954). *Sbornik pamyati Semena Lyudvigovicha Franka*. Myunhen.

1917–1923: СВЯТОЙ ПРЕСТОЛ В СИТУАЦИИ ПАДЕНИЯ ИМПЕРИЙ И УСТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Лаура Петтинароли

Ассоциированный профессор
Парижского католического института, Франция.

E-mail: l.pettinaroli@icp.fr

1917-1923: THE HOLY SEE FACING THE FALL OF THE EMPIRES AND THE RAISING OF A NEW WORLD ORDER

Laura Pettinaroli

Associate Professor, Institut catholique de Paris, France.

E-mail: l.pettinaroli@icp.fr

Поражение Австро-Венгрии и Германии в ноябре 1918 г. не только положило конец Первой мировой войне, но и обозначило крах старого политического порядка как внутри стран, так и на международной арене. В данной статье этот важный поворотный момент освещен под неожиданным углом: основное внимание уделяется неожиданному участнику системы международных отношений — Святому Престолу. Как этот проверенный защитник власти реагировал на политические изменения внутри разных стран? Как опытный актер международной сцены вписался в обстановку «новой дипломатии», воплощенной в личности Вильсона? Опираясь на архивы Ватикана, особенно Конгрегации по чрезвычайным церковным вопросам, а также на печатные источники, автор показывает, что Святой Престол сразу после войны принял прагматическую политику в отношении новых государств, стремясь установить двусторонние отношения. Святой Престол также продолжал осуществлять стратегию, начатую во время войны, реализуя многосторонние действия через дипломатическую сеть, сотрудничая с неправительственными организациями в гуманитарной деятельности... Однако положение Святого Престола оставалось неоднозначным: исключенный из мирных конференций и открыто критикующий новый мировой порядок, он по-прежнему сосредоточивался на собственном проекте христианизации послевоенных национальных и международных обществ.

The defeat of Austria-Hungary and Germany in November 1918 not only put an end to the First World War but also meant the collapse of the old political order on both domestic and international arenas. To question this important turn-

ing point, this article focuses on an atypical actor of the international system — the Holy See. How did this proven defender of the authority react to the political internal changes in various countries? How did this experienced actor of the international scene fit into the setting of a “new diplomacy” incarnated in Mr. Wilson? Based on the Vatican Archives, the Sacred Congregation for the Extraordinary Ecclesiastical Affairs in particular, and on printed sources, the article demonstrates that, far from the backward-looking perspective, immediately after the War, the Holy See adopted a pragmatic policy towards the new States, seeking to establish bilateral relations. The Holy See also continued to pursue the strategy adopted during the War, performing multilateral actions through its diplomatic network, collaborating with non-governmental organisations on humanitarian action... The position of the Holy See, however, remained ambiguous: being excluded from peace conferences and openly critical of the new world order, it remained concentrated on its own project of re-Christianisation of the post-war national and international societies.

Ключевые слова: Святой престол, Первая мировая война, мирные договоры, новая дипломатия, гуманитарная деятельность.

Keywords: the Holy See, World War I, Peace treaties, New diplomacy, Humanitarian action.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-102-115

The defeat of Austria-Hungary and Germany in November 1918 officially marked the end of the First World War, while also meaning the collapse of the old political order. From an internal point of view, the values of monarchy, imperial ideology and social multi-ethnicity were ruined in the single States of Europe and of the Middle East. And, from an international point of view, the previous interstate system — the so-called “concert européen”, with its international conferences and balance of power, yet vitiated by secret and offensive treaties — was not governing international relations anymore. To question this important turning point, I will select a broad chronological frame, from the fall of the Russian Empire in 1917 to the end of the so-called “peace treaties period” in 1923 (The Treaty of Lausanne), and focus on an atypical actor of the international system: the Holy See. Even though it dates back to the medieval period, and its states were restored by the Congress of Vienna in 1815, the Holy See is not a mere shadow of the past. Acting less and less as a state¹ and more and more as a spiritual power², after the

¹ Jankowiak, 2007.

² On the new role of the Holy See in the international relations since the pontificate of Leo XIII, see Ticchi, 2002: 239–262.

loss of the Papal States and the temporal power in 1870, the Holy See nonetheless continues to cultivate diplomatic relations with the fourteen States on the eve of the World War¹ and, during that War, often intervenes with intrusive actions, ensuring humanitarian aid for the civilians and prisoners of war, organising prayers for peace or encouraging a peace-building process².

To study how the Holy See perceived the fall of the Empires, I will examine internal political changes in various countries before moving on to research the new international order.

1. Pragmatism and bilateralism: the Holy See facing new political regimes

In this part, I will question the emergence of new States, most of them of republican nature and with new frontiers. Facing these great changes, does the Holy See keep focused on the past, staying loyal to the ruling dynasties and the monarchical regimes?

1.1. Encountering new States: a surprising openness?

Fairly quickly did the Holy See accept the contacts with the new States that had emerged on the ruins of the empires. The first cases are obviously related to the Russian Empire. In December 1917, the recognition of independent Finland is justified, in a reunion of cardinals, by the consensus of the various States on this issue³. In Poland, an “apostolic visitor” was appointed in April 1918: Mgr Achille Ratti (the future pope Pius XI)⁴. In doing so, the Holy See recognizes *de facto* the Polish State, which will be only proclaimed in November. However, Ratti would be officially appointed as a Nuncio in June 1919, that is at the end of the Versailles process⁵. More generally, the Holy See pursues two policies in this period: openness to the self-determination process⁶ and respect of the decisions of the peace conferences, the authority of which is fully recognised, especially regarding the

¹ In 1914, fourteen States have a representative in Rome and the Holy See has twelve diplomatic representations abroad (nuncios or internuncios): *Annuario Pontificio*, 1914, pp. 552–555.

² Latour, 1996; Pollard, 2000; Renoton-Beine, 2004; Melloni-Cavagnini-Grossi, 2017. The great progresses made in the study of the peace initiatives of the Holy See must not lead us to forget the interventions of the Vatican diplomacy to defend the specific interests of the Church, even opposing to certain States, as Imperial Russia in the case of Constantinople: Morozzo della Rocca, 1993. On the feigned neutrality of the Holy See and its “germanophilia”, see Lacroix-Riz, 1995.

³ S.RR.SS., AA.EE.SS., *Rapporti delle Sessioni*, N°1216, 1918, proceedings of the reunion of the cardinals, 08.04.1918, 2. *Lituania — Riconoscimento della Lituania*.

⁴ S.RR.SS., AA.EE.SS., *Rapporti delle Sessioni*, N°1215, 1918, proceedings of the reunion of the cardinals, 03 or 04.04.1918, p. 18.

⁵ Pease, 2009: 1–29; Morozzo della Rocca, 1996.

⁶ The letter — preceding the Armistice — of Benedict XV to cardinal Kakowski clearly states the position of the Holy See, that is a support to self-determination for the “nationalities (...) formerly subjected to the Russian Empire” 15.10.1918, in *La Civiltà cattolica*, 07.12.1918 (69-4-1643), pp. 430–431, translated from Italian.

Baltic States and Ukraine¹. One may think that this attitude towards the collapse of the tsarist empire could be explained by the tensions between the Catholic Church and the Orthodox Empire: this is true to a certain extent, as cardinal Gasparri, at a reunion of cardinals on the 15th of July 1917, defined the “Russian revolution” as “providential”².

However, the Holy See also implements this policy of openness to the nationalities on the ruins of the Austro-Hungarian Empire, which the Vatican had close ties with³. The most significant source is the letter of Benedict XV to Gasparri dated November, 8th 1918, after the Armistice of Villa Giusti between Italy and Austria (November, 3rd), in which the Pope writes that the Holy See “admits without difficulty the legitimate political and territorial changes”⁴.

This attitude is not really surprising because, since the end of the 19th century, the popes had been underlining that the Church was a “perfect society” (*societas perfecta*) which could go along with any kind of political regime, if the latter preserved the “divine rights” of the Church (performing Liturgy, teaching its doctrine...). In addition, we may recall an increasing recognition of the “national idea” under Benedict XV, which was the development of the national genius even within a new and independent political frame⁵. His famous motto “Nations do not die” dated July 28th, 1915⁶ and the “aspirations of peoples” in the “peace note” of August 1917 were clearly mentioned as an important basis for the future peace⁷.

The major consequence of this openness was fast creation of an extensive diplomatic network in Europe⁸, which allowed the Holy See to strengthen more specific relations with lands which were previously mostly approached through Vienna. For example, we can note the popular Hungarian enthusiasm when nuncio Schioppa arrived in Budapest in 1920⁹.

¹ Pettinaroli, 2015: 271-273.

² S.RR.SS., AA.EE.SS., *Rapporti delle Sessioni*, N°1207, 1917, proceedings of the reunion of the cardinals, 15.07.1917, pp. 9–10.

³ Engel-Janosi, 1958–1960.

⁴ Letter *Dopo gli ultimi*, Benedict XV to Gasparri, 08.11.1918, in *Actes de S.S. Benoît XV*, tome I, p. 204 (translated from French).

⁵ Cf. Alix, 1962: this pioneer book underlines the pragmatism of the Holy See but also the priority given to the interests of the Church in front of the various forms of nationalism.

⁶ https://w2.vatican.va/content/benedict-xv/en/apost_exhortations/documents/hf_ben-xv_exh_19150728_fummo-chiamati.html (26.07.2019).

⁷ *Acta Apostolicae Sedis*, IX (1917), pp. 417–420. <http://www.pas.va/content/accademia/en/magisterium/benedictxv/1august1917.pdf> (26.07.2019).

⁸ Between 1919 and 1933, nine States of Central Europe opened official diplomatic relations with the Holy See (Poland, Czechoslovakia, Rumania, Germany, Reign of the Serbs, Croats and Slovenes, Hungary, Latvia, Lithuania, Estonia), the first six in 1919–1920. See de Marchi, 1957.

⁹ Érszegi 2016: 103–105.

1.2. *The monarchical deal: care for the crowned heads
and recovery of dethroned sacredness*

Regarding relationships of the Holy See with the political regimes themselves, many historians have pointed out the solidarity between Pope Giacomo Della Chiesa (himself from a noble Italian family) and the crowned heads, in particular with Charles I who was a sincere Catholic (and was beatified in 2004)¹. The help provided to the family of Charles and Zita after November 1918 is renowned, and I will rather recall the diplomatic mission led by Mgr Pacelli (at that time nuncio in Bavaria) for the family of the Russian tsar (also canonised — by the Orthodox Church — in 2000). In August 1918, as it was not clear yet who exactly had been shot, the Vatican Secretary of State intervened to encourage the release and extradition of the women of the imperial family — the wife of the tsar and their four daughters². For the Hohenzollern, let us recall that the *Civiltà cattolica* (the journal of the Roman Jesuits which was biased to the position of the Secretary of State) criticized the idea to judge Wilhelm II, because the Entente would be both the judge and the jury³.

In fact, within the international action of the Holy See, these interventions for the crowned heads were anecdotes. More important was the strong moral support offered to the bishops of the defeated countries in 1919 and 1920⁴ and, interestingly, its reinvestments of the dethroned royal sacredness. Historian Rupert Klieber has shown the effort to capture the “legitimist” affection in the Austrian lands and to transfer them to the Sovereign Pontiff⁵. The Pope coronation ceremony, which took place during the reign pontificate Pius XI, on February, 12th, was observed with great devotion in Austria since its first edition in 1924. More generally, we can point out that Pius XI strongly insists on the spiritualisation of the monarchical principle, with his motto “Pax Christi in Regno Christi” and the emphasis on the feast of Christ-the-King (encyclical *Quas Primas*, 1925⁶).

However, the Papacy did not only lament the situation of the crowned heads and of the defeated countries, it developed pragmatic efforts to fit into the new map of Europe.

¹ Rumi, 1990; Gottsmann, 2007.

² S.RR.SS., AA.EE.SS., III, Russia, pos. 983, fasc. 348, f. 67: telegram of Gasparri to Valfrè di Bonzo, 11.08.1918, N°189 and f. 68: telegram of Gasparri to Pacelli, 11.08.1918, N°190. See also ASV, *Arch. Nunz. Berlino*, b. 29, fasc. 3, f. 6: ciphred telegram of Gasparri to Pacelli, 09.08.1918, N°124. For more details, see Pettinaroli, 2015: 281–282.

³ *La rivoluzione sociale e suoi prodromi negli ultimi trattati di pace*, in *La Civiltà cattolica*, anno 70, 1919, vol. III, quad. 1661 and 1662, 06 and 20.09.1919, pp. 337–352. On this issue, see Fattorini, 1992: 167–168.

⁴ For example: the letter *Diuturni luctuosissimque* to the German bishops of July 15th, 1919 (*Actes de Benoît XV. Tome II, 1919 — Septembre 1920*, Paris, Maison de la Bonne Presse, 1926, pp. 56–59); the letter to card. Csernoch of September 11th, 1919 (*Ibid.*, pp. 60–62); the letter to cardinal Piffl, archbishop of Vienna and to the bishops of Austria of November 26th, 1920 (*Actes de Benoît XV (1914–1922). T. III (octobre 1920–1921)*, Paris, Bonne Presse, 1927, pp. 30–31).

⁵ Klieber, 2013: 699 sq.

⁶ *Actes de S.S. Pie XI, tome III (années 1925–1926)*, Paris, Maison de la Bonne Presse, 1932, pp. 63–93. See also Bouthillon, 1996.

1.3. *The new map of Europe: a long process of adjustment*

The map of Europe changed drastically after the War. Some changes offered great opportunities to the Catholic Church. In Poland, for example, the Holy See quickly nominated bishops for the vacant dioceses, as these vacancies were often due to tensions with the Russian Government, as in Lublin, Kamenec or Vilna¹.

However, other changes were more problematic and provoked diplomatic interventions of the Holy See. The seizure of the German colonies at Versailles worried the Holy See, which meant to preserve the missionary work: an emissary was sent to the Peace Conference — Mons Cerretti achieved certain success². Let us also mention the Palestine question here: after happiness caused by the “liberation” of Jerusalem in 1917, the setting of the British mandate and of the Jewish national home raised great fears in Rome and Popes Benedict XV and Pius XI frequently spoke for the rights of the Christians in their public speeches between 1919 and 1923³.

In addition to these interventions of a clear religious origin, the Holy See also used political and humanitarian reasons to intervene. In January 1921, Benedict XV wrote a letter in which he pointed out that new Austria — a fruit of the peace treaty of Saint-Germain with a population of 6 million inhabitants, one third of which lived in the city of Vienna — could not provide for itself; the Pope urged the “governments (...) especially those that append their signature to the peace treaty” to find “a practical solution to this problem”, defined as a “unique and awful situation”⁴. Let us also mention the case of Montenegro which was integrated in the new Reign of the Serbs, Croats and Slovenes: in August 1921, with crude details, the *Civiltà cattolica* sharply denounced the atrocity committed against the civilians by the Serbian Army and the abandonment of the “little oppressed nations” by the Entente⁵.

Particularly, the new map of Europe and of the Middle East obliged the Holy See to face the ecclesiastical consequences of the collapse of the empires and to fill in the gaps between the frontiers of the dioceses and those of the new States. This complicated work took years to be accomplished and lots of negotiations with the new States. Besides, the 1920s and 1930s were also a period of high tensions between nationalities inside the Catholic Church itself: Rome being the superior

¹ *Acta Apostolicae Sedis*, 1918 (10), pp. 451–452.

² De Marco, 1990; Croce, 1997.

³ Mayeres-Rebernik, 2015: 137–191.

⁴ Letter of Benedict XV to Gasparri, “La singolare”, January 24th, 1921, in *Actes de Benoît XV (1914–1922). T. III (octobre 1920–1921)*, Paris, Bonne Presse, 1927, pp. 62–63, translated from French.

⁵ *Il grido di dolore delle piccole nazionalità oppresse*, in *La Civiltà cattolica*, anno 72, 1921, volume III, quad. 1707, 06.08.1921, pp. 245–248.

authority, the Vatican archives preserved lots of materials on these issues. The case of the archdiocese of Esztergom, in the north-east of Budapest, is a good example of these tensions. After the peace treaties, the See remained in Hungary, but the most important part of the diocese was in Czechoslovakia. At first, the Hungarian cardinal Csernoch nominated a general vicar for the “Czechoslovak” part of his diocese, giving him very little powers. Then, in 1921, for this part of his diocese, Csernoch had the project to nominate two apostolic administrators with more power, one for the Hungarians and one for the Slovaks. But Rome did not agree to this linguistic and national division of the Church, which should have traditionally been territory-wise: in 1922, the Holy See transformed the general vicariate in Trnava into an apostolic administration and, in 1925, entrusted a bishop, Pavol Jantusch, with it. This situation remained stable until 1939¹.

1.4. *With the new States: the “concordat” way of negotiating*

To resolve these dedicated problems, the Holy See adopted the same strategy in most of the countries of the Central Europe, starting negotiations for concordats — bilateral agreements systemizing the whole State and Church relations in each country². However, the situation was not *tabula rasa*. Almost all “successor” states of Austria-Hungary tried to preserve the concessions the Holy See had granted to the Empire (Concordat of 1855), in particular the “right of patronage”, which was the right conceded by Rome to the King to present the candidates to the ecclesiastical benefices, like the episcopate³. To solve the problem, Benedict XV affirmed in his speech to the cardinals on November 21, 1921 that the former concordats had been definitively worthless, and that the new states had to negotiate new ones⁴. During the interwar period, almost all new states of the Central Europe opened concordat negotiations with the Holy See, sometimes encountering great difficulties⁵, but with a global success: eleven concordats or *modus vivendi* were signed between 1922 and 1935⁶.

Thus, the Holy See pragmatically adapted to the new political situation and to the new map of Europe, trying to defend the interests of the Catholic Church, sometimes on humanitarian grounds. Its answer to the increasing number of States was the development of bilateral diplomatic relations and the conclusion of concordats

¹ We here follow the analysis of Hrabovec, 2013.

² Minnerath, 2012: 61–71.

³ Zanotti, 1986: 153–156.

⁴ *Actes de Benoît XV (1914–1922). T. III (octobre 1920–1921)*, Paris, Bonne Presse, 1927, pp. 105–109, especially pp. 105–106.

⁵ Salmič, 2015.

⁶ Latvia 30.05.1922; Bavaria 29.03.1924; Poland 10.02.1925; Rumania 10.05.1927; Lithuania 27.09.1927; Czechoslovakia (*modus vivendi*) 17.09.1927/02.02.1928; Prussia 14.04.1929; Bade 12.10.1932; Austria 05.06.1933; German Reich 20.07.1933; Yugoslavia 25.07.1935. See Mercati, 1954.

in a clearly forward-looking perspective. However, to face some bigger issues, the Holy See did not restrict itself to a bilateral prospective but also got involved in multilateral activities.

2. The collapse of the Empires and the “new diplomacy”: the incomplete adaptation of the Holy See to the new multilateral order

In the second part, I will describe how the Holy See adapted to the new international system, increasingly marked by multilateral dynamics. The Holy See which, since the pontificate of Leo XIII, had integrated the ideas of arbitrage and disarmament¹, seemed very close to the Wilsonian principles. During this period, however, it remained in an ambivalent position: on the one hand, as an outsider of the peace conferences, the Holy See sharply criticizes the new world order; on the other hand, it got involved in humanitarian action, pioneering the multilateral governance of world affairs.

2.1. Affinity with the Wilsonian “New diplomacy” and support to the multilateral peace-building process

The peace ideal promoted by Benedict XV in his famous peace note of August 1917 is close to Wilson’s (disarmament, commercial liberty, recognition of the people’s will of self-determination...)². Besides, the Catholic propaganda frequently underlines the fact that the peace note was published six months before the “fourteen points” presented by President Wilson in January 1918³.

In this context, historians note a brief “Wilsonian wave” in the history of the Papacy: already begun during the World War, it reached its peak at the turn of 1918–1919 (in January 1919, Wilson even paid a visit to the Pope) and collapsed rapidly during the Peace Conference in Paris⁴. At the reunion in Rome on November 3rd 1918, Cardinal Vincenzo Vannutelli sets high hopes for the “creation of new systems” (a league of nations, arbitration, the end of militarism...) which would be “the very principles proclaimed by the Holy Father”⁵. In line with this perspective, the Holy See always supports the multilateral peace-building process in its official statements. On December 1st, 1918, Benedict XV calls to pray for the

¹ Ticchi, 2002.

² See Ticchi, 2002: 368–374, see also Canavero, 2017, Houlihan, 2017, Cavagnini, 2017, Boniface, 2017.

³ For example, following the journal of the Roman Jesuits, the ideas of Wilson were successful among the Christian audience, not because they were “new” but only because the field had been prepared by the previous appeals of the Pope (*L'appello di un protestante al Papa per la ristaurazione del diritto internazionale*, in *La Civiltà cattolica*, anno 70, 1919, volume I, quad. 1646, 18.01.1919, p. 89–96, especially p. 93–94).

⁴ Bressan, 1990 ; Scottà, 2009: 327–333.

⁵ S.RR.SS., AA.EE.SS., *Rapporti delle Sessioni*, N°1224, 1918, Proceedings of the session of November 3rd 1918, f. 532^v, translated from Italian.

Peace Conference¹; in the Encyclical *Pacem* (May 23th, 1920), he recognized the importance of the League of Nations to prevent war and reduce militarism²; in November 1921, the Pope underlined the importance of the Washington Conference on naval disarmament³. Even in April 1922, the newly-elected Pope Pius XI prayed for the “happy outcome” of the Genoa conference, which would “bring together the victorious and the defeated countries in the Pacific talks”⁴.

2.2. Political and religious criticism of the new world order

Despite the firm support to the multilateral peace-building process, the Holy See did not participate in the peace conferences and the new League of Nations. This is not by choice: the Holy See was excluded from the peace conferences, because of the explicit will of Italy — which wanted to resolve the “Roman question” in a bilateral way — to put down in the London Agreement of 1915⁵. However, this exclusion soon appears to be an opportunity to remain outside a shaky process. On November, 3rd, 1918, Cardinal Gasparri, the Secretary of State, considered the invitation of the Holy See to the Peace Conference as an “absurd” hypothesis and, anticipating a bad peace elaborated by the victorious nations, concludes that in any case the Holy See should sign it⁶.

Being an outsider also enables one to criticize the treaties. The Holy See denounces a failed peace, a peace without reconciliation which entertains militarism. In December 1919, a speech to the cardinals highlights the severity of the treaties: for the defeated countries, the treaties should have been “a fair punishment and not the road to destruction”⁷. The encyclical *Pacem* (May 23rd, 1920) underlines the fact that “there can be no stable peace or lasting treaties, though made after long and difficult negotiations and duly signed, unless there be a return of mutual charity to appease hate and banish enmity”⁸. In a more direct way, the comments on

¹ Encyclical Letter of December, 1st, 1918, http://w2.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_01121918_quod-iam-diu.html

² Encyclical *Pacem, Dei munus*, May 23th, 1920, in *Actes de Benoît XV. Tome II, (1919 — Septembre 1920)*, Paris, Maison de la Bonne Presse, 1926, pp. 132–147, especially pp. 143–144.

³ Consistorial Allocution, November 21st, 1921, in *Actes de Benoît XV (1914–1922). T. III (octobre 1920–1921)*, Paris, Bonne Presse, 1927, pp. 105–109, especially pp. 105–106.

⁴ Autograph letter of Pius XI to Mgr Signori, archbishop of Genova, 07.04.1922, in *Actes de S.S. Pie XI, tome I (années 1922–1923)*, Paris, Maison de la Bonne Presse, 1927, pp. 36–37, cit. p. 36, translated from French. On the Genoa Conference, see Croce, 2002.

⁵ Miranda, 2009; Marchisio, 2017.

⁶ S.RR.SS., AA.EE.SS., *Rapporti delle Sessioni*, N°1224, 1918, Proceedings of the session of November 3rd 1918, f. 550^v–551^r.

⁷ Speech to the Sacred College, December 24th, 1919, in *Actes de Benoît XV. Tome II, 1919 — Septembre 1920*, Paris, Maison de la Bonne Presse, 1926, pp. 111–114, cit. p. 114.

⁸ Encyclical *Pacem, Dei munus*, May 23th, 1920, http://w2.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_23051920_pacem-dei-munus-pulcherrimum.html (29.07.2019).

this encyclical published in the *Civiltà Cattolica* criticized treaties built on “harsh exclusions”, in which “the true peace and prosperity of the peoples doesn’t take the precedence over the *egoistic* and *nationalistic* reasons of politics”¹. And again, in April 1922, Pius XI reminded that “the best guarantee of tranquillity is not a forest of bayonets, but mutual trust and friendship”².

Focusing on the issue of reconciliation, the popes progressively moved from a political criticism of the treaties towards a religious one. In an interesting encyclical on saint Boniface addressed to the German bishops, a week after the publication of the peace conditions of Versailles (May 14th 1919), Benedict XV insisted on the necessity to restore the rights of God and of the Church and to unite the peoples with “a stronger treaty”, which could only be the “unity of the faith”³. From this perspective of re-Christianisation of Europe, the encyclical *Pacem* of May 1920 appealed for a league of “States united under the Christian law”, inspired by the Catholic experience of the international governance⁴. In December 1922, Pius XI pointed out the failure of the League of Nations and offered that the Catholic Church take the international leadership to promote peace⁵.

The strong criticism — indissolubly political and religious — of the treaties is also made possible by the new authority gained by the Holy See in various international actions.

2.3. Humanitarian action: the Holy See, a leading actor in multilateral collaborations

Immediately after the War, the Holy See committed itself to several humanitarian actions, using the potential of their diplomatic and financial networks. In 1919–1920, the Holy See intervenes to the benefit of the Prisoners of War of the central empires, blocked in Siberia (cc. 200.000 men). As early as in January 1919, the Holy See provided a multilateral diplomatic action, despite its contacts with the Entente in Washington, Rome and Paris⁶. In December 1919, the president of

¹ *La pace e la carità sociale nella Enciclica Pacem Dei*, in *La Civiltà cattolica*, anno 71, 1920, volume II, quad. 1680, 19.06.1920, pp. 502–515, cit. p. 514, translated from Italian.

² Autograph letter of Pius XI to Mgr Signori, archbishop of Genova, 07.04.1922, in *Actes de S.S. Pie XI, tome I (années 1922–1923)*, Paris, Maison de la Bonne Presse, 1927, pp. 36–37, cit. p. 36, translated from French.

³ *Actes de Benoît XV. Tome II, 1919-Septembre 1920*, Paris, Maison de la Bonne Presse, 1926, pp. 49–50.

⁴ http://w2.vatican.va/content/benedict-xv/en/encyclicals/documents/hf_ben-xv_enc_23051920_pacem-dei-munus-pulcherrimum.html, § 18 (29.07.2019).

⁵ Encyclical *Ubi Arcano*, December 23rd, 1922, in *Actes de S.S. Pie XI, tome I (années 1922–1923)*, Paris, Maison de la Bonne Presse, 1927, pp. 136–179, cit. p. 161.

⁶ The Secretary of State intervenes with the apostolic Delegate in Washington, the British representative in Rome and the cardinal of Paris: S.RR.SS., AA.EE.SS., III, *Austria*, pos. 1425, fasc. 570, f. 47: ciphered telegram of Gasparri to Bonzano, 13.01.1919; f. 48: Gasparri to the count of Salis, 14.01.1919, Seg. Stato N°85487; f. 49: Gasparri to Amette, 14.01.1919, Seg. Stato N°85489.

the International Red Cross Committee, Gustav Ador, also asked Benedict XV for help on this issue¹ and the Holy See gave official support to raise public awareness². In January-February 1920, new diplomatic interventions were again made through Italy³ and the United States⁴.

At the same time, the Papacy also got engaged in humanitarian action for the children of the Central Europe. In November 1919, the Pope launched an appeal to donations and for special prayers to be held in all Catholic churches on the feast of the Holy Innocents (December 28th)⁵. In January 1920, Benedict XV asked for collaboration with similar initiatives, being led by Herbert Hoover and by the humanitarian organisation Save the children⁶. Later on, in December 1920, the action was renewed, and a letter of Pope Benedict publicly mentioned Save The Children, to which the Catholics were encouraged to make donations⁷.

In a similar way (cooperation with humanitarian organisations, which symbolise a new world order also composed of non-state actors⁸), let us also recall the launching in 1921 of an action against starvation in Russia. On August 5th 1921, answering the public appeals of the Soviet Government, Benedict XV underlined the “necessity of a rapid and efficient concerted action”⁹. The Holy See immediately launched a global intervention, through its diplomatic network, to “promote a mutual action of the civilized States”¹⁰. Interestingly, for its donations, the Holy See chose to work with humanitarian groups such as Save the Children, Fridtjof Nansen and the International Red Cross Committee, rather than participating in a committee launched in Paris with the “Allied States”¹¹, which would not

¹ S.RR.SS., AA.EE.SS., III, *Svizzera*, pos. 551, fasc. 296, f. 24: Gustave Ador to Benedict XV, Geneva, 16.12.1919.

² The *Osservatore romano* published the letters of Ador and Benedict XV, the latter been said to be “perfectly in line” with the IRCC: *Il Santo Padre pei prigionieri internati in Siberia*, in *L'Osservatore romano*, 02.01.1920 (60–2), p. 1. See also Pettinaroli, 2015: 282–286.

³ S.RR.SS., AA.EE.SS., III, *Austria*, pos. 1425, fasc. 571, f. 63–64: Gasparri to Nitti, Vatican, 04.01.1920, №B-554.

⁴ The Holy See, while thanking President Wilson to have sent ships for the Czecho-slovakian, Polish and Yugoslav soldiers, asks for similar help for the German, Austrian and Hungarian soldiers: the telegram to Wilson is transmitted to the Apostolic Delegate in the United States: S.RR.SS., AA.EE.SS., III, *Austria*, pos. 1425, fasc. 571, f. 74 : ciphred telegram from Gasparri to Bonzano, 16.02.1920, №87.

⁵ Encyclical Letter *Parterno iam diu*, November 24th, 1919, in *Actes de Benoît XV. Tome II, 1919 — Septembre 1920*, Paris, Maison de la Bonne Presse, 1926, pp. 73–77.

⁶ Letter of Benedict XV to Herbert Hoover, January 9th, 1920, in *Actes de Benoît XV. Tome II, 1919 — Septembre 1920*, Paris, Maison de la Bonne Presse, 1926, pp. 115–116.

⁷ Encyclical *Annus Iam plenus*, December 1st 1920, in *Actes de Benoît XV (1914–1922). T. III (octobre 1920–1921)*, Paris, Bonne Presse, 1927, pp. 32–38, cit. p. 33.

⁸ See Cabanes, 2014.

⁹ *L'Osservatore Romano*, 08/09.08.1921 (61–187), p. 1, translated from Italian.

¹⁰ S.RR.SS., AA.EE.SS., III, *Russia*, pos. 1023, fasc. 370, f. 32: Gasparri to the ambassadors, ministers and *chargés d'affaires* to the Holy See, 12.08.1921, №24162, translated from Italian.

¹¹ *Ibid.*, f. 13: ciphred telegram of Gasparri to Cerretti, [no date].08.1921.

have pleased the Soviet government¹. It is on this occasion that Benedict XV, approached by William MacKenzie, a member of Save the Children², applied directly to the League of Nations, asking for interstate support to the Nansen committee³.

Despite these three examples, right after the War, the Holy See clearly appeared as one of the most agile actors of the new international system, able to work with both state and non-state partners in order to promote multilateral operations.

Conclusion

Far from a backward-looking perspective, soon after the War the Holy See adopted a pragmatic policy regarding the new States, seeking to establish bilateral relations and to seal official agreements with them. Apart from this traditional diplomacy, the Holy See also continued to experiment with new ways of being present in the international field, launching multilateral actions through its diplomatic network, collaborating with non-governmental organisations on humanitarian actions, taking contacts with the League of Nations... However, the Holy See did not fully fit in the new international order: excluded from the peace conferences, it remains at distance in order to promote its own religious perspectives and its project of re-Christianisation of the post-war national and international societies.

References

- Alix C.* (1962). *Le Saint-Siège et les nationalismes en Europe 1870–1960*. Paris: Sirey.
- Araujo R.J., Lucal J.A.* (2004). *Papal diplomacy and the quest for peace: the Vatican and international organizations from the early years to the League of Nations*. Ann Arbor: Sapientia Press.
- Boniface X.* (2017). *La Nota dell'1 agosto 1917 e il suo fallimento // Alberto Melloni (dir.), Giovanni Cavagnini, Giulia Grossi (a cura di), Benedetto XV. Papa Giacomo Della Chiesa nel mondo dell'«inutile strage»*. Bologna: Il Mulino, vol. 1, pp. 365–375.
- Bouthillon F.* (1996). *D'une théologie à l'autre: Pie XI et le Christ-Roi // Achille Ratti. Pape Pie XI. Actes du colloque organisé par l'EFR, Rome 15–18 mars 1989*. Rome: École française de Rome, Collection de l'École française de Rome, N°223, pp. 293–303.
- Bressan E.* (1990). *L'Osservatore Romano e le relazioni internazionali della Santa Sede (1917–22) // Giorgio Rumi (a cura di), Benedetto XV e la pace 1918*. Brescia: Morcelliana, pp. 233–253.
- Cabanes B.* (2014). *The Great War and the origins of Humanitarianism, 1918–1924*. New York: Cambridge University Press.

¹ *Ibid.*, f. 16: telegram of Ador, Geneva, 09.08.1921.

² S.RR.SS., AA.EE.SS., III, *Russia*, pos. 1023, fasc. 371, f. 34: William Andrew MacKenzie to Maglione, Geneva, 13.09.1921.

³ *Ibid.*, f. 36–37: Benedict XV to Van Karnebeek, president of the Assembly of the League of Nations, 19.09.1921. The telegrams of Benedict XV and Van Karnebeek were published in the *Osservatore romano: Il Santo Padre per la Russia affamata*, in *OR*, 25.09.1921 (61–227), p. 3. More generally on the Holy See and the League of Nations, see Araujo-Lucal, 2004, especially pp. 131 *sq.* The Holy See also directly intervened to the League of Nations on the issue of Palestine in 1922.

- Canavero A.* (2017). La Nota del 1917: le proposte su armamenti, arbitrati, sanzioni, danni // Alberto Melloni (dir.), Giovanni Cavagnini, Giulia Grossi (a cura di), Benedetto XV. Papa Giacomo Della Chiesa nel mondo dell'«inutile strage». Bologna: Il Mulino, vol. 1, pp. 329–343.
- Cavagnini G.* (2017). L'episcopato italiano e francese davanti alla Nota del 1917 // Alberto Melloni (dir.), Giovanni Cavagnini, Giulia Grossi (a cura di), Benedetto XV. Papa Giacomo Della Chiesa nel mondo dell'«inutile strage». Bologna: Il Mulino, vol. 1, pp. 352–364.
- Croce G. M.* (1997). Le Saint-Siège et la Conférence de la paix (1919). Diplomatie d'église et diplomaties d'état // Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée, 1997 (109–2), pp. 485–792.
- Croce G. M.* (2002). Santa Sede e Russia Sovietica alla conferenza di Genova // Cristianesimo nella Storia, 2002 (23), pp. 345–365.
- De Marchi G.* (1957). Le nunziature apostoliche dal 1800 al 1956. Rome: Ed. di Storia e Letteratura.
- De Marco V.* (1990). L'intervento della Santa Sede à Versailles in favore delle missioni tedesche // Giorgio Rumi (a cura di), Benedetto XV e la pace-1918. Brescia: Morcelliana, pp. 65–82.
- Engel-Janosi F.* (1958–1960). Österreich und der Vatikan, 1846-1918. 1. Die Pontifikate Pius' IX. und Leos XIII., 1846–1903; 2. Die Pontifikate Pius' X. und Benedikts XV., 1903–1918. Graz, Verlag Styria, 2 vol.
- Érszegi M. A.* (2016). L'allacciamento delle relazioni diplomatiche tra la Santa Sede e l'Ungheria nel 1920 // András Fejérdy (a cura di), Rapporti diplomatici tra la Santa Sede e l'Ungheria (1920–2015). Vatican City: Libreria Editrice Vaticana, pp. 90–105.
- Fattorini E.* (1992). Germania e Santa Sede. Le nunziature di Pacelli fra la Grande Guerra e la Repubblica di Weimar. Bologna: Il Mulino.
- Gottsmann A.* (hg.) (2007). Karl I. (IV.), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Houlihan P. J.* (2017). Rimodellare i confini: l'Europa e le colonie nella Nota di pace di Benedetto XV // Alberto Melloni (dir.), Giovanni Cavagnini, Giulia Grossi (a cura di), Benedetto XV. Papa Giacomo Della Chiesa nel mondo dell'«inutile strage». Bologna: Il Mulino, vol. 1, pp. 344–351.
- Hrabovec E.* (2013). Il caso Andrej Hlinka : un “San Paolo con la spada” mai diventato vescovo // Laura Pettinaroli (ed.), Le gouvernement pontifical sous Pie XI: pratiques romaines et gestion de l'universel. Rome: École française de Rome, CEFR 467, pp. 607–622.
- Jankowiak F.* (2007). La Curie romaine de Pie IX à Pie X: le gouvernement central de l'Église et la fin des États pontificaux (1846–1914). Rome: École française de Rome, BEFAR, № 330.
- Klieber R.* (2013). Papal Reign by symbolic action and emotional communication: opportunities and strategies to inflame the “Roman Spirit” in Austria and Hungary between the World Wars // Laura Pettinaroli (ed.), Le gouvernement pontifical sous Pie XI: pratiques romaines et gestion de l'universel. Rome: École française de Rome, CEFR 467, pp. 691–706,
- Lacroix-Riz A.* (1995). Le Vatican et les buts de guerre germaniques de 1914 à 1918: le rêve d'une Europe allemande // Revue d'histoire moderne et contemporaine, 1995 (42), pp. 517–555.

- Latour F.* (1996). *La papauté et les problèmes de la paix pendant la Première Guerre mondiale.* Paris: L'Harmattan.
- Marchisio S.* (2017). *La mancata revisione del Patto di Londra (luglio 1918) // Alberto Melloni (a cura di), Giovanni Cavagnini e Giulia Grossi (ed.), Benedetto XV: Papa Giacomo Della Chiesa nel mondo dell'«inutile strage».* Bologna: Il Mulino, 2017, vol. 2, pp. 1003–1018.
- Mayeres-Rebernik A.* (2015). *Le Saint-Siège face à la «question de Palestine»: de la déclaration Balfour à la création de l'État d'Israël.* Paris: H. Champion, Bibliothèque d'études des mondes chrétiens, № 5.
- Mercati A.* (ed.) (1954). *Raccolta di concordati su materie ecclesiastiche tra la Santa Sede e le autorità civili. Vol. II, 1915–1954.* Vatican City: Tipografia Poliglotta Vaticana.
- Melloni A. (dir.), Cavagnini G., Grossi G. (a cura di)* (2017). *Benedetto XV. Papa Giacomo Della Chiesa nel mondo dell'«inutile strage».* Bologna: Il Mulino.
- Minnerath R.* (2012). *L'Église catholique face aux États: deux siècles de pratique concordataire, 1801–2010.* Paris: Éd. du Cerf.
- Miranda A.* (2009). *Il papa non «ammesso tra le grandi potenze». Benedetto XV e l'esclusione della Santa Sede dalla Conferenza di Parigi // Rivista di Storia e Letteratura Religiosa, 2009 (XLV-2), pp. 341–367.*
- Morozzo della Rocca R.* (1993). *Benedetto XV e Costantinopoli: fu vera neutralità? // Cristianesimo nella storia, 1993 (14), pp. 375–384.*
- Morozzo della Rocca R.* (1996). *Achille Ratti e la Polonia (1918-1921) // Achille Ratti. Pape Pie XI. Actes du colloque organisé par l'EFR, Rome 15–18 mars 1989.* Rome: École française de Rome, 1996, Collection de l'École française de Rome, № 223, pp. 95–122.
- Pease N.* (2009). *Rome's most faithful daughter: the Catholic Church and independent Poland, 1914–1939.* Athens: Ohio university press.
- Pettinaroli L.* (2015). *La politique russe du Saint-Siège (1905–1939),* Rome: École française de Rome, BEFAR № 367.
- Pollard J. F.* (2000). *The unknown pope: Benedict XV (1912–1922) and the pursuit of peace.* London: Geoffrey Chapman.
- Renoton-Beine N.* (2004). *La colombe et les tranchées: Benoît XV et les tentatives de paix durant la Grande guerre,* Paris: Éd. du Cerf.
- Rumi G.* (1990). *Corrispondenza fra BXV e Carlo I d'Asburgo // Giorgio Rumi (a cura di), Benedetto XV e la pace-1918.* Brescia: Morcelliana, pp. 19–47.
- Salmič I.* (2015). *Al di là di ogni pregiudizio: le trattative per il Concordato tra la Santa Sede e il Regno dei Serbi, Croati e Sloveni // Jugoslavia (1922–1935) e la mancata ratifica (1937–1938).* Rome: Gregorian & Biblical Press, Analecta Gregoriana, № 323.
- Scottà A.* (2009). *Papa Benedetto XV: la Chiesa, la grande guerra, la pace: 1914–1922,* Rome: Edizioni di storia e letteratura.
- Ticchi J.-M.* (2002). *Aux frontières de la paix. Bons offices, médiation, arbitrages du Saint-Siège (1878–1922).* Rome: École française de Rome, Collection de l'École française de Rome, № 294.
- Zanotti A.* (1986). *Il Concordato austriaco del 1855.* Milano: A. Giuffrè, Pubblicazioni del Seminario giuridico della Università di Bologna, № 17.

ОБРАЩЕНИЕ ФЕДОРА АВГУСТОВИЧА СТЕПУНА К МЮНХЕНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ФЕВРАЛЕ 1965 ГОДА

Евгений Александрович Ефремов

Внештатный сотрудник Районного краеведческого музея
г. Кондрово Калужской области, краевед (г. Кондрово, Калужская обл.).

E-mail: johnefremov68@yandex.ru

APPEAL OF FEDOR AUGUSTOVICH STEPUN TO THE MUNICH EMIGRATION IN FEBRUARY 1965

Evgeny A. Efremov

Freelance employee of the regional museum of Kondrovo, Kaluga region,
local historian (Kondrovo, Kaluga region).

E-mail: johnefremov68@yandex.ru

Н иже публикуются пояснения к обращению Федора Августовича Степуна к мюнхенской эмиграции в феврале 1965 г. Они включают в себя историю создания библиотеки и то, чем она является в настоящее время.

B elow are published explanations of the appeal of Fyodor Augustovich Stepun to the Munich emigration in February 1965 of the year. They include the history of the creation of the library and what it is currently.

Ключевые слова: Ф. А. Степун, библиотека, Мюнхен, Н. А. Троицкий, Л. Стивенс, СБОНР, вторая волна эмиграции.

Keywords: F. A. Stepun, library, Munich, N. A. Troitsky, L. Stevens, SBONR, second wave of emigration.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-116-118

П редставляемый документ, вышедший из-под пера Ф. А. Степуна, обнаружен нами в Сети на страницах интернет-библиотеки «Вторая литература» Андрея Никитина-Перенского¹. Как видно, обращение было написано

¹ Электронный ресурс «Вторая литература» (<https://vtoraya-literatura.com>) основан А. Никитиным-Перенским в 2000 г. для хранения оцифрованных копий бумажных изданий, в том числе труднодоступных. В настоящее время он зарегистрирован в Германии как библиотека: ISIL: DE-2720 (Hinweis: Das ISIL gilt zugleich als 'MARC 21 Code' für Institutionen). Что касается данного конкретного документа, то А. Никитин-Перенский любезно сообщил редакции, что нашел обращение в разрозненных бумагах поэта Нины Бодровой (1946–2015), которая с 1980 г. жила в Мюнхене и работала в книжном магазине «Найманис». В ее архиве обнаружилось некоторое количество книг и документов по истории русской эмиграции первой волны. Документ впервые опубликован на сайте «Вторая литература», представляющем собой вторую библиотеку (первой является «ImWerden»). *Прим. ред.*

философом в последний месяц его жизни. Приведем требуемые пояснения по сути дела.

С вынужденным окончанием насильственной репатриации граждан СССР и жителей русского зарубежья после Второй мировой войны резко усилилась так называемая вторая волна эмиграции из СССР. Ее представители, влекомые неудержимой мечтой, сначала возродили идею борьбы против ненавистного режима, а затем воплотили ее в дело, без колебаний подняв знамя сопротивления. Не располагая какой-либо материальной поддержкой со стороны, они основали Союз борьбы за освобождение народов России (СБОНР) — единственную политическую организацию, вступившую на путь открытого противостояния сталинской системе. В числе прочего они создали Русскую библиотеку в столице невозвращенцев Мюнхене. Свободная, политически не ангажированная, не подчиненная какой-либо организации, она стала очагом русской культуры и прибежищем бывших подсоветских граждан в Германии начала 1950-х гг.

Создание библиотеки стало первым делом СБОНРа. Много помог ее устройтею Николаю Александровичу Троицкому (легализовавшемуся по югославским документам на имя Бориса Северовича Яковлева) Юрий Фишер, сын американского журналиста и советской переводчицы, работавшей в начале 1920-х гг. в Коминтерне. Москвич, берлинец, американец, молодой человек с очень интересной биографией, прошедший войну в армии США, Юрий приехал в Мюнхен как аспирант Гарвардского университета собирать материалы к диссертации о советском противостоянии Сталину.

Затем Троицкий-Яковлев прибег к помощи матери Юрия Берты Яковлевны Марк. Сам он вспоминал, что она была уже пожилой женщиной, но по имени-отчеству никто к ней не обращался — только Маркуша, по прежней партийной кличке. В Мюнхене Марк представляла Международный комитет спасения, частную организацию, содействовавшую беженцам от большевизма по всему миру. Она уговорила членов комитета оказать содействие создателям библиотеки.

Библиотеке «была выделена просторная комната в полуразрушенном доме. Вычистили от всякой скверны, соорудили перегородки, сколотили полки для книг. Первым поступлением стали припрятанные Юрой в Берлине довоенные запасы. А потом пошло и пошло. Книги поступали из самых разных источников. Часто это были совершенно посторонние люди, сочувствовавшие нашему начинанию. Горячее участие принял Юра Фишер. Он не только сам снабжал нас книгами и периодикой, но и приобщил к этому делу своих знакомых. Вслед за книгами потянулись и читатели» (Троицкий-Яковлев).

Пусть скромной, но все же имевшей место материальной поддержки со стороны Б. Я. Марк хватало на то, чтобы комплектовать библиотечные фон-

ды. Через какое-то время появились две молодые американки, начавшие обучать читателей английскому языку, что способствовало дальнейшей натурализации эмигрантов в англоязычных странах. В качестве штаб-квартиры СБОНРа библиотека собирала бывших подсоветских граждан и оказывала им поддержку. Здесь проводились также и культурные мероприятия (концерты, спектакли, публичные чтения), отмечались праздники. Существенной оказалась поддержка американского вице-адмирала Лесли Стивенса, директора Американского комитета по борьбе с большевизмом, занимавшегося беженцами из СССР. Штаб-квартира Американского комитета располагалась во Франкфурте-на-Майне. Поддержка Стивенса, в том числе и правовая, оказалась весьма своевременной, поскольку немецким властям требовались гарантии лояльности к властям со стороны новой общественной организации. Так библиотека стала именоваться Русской, получила официальный статус, адрес и номер телефона. Со временем она стала носить имя адмирала Стивенса.

Позже, в 1963 г., Русская библиотека оказалась в ведении Германского Толстовского фонда. В 1972 г. фонд был переименован в Толстовское общество помощи и содействия культуре (Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk e.V.). Основные направления его деятельности — просветительское и консультационное. Библиотека собирает книги на русском языке, в ее фондах находится внушительный корпус эмигрантских изданий. Русским людям она дает возможность сохранить национальную культуру, а немцам — познакомиться с русской культурой. Таким образом, она стала связующим звеном между двумя европейскими культурами.

Литература

Троицкий-Яковлев Н. А. В пучине второй волны. URL: <https://www.proza.ru/2008/07/25/345>.
Дата обращения: 01.03.2019.

References

Troickij-Yakovlev N. A. V puchine vtoroj volny // URL: <https://www.proza.ru/2008/07/25/345>.
Data obrashcheniya: 01.03.2019.

ОБРАЩЕНИЕ К МЮНХЕНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ¹*Федор Августович Степун*

APPEAL TO THE EMIGRATION OF MUNICH

Fyodor Stepun

Обращение Ф. А. Степуна содержит обращенный к русским эмигрантам призыв к пополнению библиотечных фондов.

The appeal of F. A. Stepun contains a call to Russian emigrants to replenish library funds.

Ключевые слова: Библиотека им. Л. С. Стивенса.

Keywords: Library named after L.S. Stevens.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-119-120

Среди начинаний эмиграции из России Библиотека им. Л. С. Стивенса является единственным политически нейтральным культурным очагом. До недавнего времени этот очаг, будучи вполне свободным в своей творческой деятельности, питался американскими средствами. Ныне положение изменилось. Американцы отступились от Библиотеки, и она перешла в ведение Толстовского фонда, но ведать Библиотекой для Толстовского фонда еще не означает в достаточной мере финансировать ее. Наряду с теми средствами, которые будет изыскивать Толстовский фонд, нам необходимо добывать дополнительные и немалые суммы в немецких правительственных инстанциях. Сочувствия у этих инстанций можно ожидать лишь в случае личных усилий, точнее — в случае материальной помощи эмиграции из России. Отсюда вытекает необходимость повысить культурную работу в Библиотеке, которая в прошлом велась очень интенсивно, но на американские деньги. Теперь мы должны ее вести на собственные деньги, из чего следует, что лекции, выступления писателей, концерты и т.п. должны оплачиваться входными билетами для финансирования Библиотеки и, прежде всего, закупки новых книг и периодики. Но дело, конечно, не только в материальной помощи, но и в живом участии живых эмигрантских сил во всех культурных начинаниях

¹ Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами. *Прим. ред.*

Библиотеки, которой пользуются, к слову сказать, не только немецкие студенты, докторанты, но и немецкие ученые.

Решаясь обратиться за такой помощью, Совет Библиотеки просит мюнхенскую эмиграцию учесть, что Библиотекой пользуются не только мюнхенцы, но и проживающие в заброшенных углах и провинциальных городах люди. Для этих людей жизнь без книги из мюнхенской Библиотеки совершенно невозможна; отсутствие книг лишает их сведений о том, что творится в советской России и в нашем зарубежье, и тем самым превращает их из политических эмигрантов в бездомных и политически безличных беженцев. Взять на себя ответственность за такое превращение мы, благополучно живущие в Мюнхене, в сущности, не смеем.

В начале века я четырнадцать семестров слушал лекции в Гейдельберге, где учились около ста человек студентов из России. Большинство из них принадлежало к политическим партиям. Никакой денежной помощи это студенчество ни от кого не получало, но на гроши, присылаемые им родителями, они выписывали лекторов из других городов и даже стран и устраивали благотворительные концерты, дававшие очень приличный доход. Весьма прискорбно думать, что на разрушение России вносились тогдашней молодежью чуть ли не последние гроши, а на ее воссоздание пожертвования как-то не текут.

Совет Библиотеки надеется, что его обращение к соотечественникам не останется без откликов.

Председатель Совета Библиотеки им. Л. С. Стивенса
Февраль, 1965 г.

Ф. Степун

**«...ПРОДОЛЖАЮ ВЕРИТЬ В ПОЯВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ,
БЛИЗКОГО К НОВОГРАДСКОМУ»:
ПИСЬМА ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО
К ПРОТОИЕРЕЮ КИРИЛЛУ ФОТИЕВУ (1968–1977)**

Мария Анатольевна Васильева

Кандидат филологических наук,
ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына.
E-mail: marijavirus@mail.ru

**“...I CONTINUE TO BELIEVE IN THE EMERGENCE
OF A MOVEMENT CLOSE TO NOVY GRAD”:
LETTERS FROM VLADIMIR VARSHAVSKY
TO ARCHPRIEST KIRILL FOTIYEV (1968–1977)**

Maria A. Vasil'eva

PhD (Philology), Academic Secretary Alexander Solzhenitsyn Centre
for Studies of Russia Abroad.
E-mail: marijavirus@mail.ru

Письма выдающегося писателя русского зарубежья Владимира Варшавского (1906–1978) другу семьи протоиерею Кириллу Фотиеву (1928–1990) отличаются злободневностью и философская интуиция. Многие актуальные политические и общественные события 1960–1970-х гг. автор эпистолярия рассматривает через идейное наследие довоенного религиозно-философского и общественно-политического журнала «Новый Град». Публикация писем дает возможность узнать много нового об истории взаимоотношений русской эмиграции первой волны с третьей волной и диссидентским движением. Письма охватывают несколько ключевых сюжетов послевоенного периода русской эмиграции. В эпистолярии мы находим отклик на многие животрепещущие темы — от Пражской весны 1968-го до полемики между А. И. Солженицыным и А. Д. Сахаровым в середине 1970-х; от внутренней политики «Радио Свобода» до идейной стратегии «Русского кружка» Женевского университета. В центре дискуссии — размышления о судьбах России.

The letters of the outstanding writer of the Russian Abroad Vladimir Varshavsky (1906-1978) to the family friend Archpriest Kirill Fotiyev (1928–1990) distinguish urgency and philosophical intuition. Many topical political and social events of the 1960–1970 “s the author of epistolary considers through the ideological her-

itage of the pre-war religious-philosophical and social-political magazine “Novy Grad”. The publication of the letters provides an opportunity to pick up a lot about the history of the relationship between the Russian emigration of the “first wave” and the “third wave” and dissident savagery. The letters of writer Vladimir Varshavsky to a friend Archpriest Kirill Fotiyev cover several prime stories of the post-war period of Russian emigration. In the letters we find a response to many burning topics — from the Prague Spring of 1968 to the debate between A.I. Solzhenitsyn and A.D. Sakharov, which developed in the mid-1970s; from the internal policy of «Radio Liberty» to the ideological strategy of the «Russian Circle» of the University of Geneva. In the center of the discussion — reflections on the fate of Russia.

Ключевые слова: русское зарубежье, архивы, эпистолярный, общественно-политическая жизнь русской эмиграции, диссидентское движение, идеология «Нового Града», Владимир Варшавский, прот. Кирилл Фотиев.

Keywords: russian abroad, archives, epistolary, social and political life of Russian emigration, dissident movement, ideology of “Novy Grad”, Vladimir Varshavsky, Archpriest Kirill Fotiyev.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-121-128

История возвращения в Россию архивов писателя Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1978) и протоиерея Кирилла Фотиева (1928–1990) берет начало в небольшом городке Ферней-Вольтер на франко-швейцарской границе. Именно там в 1974 г. поселился писатель Владимир Варшавский с супругой Татьяной Георгиевной. С 2009 г. вдова писателя стала постепенно передавать семейный архив в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Материалы поступали внушительными партиями: многочисленные документы, рукописи, дневники, письма, фотографии, зарисовки, издания с автографами и маргиналиями, аудиозаписи, скрипты «Радио Свобода», фамильные реликвии и т.д. Так за последние десять лет в Доме русского зарубежья был сформирован колоссальный фонд (Ф. 291), который по праву может называться архивом эпохи. В одну из партий, переданных в 2012 г., попала объемная коробка с материалами архива протоиерея Кирилла Фотиева: тщательно упорядоченная богатейшая переписка (именно *переписка*: Фотиев бережно сохранял у себя машинописные копии своих писем), издания, материалы к биографии, фотодокументы и т.д. (Ф. 179). Тот факт, что Кирилл Фотиев доверил Татьяне Варшавской свой личный архив, говорит о многом. История его многолетней дружбы с семьей Варшавских подробно отражена в их переписке. Вот одно из фотиевских писем, посланное друзьям из Италии:

«Во Флоренции я ежедневно бывал у маленького фонтана во дворе палаццо Веккио — помните, этот маленький фонтан: алебастровый сосуд, в который плещет вода, а над ним — летящий ввысь крылатый гений, держащий в руках рыбу, из пасти которой бьет струя воды? Андреа дель Вероккио, 1470 год. Там, у этого фонтана, под сенью крылатого ангела, я с особой силой ощущал каждый раз нашу дружбу, нашу близость, думал о вас постоянно. Ибо этот крылатый гений отвергает то, что мы отвергаем, и утверждает то, что мы с вами любим. Он — светлый отдых, отдушина от всего того, что мерзко — от советской “литературы” и от тех, кто ищет в них зерна “сермяжной правды”, от розовых клозетов Америки и от манеры Хрущева и Брежнева носить шляпу, от здешнего вранья и тамошнего лицемерия. И всему этому противостоит наша дружба и венчающий ее крылатый гений, ангел если не победы, то упования на победу...»¹ Перекрестий было много: общие интересы, общий круг знакомых (прот. Александр Шмеман, Никита Струве, Владимир Вейдле, прот. Иоанн Мейендорф, Юрий Иваск, Зинаида Шаховская, Александр Солженицын, Владимир Максимов, Наум Коржавин и многие другие), общий круг эмигрантской прессы, где печатались Фотиев и Варшавский, и, наконец, совместные незабываемые путешествия по Италии.

Здесь уместно сделать небольшое отступление для краткой биографической справки. Владимир Сергеевич Варшавский — представитель «сыновей», или «незамеченного поколения» русской эмиграции первой волны. Он же — автор известной книги «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956) и одноименного термина, прочно вошедшего в историю русской литературы. Варшавский оказался в эмиграции подростком, покинув Россию вместе с семьей в 1920 г., и разделил со многими сверстниками путь изгнания: Константинополь (1920–1922), затем Чехословакия (1922–1926) и, наконец, переезд в Париж. Отдельной вехой в становлении мировоззрения Варшавского стало его участие в эмигрантских проектах 1930-х гг., в том числе в литературно-философском журнале И. И. Фондаминского, Г. П. Федотова и Ф. А. Степуна «Новый Град» (1931–1939) (Киселева, 2018) и литературно-философском обществе «Круг» (1935–1939), собрания которого проходили в парижской квартире того же Ильи Бунакова-Фондаминского (130, Avenue de Versailles). Предвоенные встречи в «Круге» определили характер участия Варшавского во Второй мировой войне, его «философию поступка»: в мае 1940-го он, будучи рядовым Французской армии, во время боя за Булонскую цитадель «почти в одиночку, на протяжении нескольких дней, в обреченной крепости сдерживал мощный натиск немцев» (Шмеман, 1982: 2).

¹Прот. К. Фотиев — В. С. Варшавскому. 7 декабря 1970 г. (ДРЗ. Ф. 291).

Несмотря на кратковременность участия Варшавского в «Новом Граде», где он печатался только в двух номерах за 1936 и 1938 гг. (одна статья, две рецензии), его дальнейшую судьбу и его творчество в немалой степени стоит рассматривать через новоградский контекст. Сам писатель признавал через годы: «Созданный Степуном совместно с Фондаминским и Федотовым “Новый Град” был самой близкой мне в эмиграции “духовной семьей”» (Варшавский, 2016: 496) и был глубоко убежден, что «новоградское сознание определяет подход ко всем явлениям человеческой жизни, в том числе и к искусству» (Там же: 509). Показательна в этом плане вышедшая после войны книга «Незамеченное поколение», в которой автор систематизировал «“состав” сознания молодого эмигрантского человека» (Там же: 343), социальные, политические, философские и духовные течения русской эмиграции межвоенной поры, завершив исследование главами «Новый Град» и «Погибшие за идею». Тем самым предложенный Варшавским критический обзор эпохи в ее множественных проявлениях, поисках и противоречиях подспудно обретал личностную новоградскую парадигму с финальной точкой «восхождения» своего поколения (сопротивление нацизму во Второй мировой войне) (Васильева, 2010).

Книга «Незамеченное поколение» — одно из важных, если не определяющих событий в биографии Варшавского в знаменательные для него 1950-е. Это десятилетие — отдельная веха в жизни писателя: в 1950-м вышла его военная повесть «Семь лет», положившая начало крупной форме в его творчестве и ставшая сюжетным остовом будущего метаромана «Ожидание» (1972); в 1951-м он перебрался из Парижа в Нью-Йорк; в 1954-м стал сотрудничать с русской службой радио «Освобождение»; после выхода «Незамеченного поколения» получил широкое признание в эмиграции; в 1959-м женился на Татьяне Дерюгиной. За это десятилетие Варшавский словно наверстывал то, что было упущено в межвоенные годы из-за вечного комплекса эмигрантской отверженности, неизбывного чувства младоэмигранта, «что жизнь прошла мимо него, что он оторван от тела своего народа и не находится ни в каком мире и ни в каком месте» (Варшавский, 2016: 339). В мае 1967 г. чета Варшавских обосновалась в Мюнхене, где писатель уже в качестве постоянного сотрудника продолжил работать на «Радио Свобода». Предлагаемая здесь публикация — избранное из писем Варшавского к Фотиеву — хронологически берет начало именно с этого мюнхенского периода.

Корреспондент Варшавского, протоиерей Православной церкви в Америке, церковный и общественный деятель Кирилл Васильевич Фотиев — представитель второй волны эмиграции. Вместе с семьей Рар, усыновившей его в десятилетнем возрасте, он в 1941 г. из оккупированной Латвии переехал

в Германию, где окончил русскую гимназию в беженском лагере Менхегоф под Касселем, поступил на философский факультет Гамбургского университета, вступил в Народно-трудовой союз (НТС). В 1949-м Фотиев отправился в Париж, обучался в Свято-Сергиевском православном богословском институте (1949–1953). «Этот период его жизни, — по замечанию Людмилы Сергеевны Флам-Оболенской, — наполняется глубоким содержанием под влиянием выдающейся профессуры, среди которой он еще застал А. В. Карташева, прот. Василия Зеньковского, епископа Кассиана (Безобразова), архимандрита Киприана (Керна), искусствоведа В. В. Вейдле и др.» (Флам, 2006: 107). В 1961 г. он был рукоположен в священника в парижском Александро-Невском соборе на rue Daru. В 1963 г. о. Кирилл переехал в Монреаль, потом в Нью-Йорк, где служил ключарем Покровского кафедрального собора, а затем — настоятелем прихода в Бруклине. Как разъездной священник Архиепископии русских приходов Константинопольского патриархата в Европе он окормлял приход Христорождественской церкви во Флоренции, отсюда частые приезды в Италию — неизменное место встречи с четой Варшавских. Отдельная страница в биографии Фотиева — журналистская деятельность: религиозные передачи на радио «Голос Америки» и на «Радио Свобода», многочисленные публикации в эмигрантской периодике («Новое русское слово», «Русская мысль», «Континент» и т.д.) и, наконец, участие в редколлегиях журналов «Вестник РСХД» и «Посев».

Знаменательно, что в эмиграции и Варшавский, и Фотиев оказались подростками, и это их также ментально сближало. Не случайно о. Кирилл был благодарным читателем книги «Незамеченное поколение» и всячески популяризировал ее в СССР через знакомых, а также в кругах новопривывших эмигрантов третьей волны: «...все мои молодые друзья из новейшей эмиграции читают, по моему настоянию, “Незамеченное поколение”. <...> О судьбе этого поколения, до прочтения книги, не знали практически ничего. Кое-что узнали из писем Марины Цветаевой, о Матери Марии прочли у Бердяева. Но имена, например, Поплавского, Вильде — встречаются впервые, как и полное изложение политических, интеллектуальных и художественных течений тех лет»¹.

Публикуемые здесь письма Владимира Варшавского к протоиерею Кириллу Фотиеву — избранное из обширного эпистолярия, хранящегося в Доме русского зарубежья (Ф. 179). Десять писем охватывают почти десятилетие (1968–1977) и отражают необычайно плотный по политическим и культурным событиям период, на который приходится ввод войск в Чехословакию

¹ Прот. К. Фотиев — В. С. Варшавскому. 30 августа 1976 г. (ДРЗ. Ф. 291).

в 1968 г.; расцвет диссидентского движения и самиздата в СССР; появление на Западе памфлета А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968); выход в свет эпохального по значению для русской эмиграции «Архипелага ГУЛаг» в парижском издательстве «УМСА-Press» (1973–1975) и публикация в 1974-м в том же издательстве солженицынского «Письма вождям Советского Союза» и сборника «Из-под глыб»; знаменательная и неоднозначная встреча «старой» эмиграции с третьей волной и с новой советской интеллигенцией; программные выступления о. Александра Шмемана в эмигрантской прессе; укрепление позиций легендарного «Вестника РСХД» и появление в 1974 г. нового эмигрантского проекта — журнала «Континент» и т.д. И Владимир Варшавский, и Кирилл Фотиев находились в гуще событий: Кирилл Фотиев — как член редколлегии «Вестника РСХД», Варшавский — как ведущий «Радио Свобода» и как член «Русского кружка» Женевского университета, который в 1970-е благодаря усилиям профессора Жоржа Нива стал выдающимся центром русской культуры. Хранящаяся в Доме русского зарубежья переписка — бесценная хроника этой невероятно динамичной эпохи.

Между тем злободневные события 1970-х годов в письмах писателя подспудно пропущены через новоградскую рецепцию, а это, в свою очередь, придает документу особое звучание, обогащает эпистолярный стиль свойственной Варшавскому метафизикой *ожидания*. Мотив ожидания в творчестве Варшавского многосложен. В письмах к Фотиеву это *ожидание* от текущего момента «новоградской темы свободы и истины» (Варшавский, 2016: 372). После войны Варшавский развивал «новоградский метод» во многих статьях, рецензиях и эссе¹. Вот одна из его формулировок в рецензии на книгу Ф. А. Степуна «Встречи» (1962): «“Новый Град” вырос как синтез двух основных, долго казавшихся противоположными друг другу тенденций “русской идеи”. В самом главном — это вера, что существует общечеловеческое дело, которое должно быть совершено в этом мире и должно этот мир преобразить — недаром столько русских новоградцев начали с марксизма. Но это также и утверждение абсолютной, не зависящей от его общественных отношений, ценности каждого человека, призванного иметь жизнь вечную по ту сторону всех времен, — недаром новоградцы ушли от марксизма, с его антропологией, игнорирующей внутреннюю глубину человека» (Варшавский, 2016: 509).

¹ См.: К разговорам о Дудинцеве // Опыты. 1957. № 8. С. 100–104; Г. П. Федотов — певец свободы и Нового Града // Новое русское слово. 1958. 12 янв. № 16269; Заметки о прочитанном. «Встречи» Федора Степуна // Новый журнал. 1962. № 70. С. 127–134; *Nicolas Zernov*. The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century. Darton, Longman and Todd. London, 1963 // Новый журнал. 1964. № 76. С. 279–284; Перечитывая «Новый Град» // Мосты, 1965. № 11. С. 266–284; «Завещание» Бердяева // Русская мысль. 1973. 22 марта. № 2939; «Чевенгур» и «Новый Град» // Новый журнал. 1976. № 122. С. 193–213.

Многие сюжеты, обозначенные в эпистолярии, продолжили свое развитие за пределами приведенных здесь писем. Прежде всего здесь стоит упомянуть незавершенную книгу «Родословная большевизма», изданную после смерти писателя в 1982 г. в парижском издательстве «УМСА-Press». В ней Варшавский выступил, с одной стороны, как заочный участник дискуссии, развернувшейся под рубрикой «Судьбы России» на страницах «Вестника РСХД», а с другой — как заочный участник полемики вокруг сборника «Из-под глыб». Обе темы живо обсуждались Варшавским и Фотиевым в переписке, и обе в последней книге Варшавского претерпели своеобразную творческую эволюцию. Знаменательно постепенное сближение взглядов Варшавского с позициями сборника «Из-под глыб», о котором в письмах к Фотиеву писатель высказывался критически. Между тем в «Родословной большевизма» он выступил сторонником целого ряда положений московских авторов, и в первую очередь — статей «Образованщина» и «Раскаяние и самоограничение» Александра Солженицына (Васильева, 2019). Варшавский не противоречил самому себе — именно в диалогичности, способности к творческому усвоению новых идей, к синтезу множественных опытов русской мысли проявлялась его верность новоградской философской традиции. Последняя книга писателя стала существенным вкладом в разговор о судьбах России, который вела в 1970-е годы эмигрантская, западная и советская интеллигенция.

Тексты писем печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации и с сохранением индивидуальных особенностей написания, в частности, неточностей и отклонений от принятой сегодня формы написания иноязычных имен и собственных названий. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок. Одна из особенностей эпистолярия Варшавского — отсутствие дат на многих письмах. Ряд публикуемых писем также не помечен датой и датируется по содержанию.

Выражаю глубокую признательность за любезную помощь, оказанную в подготовке публикации, Жоржу Нива, Ивану Никитичу Толстому и Павлу Александровичу Трибунскому.

Литература

- Варшавский В. С. «Дневник безработного интеллигента» [рец.] // Новый Град. № 13. С. 179–183.
- Варшавский В. С. (1962). Заметки о прочитанном. «Встречи» Федора Степуна // Новый журнал. № 70. С. 127–134.
- Варшавский В. С. (1936). О происхождении и «общественном положении» человека // Новый Град. № 11. С. 127–130.
- Варшавский В. С. (1938). «Третья Россия» [рец.] // Новый Град. № 13. С. 175–179.

- Варшавский В. С.* (2016). Ожидание: проза, эссе, литературная критика / сост., подгот. текста и коммент. Т. Н. Красавченко, М. А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Книжница.
- Васильева М. А.* (2010). О Владимире Сергеевиче Варшавском // *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь. С. 405–424.
- Васильева М. А.* (2019). Через «Новый Град» и «Вехи»: Владимир Варшавский об Александре Солженицыне // *Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки.* 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 100–114.
- Киселева М. С.* (2018). Проект человека «Нового града». Ф. А. Степун и В. С. Варшавский // *Вопросы философии.* № 6. С. 144–154.
- Флам Л.* (2006). Протоиерей Кирилл Фотиев // *Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания / Ред.-сост. Л.С. Флам.* М.: Русский путь. С. 107.
- Шмеман А., прот.* (1982). Об авторе // *Варшавский В. С.* Родословная большевизма. Париж: YMCA-Press. С. 2.

References

- Kiseleva M. S.* (2018). Proekt cheloveka «Novogo grada». F. A. Stepun i V. S. Varshavskij // *Voprosy filosofii.* № 6. S. 144–154.
- Flam L.* (2006). Protoierej Kirill Fotiev // *Sud'by pokoleniya 1920–1930-h godov v emigracii: Oчерki i vospominaniya / Red.-sost. L.S. Flam.* М.: Russkij put'. S. 107.
- SHmeman A., prot.* (1982). Ob avtore // *Varshavskij V. S.* Rodoslovnaya bol'shevizma. Parizh : YMCA-Press. S. 2.
- Varshavskij V. S.* «Dnevnik bezrabortnogo intelligenta» [rec.] // *Novyj Grad.* № 13. S. 179–183.
- Varshavskij V. S.* (1962). Zametki o pročitannom. «Vstrechi» Fedora Stepuna // *Novyj zhurnal.* № 70. S. 127–134.
- Varshavskij V. S.* (1936). O proiskhozhdenii i «obshchestvennom polozhenii» cheloveka // *Novyj Grad.* № 11. S. 127–130.
- Varshavskij V. S.* (1938). «Tret'ya Rossiya» [rec.] // *Novyj Grad.* № 13. S. 175–179.
- Varshavskij V. S.* (2016). Ozhidanie: proza, esse, literaturnaya kritika / sost., podgot. teksta i komment. Т. N. Krasavchenko, М. А. Vasil'evoj. М.: Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenicyna: Knizhnica.
- Vasil'eva M. A.* (2010). O Vladimire Sergeeviche Varshavskom // *Varshavskij V. S.* Nezamechennoe pokolenie. М.: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenicyna; Russkij put'. S. 405–424.
- Vasil'eva M. A.* (2019). SHerez «Novyj Grad» i «Vekhi»: Vladimir Varshavskij ob Aleksandre Solzhenicyne // *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki.* Т. 21. № 1 (184). S. 100–114.

ПИСЬМА ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО К ПРОТОИЕРЕЮ КИРИЛЛУ ФОТИЕВУ (1968–1977)

Подготовка текста и комментарии М. А. Васильевой

LETTERS OF VLADIMIR VARSHAVSKY TO ARCHPRIEST KIRILL FOTIYEV (1968–1977)

Preparation of the text and comments by M. A. Vasil'eva

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-129-150

1

Не позднее сентября 1968 г., Мюнхен¹

Дорогой отец Кирилл, были очень рады получить Ваше письмо. Отвечаю Вам я один, Таня² опять в отъезде «на отхожих промыслах»: Япония, потом Аргентина. Порадовались за Вас, что Вас перевели в Нью-Йорк, хотя быть секретарем митрополита, верно, нелегко³. Мы были ужасно подавлены оккупацией Чехословакии. Меня посылали на философский съезд в Вену⁴. Там чехословацкая трагедия еще ощутимее. В городе много чехов и словаков, да и на съезде было много чехов. По сравнению с тем, что они говорили и как они говорили, с каким горем, все остальное было даже неловко слушать. Выступления же советских «философов» были совершенно позорные. Аудитория даже не возмущалась, а просто хохотала. Если не знать, что такие «философы», как Федосеев⁵, — это просто представители органов, то можно было бы подумать, что по ошибке послали клоунов. Даже такой настоящий

¹ ДРЗ. Ф. 179. Автограф. Авторучка, синие чернила. Датируется по содержанию.

² Варшавская Татьяна Георгиевна (урожд. Дерюгина; 1923–2019), профессиональный переводчик, супруга В. С. Варшавского.

³ Митрополит Ириней (в миру Иван Дмитриевич Бекиш; 1892–1981). На XII Соборе Северо-Американской митрополии 23 сентября 1965 г. был избран новым архиепископом Нью-Йоркским, митрополитом всея Америки и Канады.

⁴ Очередной, XIV Всемирный философский конгресс состоялся 2–9 сентября 1968 г. в Вене. В конгрессе приняли участие представители 60 стран, в том числе из социалистического лагеря, советскую делегацию представляли 43 участника. Конгресс проходил на фоне обострившейся политической обстановки в связи с вводом советских войск в Чехословакию, что стало также предметом дебатов в Вене. «На пленарном заседании Венской конференции практически все доклады членов делегации Советского Союза сопровождались свистом и возгласами “Танки, танки”, доносящимися из зала (подразумевались танки, введенные Советским Союзом в Чехословакию). То был настоящий бойкот» (Брутян, 2010).

⁵ Федосеев Петр Николаевич (1908–1990), советский философ, социолог и общественный деятель. На Всемирном философском конгрессе в Вене возглавлял советскую делегацию, на коллоквиуме выступил с докладом «Марксизм и социальные проблемы XX столетия» (Иовчук, Грецкий, 1969).

ученый, как Амбартсумян¹, говорил вещи, которые было стыдно слушать, а бедных чехов душат. Кто-то правильно назвал это духовным геноцидом. Единственная надежда, что это чудовищное преступление они совершили из страха, в состоянии паники, так как у них уходит земля из-под ног, зато какой молодец Сахаров²! Этот разрыв между невежественным и архаическим руководством и новой научной и творческой интеллигенцией становится все очевиднее. И этот ров будет все углубляться. Я вполне допускаю, что в ближайшие два года могут произойти очень глубокие изменения. Опасность только в том, что неосталинцы, чувствуя, что им приходит конец, успеют еще наделать много бед.

Есть ли какой-нибудь шанс, что Вас пошлют в Европу по делам службы? Очень бы хотели Вас увидеть. Мы даже не знали, что о. Александр³ был в Париже. Как жалко, что он не мог приехать в Мюнхен. А как Борис Пушкарев⁴? В Мюнхене мне приходится много работать в условиях не очень приятных⁵. Но сам город довольно милый, был бы еще милее, если бы его населили итальянцами.

Шлем Вам сердечный привет. Верим, как чехи, что «правда победит».

Ваши (пишу от Таниного имени) *Варшавские*. Всем друзьям, пожалуйста, привет и любовь.

2

9 марта 1973 г., Париж⁶

9. 3. 73

Дорогой отец Кирилл,

не знаю, получили ли Вы мое предыдущее письмо, боюсь повторяться, но все-таки еще раз хочу Вас поблагодарить за Вашу замечательную рецензию на мою повесть. Сегодня, наконец, 86 номер «Граней» дошел до Парижа⁷. Мне очень хотелось бы, чтобы «Ожидание» хотя бы в какой-то степени такой хоро-

¹ Амбарцумян Виктор Амазаспович (1908–1996), выдающийся советский ученый, один из основателей теоретической астрофизики. На конгрессе в Вене выступил с докладом на пленарном заседании «Философия и естествознание».

² Имеется в виду меморандум А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968; впервые опубликован в амстердамской газете «Хет Парол», а затем в «Нью-Йорк Таймс», эмигрантском «Новом русском слове» и многих других западных периодических изданиях; активно обсуждался в эфире «Радио Свобода», где работал Владимир Варшавский).

³ Протоиерей Александр Шмеман (1921–1983), священнослужитель Православной церкви в Америке, богослов, проповедник. Друг семьи Варшавских.

⁴ Пушкарев Борис Сергеевич (р. 1929), сын историка С. Г. Пушкарева. С 1949 г. в США. Председатель НТС (Нью-Йорк), руководитель русского издательского дома «Посев».

⁵ Весной 1967 г. Варшавский с супругой переехал из США в Мюнхен, где продолжил работать на «Радио Свобода».

⁶ ДРЗ. Ф. 179. Автограф. Авторучка, черные чернила.

⁷ Имеется в виду рецензия на повесть В. Варшавского «Ожидание» (Париж: YMCA-Press, 1972).

ший отзыв заслуживало. Еще раз повторяю: Вам пришло, мне кажется, время писать не только рецензии, но и «эссеи» о значении литературы 19-го века. Это, так сказать, специальная литература, литература по специальному вопросу «великой и последней борьбы, которая предстоит человеческим душам» (цитирую Шестова по памяти)¹. С формальной точки зрения и Бунин, и Набоков писали намного лучше, чем Толстой и Достоевский. Но в их стилистически восхитительных произведениях (да не только стилистически, есть у них и абсолютно прекрасные картины природы) нет, как в произведениях Толстого и Достоевского, а теперь Солженицына, самого главного: тех требований милосердия и братства, которые с проповедью Евангелия вошли в мир, подчиненный слепым и жестоким законам естественного отбора и борьбы за существование, а именно эти «неразумные» требования братства придают человеческое значение нашей жизни. При всем моем малодушии и эгоизме я хотел бы им служить, хотя бы только словом, поскольку я не способен на героизм дел.

Прочел «с волнением духа» заметку о. Александра о Бродском (до нас «Н^овое» русское слово» доходит из вторых рук и с астрономическими опозданиями). Я слишком мало знаю стихи Бродского, чтобы иметь собственное суждение, но приведенные о. Александром производят очень сильное впечатление.

Мы все еще в Париже. К моему ужасу, наша квартира будет готова только к концу апреля. А до тех пор жить мне без своего стола, без своих книг и без возможности по-настоящему сосредоточиться².

Очень мечтаем о встрече с Вами в Европе. Я Вам уже писал, что мы будем с середины сентября в Торремолинос. Вот бы Вы приехали. Таня Вам напишет подробнее о наших будущих кочевьях.

У Вас, верно, появится молодой американский литературовед Питер Любин (из русских евреев, но уже третье поколение в США), очень милый, восторженный, немножко смешной и сумасшедший (считает, что Америка должна потребовать, чтобы Советский Союз отдал Ленинград русским эмигрантам). Одна беда — преклоняется перед Набоковым и за непочтительный отзыв о Набокове способен вызвать на дуэль³. Преклоняется перед Набоко-

¹ Скорее всего, имеется в виду фраза: «Там, где для разума с его измерениями все кончается, там начинается великая и последняя борьба за возможность. От криков и воплей Иова, как от иерихонских труб, валятся крепостные стены: открывается новое, небывалое измерение мышления» (Шестов, 1964: 295).

² Варшавский работал на «Радио Свобода» до 31 марта 1972 г., после чего переехал с супругой в Париж, где их приютил друг семьи Борис Юльевич Физ. Кочевой образ жизни закончился, только когда Варшавские смогли обосноваться в 1974 г. в своей квартире в городке Ферней-Вольтер на франко-швейцарской границе.

³ Одна из наиболее цитируемых статей литературоведа появилась в специальном номере журнала «Трикуотерли» к 70-летию В. В. Набокова (Lubin, 1970), сам Набоков о ней отозвался весьма доброжелательно в «Anniversary Notes» (1970).

вым и Володя Тельников¹, не замечая, что Набоков ко всему рассказанному в Евангелии относится, вероятно, не без иронии.

Вот, дорогой о. Кирилл, еще раз спасибо (хотя, кажется, не принято благодарить за рецензии)...

До скорой, надеюсь, встречи.

Ваш В. Варшавский

3

30 мая 1973 г., Париж²

Понедельник 30-го мая 73

Дорогой отец Кирилл,

спасибо за Ваше письмо от 29 мая. Получил его еще в Париже. С нашим переездом все задержки: то квартира не готова, то французское консульство мудрит. Когда нас смогут наконец перевезти, все еще не установлено. Я знаю, что отец Александр уже в Париже, но вряд ли его увижу, разве что мой отъезд «пойдет в оттяжку» и я останусь здесь до съезда РСХД. Я согласен с Вами, что 106 номер «Вестника» чрезвычайно интересен. Что касается спора о судьбах России, то у меня тут особое мнение³. Как только переедем, напишу в «Русской мысли» об опасных уклонах этого спора⁴. Эпиграфом возьму фразу из одного письма Левитина-Краснова⁵ к М. (думаю, это Миша Меерсон⁶, он, верно, эти письма и привез). Вот эта фраза Левитина: «...в моем доме, как только кто-нибудь начинал охаивать какой-нибудь народ (русских, евреев, татар и т.д.), я тут же указывал на дверь». Если бы мы все так поступали, в мире было бы меньше ненависти и проливалось бы меньше крови. Всякое огульное охаивание какого-нибудь народа (так же, впрочем, как и всякое огульное восхваление того же народа) никогда к добру не вело. Я полностью

¹ Тельников Владимир Иванович (1937–1998), переводчик, педагог, общественный деятель, правозащитник, политзаключенный (1957–1963); участник петиционной кампании вокруг «Процесса четырех» (1968). В 1971 г. эмигрировал в Израиль, потом переехал в Великобританию, работал на радиостанции «Би-би-си».

² ДРЗ. Ф. 179. Авторизованная машинопись.

³ Имеется в виду постоянная рубрика «Судьбы России», введенная «Вестником РСХД» с 1969 г.; в № 106 журнала под этой рубрикой были помещены статьи прот. А. Шмемана «О духовности, церковности и мифах», П. Державина «Заметки о национальном возрождении», К. Житникова «Закат демократического движения» и др.

⁴ Скорее всего, речь идет о статье Варшавского «О расизме» (Новое русское слово. 1973. 8 дек. № 23179).

⁵ Левитин Анатолий Эммануилович (псевд. Краснов, Краснов-Левитин, Левитин-Краснов, А. Краснов; 1915–1991), церковный писатель, публицист, диссидент, автор самиздата, выступал против антицерковных статей в советской печати. В 1974 г. уехал из СССР, обосновался в Люцерне (Швейцария).

⁶ Протоиерей Михаил Меерсон (Meerson; Меерсон-Аксенов Михаил Георгиевич; г.р. 1944), настоятель храма Христа Спасителя в Нью-Йорке, доктор богословия. Обратился к вере в 1965 г. под влиянием прот. Александра Меня, в общине которого занимался правозащитной деятельностью. В 1972 г. эмигрировал во Францию, затем переехал в США. Окончил Свято-Владимирскую академию, рукоположен в 1978 г. В 1974–1993 гг. вел передачи религиозной тематики на «Радио Свобода».

и со всей силой убеждения согласен с Вами, что вселенскость и персонализм должны предшествовать в смысле иерархии ценностей всякому этническому самоутверждению. В наше время такое самоутверждение особенно опасно: мир стал мал и тесен, судьбы всех народов связаны друг с другом, быть или не быть, решится для всех людей вместе. Поэтому исключительная сосредоточенность на анализе прошлого только одного какого-нибудь народа мне кажется сомнительным предприятием¹. Вот почему меня огорчает провинциальный характер этого спора о судьбах России, и я вовсе не уверен, что этот спор свидетельствует, как это думает Никита Струве, о начавшемся выздоровлении². Да, это реакция на официальную идеологию, но это не альтернатива, а для того, чтобы эта омертвелая идеология рухнула, нужна именно альтернатива, причем альтернатива асимптотическая в масштабе всего рода человеческого. Перед новым поколением в России, как и во всех странах, стоит задача не суда над прошлым, а задача пересмотра структуры общества на всей планете с целью придать этому обществу человеческое лицо. (Кстати, кое-кто из солидаристов это понимает, мне кажется.)

Мне трудно судить со стороны о споре отца Александра с обвинителем Солженицына³. У меня есть друзья в патриаршей юрисдикции. Они все с болезненной страстностью осуждают Солженицына за его письмо Патриарху⁴. «Да, — говорят они, — он великий писатель, но в делах церкви невежда». Я понимаю, какая это для них трагедия, и их не сужу — ведь для них дело идет об оправдании всего выбранного ими пути. Если Солженицын прав, то вся их жизнь ошибка. Но когда я слушаю их доводы, мне кажется, что они, не отдавая себе в этом отчета, на самом деле по-настоящему не верят, что врата ада не могут церковь одолеть. Отсюда и их нежелание понять, что спасение церковной организации путем компромиссов — это вовсе не спасение, а внутреннее поражение церкви. (Так костры инквизиции были не торжеством католичества, а страшным и, может быть, непоправимым внутренним его поражением.) Так что, как говорят в Советском Союзе, «в основном» я в этом споре полностью на стороне отца Александра. Но у меня много возражений

¹ Этой теме Варшавский посвятил статьи «О расизме», «Родословная большевизма» (Новый журнал. 1976. № 125. С. 234–250); «Татарское иго и Великий инквизитор» (Новый журнал. 1977. № 128. С. 198–223), которые потом вошли в итоговую книгу «Родословная большевизма» (Париж: YMCA-Press, 1982; издана посмертно).

² Имеется в виду: Струве, 1972: 3–4. В статье упоминался тематический блок статей авторов советского самиздата под условным названием «Метанойя» (Вестник РСХД. 1970. № 97). С полемическим ответом «Метанойе» выступил А. И. Солженицын, в том числе в статьях «Раскаяние и самоограничение» и «Образованщина», которые вошли в сборник «Из-под глыб» (1974).

³ См.: Шмеман А., прот., 1972.

⁴ Имеется в виду «Великопостное письмо» патриарху Пимену Солженицына. Письмо было написано на 4-й неделе Великого Поста (март 1972) и послано патриарху почтой, а вскоре появилось в самиздате и в русской эмигрантской и западной прессе. В России впервые опубликовано в журнале «Слово» (1989. № 12).

на его безоговорочное осуждение мифов. Даже если говорить о мифах только как о чем-то выдуманном, то вовсе не все они были губительны, как «Миф двадцатого века» Розенберга¹, на который ссылается отец Александр². История знает и мифы добротворческие. Так, придуманный в начале 19-го века миф, что будто бы при саксонском короле Альфреде Великом Англия была подлинно демократической, сыграл огромную роль в борьбе за утверждение в Англии правового государства, этого, во всяком случае для меня, одного из священных краеугольных камней западного мира.

Меня очень обрадовало то, что Вы пишете о Мише Меерсоне-Аксенове, в этом деле я еще меньше судья, чем в споре о письме Солженицына, но я убежден, что с Мишей нужно обращаться именно так, как вы пишете, с любовью и бережно. К сожалению, я его совсем не вижу.

Получил из Вены письмо от Никиты Кривошеина³. Он переводит там на той же конференции, где Таня. Он страшно взволнован свиданием с его ближайшим другом Андреем Волконским⁴, которого наконец выпустили на Запад.

Я говорил с Мюнхеном по телефону. Евгений Иванович⁵ с каждым днем угасает. Надежды никакой. И он очень мучается. Посторонних к нему больше не пускают. Мы так же, как и Вы, его очень любим. На мюнхенском безлюдье общение с ним очень нас душевно поддерживало. Таких людей, как он, мало. Встреча с такими людьми помогает жить и верить в человеческое

¹ «Миф XX века» (Der Mythos des zwanzigsten Jahrhunderts; 1930) — программный трактат идеолога германского национал-социализма Альфреда Розенберга (Rosenberg; 1893–1946).

² Варшавский отсылает к следующим строкам: «Человеку свойственно мифотворчество, в нем выражает он свои верования, свое мироощущение, свое понимание мира и жизни. Но поскольку это верование, это мироощущение, это понимание могут быть ложными, ложным и даже губительным может быть и миф, воплощающий их. Христианству потребовалось положить много усилий, чтобы преодолеть эллинский “миф вечного возвращения” или гностическую редукцию к мифу самого христианства. Но ведь и сейчас мифы, страшные мифы — владеют миром. Ведь еще совсем недавно на нашей памяти миллионы людей были заморожены “Мифом XX века” Розенберга, и неужели все это еще требует доказательств? Неужели не ясно, что на какой-то последней глубине христианство всегда было, есть и будет разоблачением мифов, вечно затемняющих человеческое сознание, и духовным освобождением от них?» (Шмеман, 1972: 250).

³ Кривошеин Никита Игоревич (р. 1934), писатель, переводчик, общественный и политический деятель русской эмиграции.

⁴ Волконский Андрей Михайлович (1933–2008), композитор, клавесинист. Родился в Женеве, в тринадцать лет поступил в Парижскую консерваторию. В 1947 г. вместе с родителями реэмигрировал в СССР. Продолжил обучение в Мерзляковском училище и Московской консерватории. В 1965 г. основал ансамбль старинной музыки «Мадригал». С 1962 г. его произведения в СССР не исполнялись. В 1973 г. эмигрировал на Запад, сперва жил в Риме, затем в Швейцарии и во Франции. См.: Туманов, 2014.

⁵ Гаранин Евгений Иванович (1915–1973), юрист. Участник власовского движения. Работал в лагере для перемещенных лиц Менхегоф под Касселем. Переехал в Марокко. В 1954 г. вернулся в Германию. Возглавлял службу пропаганды и информации НТС. Был редактором журнала «Наши дни» (1955–1966), а также сотрудником издательства «Посев» и руководителем Русской редакции «Радио Свобода». См. о нем: Евгений Иванович Гаранин [некролог] // Посев. 1973. № 7. С. 12.

действие. И бедную его жену ужасно жалко, и дочку. Они все так друг друга любят.

Бедный Алеша Якушев, вот беспокойная душа! Есть ли там кто в Мичигане, кто мог бы за ним приглядывать?

Шлю Вам сердечный привет. Спасибо еще раз за письмо.

Ваш *В. Варшавский*.

О встрече в Испании напишет Вам Таня, я перешлю ей Ваше письмо в Вену.

Только что получил письмо от Тани из Вены от субботы. Она пишет, сидя на вокзале: «Еду в Мюнхен, звонила Гараниным, они очень просили приехать. Евг<ению> Иван<овичу> дают морфин, и он главным образом спит. Буду у них только одну ночь. В воскресенье вечером вернусь».

4

24 января 1975 г., Ферней-Вольтер¹

24. 1. 75

Дорогой отец Кирилл,

очень рад, что переписка наша снова наладилась. Постараюсь ответить на Ваши вопросы с полной искренностью и прямоотой. От «Континента» я ждал большего. Столько имен, я думал, первый номер станет событием². А осталась в памяти только статья Синявского³, блеск и сила, главная его идея мне, впрочем, не по душе. Еще, пожалуй, одно стихотворение Бродского и умная статья поляка из Варшавы. К сожалению, Вы очень мало написали о Ваших впечатлениях о сборнике «Из-под глыб»⁴. С тем же, что Вы написали, я совершенно согласен, в особенности с Вашим возражением Шафаревичу. Я только дальше иду, Вы говорите: в основе зарождения социализма лежало стремление к справедливости, в которой отказало миру «христианское» общество; я прибавляю: справедливость эта была обещана христианством, и многие христианские деятели за нее боролись и социальную несправедливость обличали. Сила соблазна марксизма именно в том, что он, хотя и в искаженном виде, вырос на этом принесенном христианством видении общества абсолютной справедливости, братства и любви. Говоря упрощенно: если бы церковная иерархия пошла по пути Франциска Ассийского, а не по

¹ ДРЗ. Ф. 179. Авторизованная машинопись.

² Первый номер журнала «Континент» (гл. редактор В. Е. Максимов) вышел в 1974 г. Среди авторов: Александр Солженицын, Эжен Ионеско, Андрей Сахаров, Иосиф Бродский, Абрам Терц (Андрей Синявский), Игорь Голомшток, Александр Пятигорский, Милован Джилас, Людек Пахман, Карл Густав Штрём, Зинаида Шаховская, кардинал Йозеф Миндсенти и др.

³ См.: Терц, 1974.

⁴ Вполне возможно, Варшавский имел в виду статью за подписью «Ред.», посвященную сборнику «Из-под глыб» (Вестник РСХД. 1974. № 112/113 (II/III). С. 226–228).

пути превращения в привилегированную касту, успех марксизма был бы невозможен. В этом смысле 1848 год был критическим. Марксизм издыхает, но будет держаться до тех пор, пока еще не будет противопоставлена подлинно христианская идеология Небесного Иерусалима, сходящего на землю.

Я всегда верил, никогда не сомневался, что в России начнется религиозное и духовное возрождение и такая идеология возникнет. Как свидетельство начала такого возрождения сборник «Из-под глыб» меня обрадовал. Но одновременно и глубоко разочаровал. Я думал, что религиозное возрождение пойдет по пути, намеченному «Новым Градом», вместо этого оно пошло по пути повторения пройденного и пройденного, как мы знаем, не совсем благополучно: леонтьевская ненависть к прогрессу, «Дневник писателя», эмигрантские разговоры 20–30-х годов, вплоть до злосчастной, заимствованной евразийцами у немецкого романтизма идеи нации-личности. Тут я полностью согласен с Бердяевым: «в каком-то смысле собака и кошка более личности, более наследуют жизнь вечную, чем нация»¹... Между тем я полностью согласен с его идеями отказа от насильственной революции и проповедью революции нравственной. Но зачем обязательно связывать эту проповедь с положениями спорными и сомнительными: стабильная экономика, уход в Сибирь, огульное осуждение прогресса, Возрождения и Просветительства, и соблазнительные суждения о парламентской многопартийной системе, и отрицание важности общественных реформ. В Цюрихе он [Солженицын] два раза сказал: общественные преобразования ни к чему не приведут, пока люди не станут хорошими. По-моему, как раз наоборот: общественные преобразования как раз нужны, пока люди не стали хорошими, когда же люди станут хорошими, вот тогда никаких преобразований не нужно будет: тогда наступит Царство Божие на земле. Но это спор в том же роде, как спор, кто или что чему предшествует: курица яйцу или яйцо курице. Все это очень грустно: вместо того чтобы сосредоточиться на главном (как в великом «Архипелаг ГУЛаг»), сращивание этого главного со второстепенным и сомнительным. Смущает меня и манихейское упрощение истории. Вот в статье «Образованщина»: «До сих пор вся человеческая история протекала в форме племенных и национальных историй, и любое крупное историческое движение начиналось в национальных рамках, а ни одно — на языке эсперанто»². А как же христианство, которое началось как раз с выхода из национальных рамок и перешло на греческий язык, или Средневековье, которое сам Солженицын так высоко ставит? Разве средневековые монашеские и рыцарские ордены

¹ У Бердяева: «И в каком-то смысле собака и кошка более личности, более наследуют вечную жизнь, чем нация, общество, государство, мировое целое» (Бердяев, 1939: 25).

² Солженицын, 1974а: 246.

и университеты начинались в национальных рамках (в то время даже еще и не сложившихся), и разве кухонная латынь не была своего рода «эсперанто» тех веков? Или у Корсакова безапелляционное утверждение: «все мудрствования просветительства дали лишь конвент и гильотину»¹. Нет, неправда, не только конвент и гильотину, но и английскую конституционную правовую монархию, и демократию Соединенных Штатов (о которой, кстати, Вы очень хорошо написали в «Вестнике»²).

Буду закругляться: при всем моем преклонении перед духовным подвигом этих людей и их глубокой верой я не могу многие из их идей принять... По-прежнему продолжаю верить в появление движения, близкого к новоградскому³. Может быть, Краснов-Левитин новоградец по духу? С большим интересом жду с ним встречи. Вы пишете, у отца Александра Шмемана не было впечатления, что Исаич признает лишь собственную «генеральную линию», наоборот, готов слушать. Такое же было впечатление у М. Л. Слонима⁴. Но прочтите полемические пассажи в его статьях. Нет, он настоящий Аввакум, а терпимым протопоп быть не мог по самой своей природе: огненной, героической, но неистовой...

¹ Ф. Корсаков — псевдоним Феликса Григорьевича Светова (наст. фам. Фридлянд; 1927–2002). В тексте его статьи: «Утверждая недостаточность для современного человека и современного философского мышления — Откровения, Слова, запечатленного в творениях Святых Отцов и Божественной Литургии, мы апеллируем к “современному” — к западным философским системам, к просветительскому гуманизму, забывая о том, что все мудрствования просветительства дали лишь Конвент и гильотину, а бескорыстие и чистота русского нигилизма и народовольчества — Лубянку и Колыму» (Корсаков, 1974: 164).

² Скорее всего, имеется в виду статья: *Фотиев К., прот.* Американский катарсис // Вестник РСХД. 1974. № 112/113 (II/III). С. 116–121.

³ В ответном письме (4 февраля 1975) прот. Кирилл Фотиев писал: «О необходимости “новоградской” прививки и мышления молодых христиан — в частности авторов статей сборника “Из-под глыб” — полностью согласен с В. С. Существует ли нация-личность или нет — об этом можно долго спорить, но для меня несомненно, что национальные культуры цвели святыми, а не ядовитыми цветами только тогда, когда созидатели этой культуры помнили об универсализме христианской проповеди и о всечеловеческом братстве... Но вопрос о взаимоотношениях между “христианством” и “миром” бесконечно сложен... Христианство, которое до конца “уляжется” в рамки просвещенного и гуманного общества и исподволь будет его совершенствовать — перестанет быть христианством, ибо ограничится Нагорной проповедью и забудет о Голгофе. (Так пытался “подправить” христианство Толстой.) И Франциска Ассийского Вы стилизуете на свой лад, Владимир Сергеевич, он у Вас — без стигмат. Его “тихий свет” был бы заурядной сентиментальностью, если бы за ним не стояло страшное брение, стон, пот и слезы, которым побеждалась его немощь, как падшего человека, и начинал в нем сиять Христос, который, по Паскалю, “в агонии до конца дней”. Любовь к этому миру неотделима для христианина от памяти о том, что “проходит образ мира сего”... Истина всегда антиномична, однозначных решений нет. И именно эта “взъерошенность” христианства была в одинаковой мере неприемлема и для Кайафы, и для Пилата — они были за разумный, умеренный стиль, а эти “лохмачи” болтали о “царстве истины”, о конце мира и на базаре смущали этим темный народ... Тема неисчерпаема, потому, до времени, умолкаю» (ДРЗ. Ф. 291). Схожие мысли будут высказаны прот. Кириллом Фотиевым в статье «По поводу письма А. И. Солженицына» (Вестник РСХД. 1974. № 114 (IV). С. 89–95).

⁴ Слоним Марк Львович (1894–1976), политический деятель, публицист, литературовед, журналист; многолетний знакомый и первый публикатор Варшавского.

Зинаида Шаховская предложила мне написать о сборнике «Из-под глыб»¹. Я отказался. По двум причинам: во-первых, не хочется спорить с людьми, которые не могут ответить и которые страдают. Во-вторых, я придаю огромное значение «Архипелагу ГУЛаг» и не хотел бы моей критикой «Из-под глыб» хотя бы на миллионную долю подорвать то впечатление, которое «Архипелаг» произвел в мире...

Да, Вероника Туркина² нам очень понравилась, но разговорились мы с ней и познакомились, когда уже уходили, стоя на крыльце. Очаровательная и дружелюбная, и без той настороженности, с какой «оттуда» встречают эмигрантов. Вот только жена Максимова такая же³. А сам Максимов⁴ человек редкого ума, но в нем что-то трагическое, он не только под влиянием Достоевского, но сам как герой Достоевского, все три брата Карамазова в одном лице.

Привет друзьям. Ваш план вырваться в Европу приветствуем со страшной силой.

Ваш *В. Варшавский*

5

28 мая 1975 г., Ферней-Вольтер⁵

28. 5. 75

Дорогой отец Кирилл,

простите, что так долго молчали. Все у нас хорошо, но времени больше не стало, не в метафизическом, конечно, а в житейском плане. Всё поездки, гости, и оба были очень заняты, каждый по-своему. Не хотелось писать впопыхах, а на письмо «с расстановкой» не доходили руки.

Начну с последнего Вашего письма. Положение еще никогда не было таким грозным. Если свободный мир не опомнится, тогда конец. Вили Брандт⁶ будто бы кому-то сказал, что демократии осталось жить не больше двадцати лет. Но я надеюсь, что Запад спохватится. Но время напряженное и страшное...

¹ Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001), литератор, мемуаристка, главный редактор газеты «Русская мысль» (Париж, 1968–1978), друг семьи Варшавских. Как постоянный автор «Русской мысли», Варшавский принял участие в дискуссии вокруг «Письма вождям Советского Союза» (1974) Александра Солженицына (см.: Варшавский, 1974), однако вскоре из дискуссии вышел.

² Туркина-Штейн Вероника Валентиновна (р. 1926), жена известного правозащитника, кинорежиссера-документалиста Юрия Генриховича Штейна. Вместе с мужем в 1972 г. покинула Советский Союз, прожила тридцать лет в Нью-Йорке, в 2002-м вернулась в Москву.

³ Максимова Татьяна Викторовна (урожд. Полторацкая; р. 1945), журналист, жена В. Е. Максимова.

⁴ Максимов Владимир Емельянович (наст. имя и фам. Лев Алексеевич Самсонов; 1930–1995), писатель, публицист, редактор, создатель журнала «Континент» (Париж; Москва: 1974–2013).

⁵ ДРЗ. Ф. 179. Авторизованная машинопись.

⁶ Брандт Вилли (Brandt; 1913–1992), федеральный канцлер ФРГ (1969–1974), председатель Социал-демократической партии Германии (1964–1987), президент Социалистического интернационала (1976).

Вестник РСХД еще до конца не прочел. Очень интересно «Слово разрушит бетон»¹. Неясное чувство, что анахронизм, написанное уже в эмиграции и свидетельствует, что Исаич продолжает об этих вопросах думать. Комическое впечатление производит статья Гришина². Подобрал букет густопогромных цитат из Достоевского, он, ничем свое мнение не обосновывая, невозмутимо заявляет, что Достоевский антисемитом не был. О Вашей статье³ как человеку не церковному мне трудно судить, но мне многое в ней понравилось, особенно мысль, что «национальные культуры цветут святыми, а не ядовитыми цветами, только, когда созидатели данной культуры помнят об универсализме, христианской проповеди и об ею вдохновленном всечеловеческом братстве...»⁴. Одна из трагедий всех русских споров как раз в непонимании, что национальное может цвести и святыми, и ядовитыми цветами, и так же все другие явления человеческой цивилизации. Наши же споры всегда основаны на огульных суждениях: просветительство — зло, а романтизм — добро (или наоборот), либерализм — зло, а социализм — добро (или наоборот), и т.д. А все эти явления могут приносить и добрые, и худые плоды, и каждое из них сплав многих разных элементов в разных изменчивых сочетаниях, в каждом есть и хорошее и плохое. Вот почему от манихейских суждений, по-моему, лучше воздерживаться.

Мне очень понравилось, что Исаич писал о русской инквизиции⁵. Но почему он говорит только о старообрядцах, но ничего о преследовании сектантов, о принудительном обращении инородцев и т.д.?

На меня хорошее и сильное впечатление произвело письмо в редакцию Шрагина⁶. Написано достойно, благородно и без злобы. Урок многим нашим пылким полемистам. Зато глубоко огорчила статья нашего друга В. В. Вейдле⁷. И ретроградно, и неубедительно. Например, он видит одни из главных грехов социализма в уничтожении всех неравенств и всех иерархий, а того, что коммунисты на самом деле построили общество насквозь иерархическое и в этом обществе царит страшное, вопиющее неравенство, он не замечает. Читая подобные статьи, с тоской думаешь: если такие идеи противопоставляются марксизму-ленинизму, то царство коммунистов будет стоять еще тысячу лет.

¹ См.: Солженицын, 1974б.

² См.: Гришин, 1974.

³ См.: Фотиев К., прот., 1974.

⁴ Варшавский приводит цитату с незначительными разночтениями.

⁵ Имеется в виду «Письмо А. Солженицына Третьему Собору “Зарубежной Русской Церкви”» (Вестник РСХД. 1974. № 112/113 (II/III). С. 96–111).

⁶ См.: Шрагин, 1974.

⁷ См.: Вейдле, 1974.

Три книги произвели на меня в последнее время большое впечатление: 1) конечно, «Теленок». После «Архипелага» это, по-моему, самая замечательная книга Исаича, 2) «Гоголь» Синявского и 3) «Жизнь Ивана Чонкина» Войновича (непостижимо, что «ИМКА-Пресс» «Гоголя» Синявского отказалась печатать).

Были недавно в Мюнхене. Видели там о. Александра. Но как всегда слишком коротко. Видели в последнее время довольно много людей оттуда. «Замести свой хвост», верно, связано еще с тем, что лиса замечает хвостом следы. Новый анекдот из Москвы — по случаю, что у Брежнева рак челюсти: готовится встреча на самом высоком уровне между Брежневым и президентом Помпиду¹.

О наших летних планах напишет Вам Таня. Спасибо за письма. Будем стараться обязательно с Вами в сентябре встретиться.

Ваш В. Варшавский

6

Не ранее 8 февраля 1976 г., Ферней-Вольтер²

Дорогой отец Кирилл,

наши письма, видимо, разошлись. О моем мнении о показании Любы Маркиш³ я Вам уже писал. А вот показания Плюща⁴ никакого сомнения не вызывают и, слава Богу, прогремели на весь мир.

Статья Плетнева о Гоголе Синявского⁵ действительно отвратительная⁶. Это уже второй недопустимо грубый выпад против него в «Новом журнале». Но сам Синявский тоже не божья коровка. До слез ненавидит Исаича и перессорился со всеми, даже с Максимовым. Все это ужасно грустно: только вредит общему делу. Пора эмигрантам научиться большей терпимости друг к другу и отказаться от ленинского рецепта — сначала бубновый туз на спину, а потом уже разбираться.

¹ Вероятно, имеется в виду предсмертная болезнь президента Франции Ж. Ж. Р. Помпиду, в ходе которой он должен был вести переговоры с Брежневым в марте 1974 г., примерно за полмесяца до ухода из жизни. *Прим. ред.*

² ДРЗ. Ф. 179. Авторизованная машинопись. Датируется по содержанию. В конце письма приписка от руки Т. Г. Варшавской (помещена в квадратные скобки).

³ Речь идет о показаниях Любы Маркиш (Халип), утверждавшей, что она стала в СССР жертвой испытаний химических отравляющих веществ. Показания были даны на первом Международном Сахаровском слушании по правам человека, проходившем в здании датского парламента (Копенгаген, 17–19 октября 1975).

⁴ Плющ Леонид Иванович (1938–2015), украинский и советский математик. Правозащитник, член Инициативной группы по защите прав человека в СССР. В 1972 г. был арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде, в 1973 г. помещен в днепропетровскую спецпсихбольницу, в результате масштабной международной кампании был освобожден, в 1976 г. вместе с семьей уехал из СССР. Показания Плюща были отражены в ряде публикаций, в том числе в издании: Ходорович, 1974.

⁵ Имеется в виду книга Абрама Терца (А. Синявского) «В тени Гоголя» (London: Overseas publ. interchange: Collins, с., 1975).

⁶ См.: Плетнев, 1975.

Я не литературный критик и писать о Гоголе Синявского не буду, занят статьями совсем другого рода, которые поглощают все мое внимание, время и силы.

К сожалению, некоторые новые действительно стараются вытеснить старых со всех «ключевых» постов. Первую и вторую эмиграцию они, как правило, презирают и считают, что только они знают как и что. В Мюнхене они почти всех старых уже выжили, не только постоянных, но и фрилансеров. Лично я не могу жаловаться, так как Матусевич¹ сказал, что он мои скрипты любит и будет всегда их пропускать, о чем бы я ни писал. Но вот мне сообщили, что против Слонима идет кампания. Я написал об этом Галичу². Ответа не последовало. Но тут приехал в Женеву Некрасов³, я ему все рассказал. Он сказал: «Вот б...и. Но подождите, я скоро буду в Мюнхене и поговорю». А теперь мы были в Париже и видели Некрасова. Он рассказал, что в Мюнхене действительно хотели остаточных стариков — Слонима, Вейдле, Бахра-

¹ Матусевич Владимир Борисович (1937–2009), литературовед, журналист, кинокритик, многолетний сотрудник «Радио Свобода» (1969–1995), главный редактор (1973–1976) и затем одновременно главный редактор и директор (1987–1992) Русской службы «Радио Свобода».

² Галич Александр Аркадьевич (1918–1977), поэт, сценарист, драматург, автор и исполнитель своих песен. В 1974 г. уехал из СССР, сперва жил в Норвегии, переехал в Мюнхен, где стал сотрудником «Радио Свобода», затем поселился в Париже. В архиве Дома русского зарубежья им. А. Солженицына хранится письмо В. С. Варшавского к А. А. Галичу от 27 ноября 1975 г. следующего содержания: «Глубокоуважаемый Александр Аркадьевич, вряд ли Вы меня помните. Меня зовут Владимир Варшавский. Мы познакомились в Женеве, в Русском кружке при университете. Обращаюсь к Вам и как к редактору культурных программ и как к одному из наследников “совестных судей” русской литературы. И обращаюсь вот по какому поводу. До меня дошли слухи, надеюсь, неверные, что на станции кое-кто поговаривает об “избиении” остаточных стариков, в том числе Марка Львовича Слонима. Пишет, дескать, на устарелом языке, советскому читателю чуждом и даже непонятном. Между тем о скриптах М. Слонима было много положительных отзывов как раз “оттуда”, “с той стороны”. Вообще сомневаться в ценности для “Либерти” его сотрудничества не приходится. Он, верно, единственный теперь человек в эмиграции, который следит за иностранной литературой: английской, американской, французской, итальянской, немецкой, не по переводам, а читая в подлиннике. К тому же он деятельный участник Пен-Клуба и его лично знают многие влиятельные американские политические, общественные и литературные деятели, что для станции очень важно. Но есть еще и человеческая сторона. Вот почему решил написать именно вам, а не кому-нибудь другому из руководителей Либерти. Несмотря на преклонный возраст (82 года) Марку Львовичу приходится работать, работать с больным сердцем, иначе не прожить. У него нет пенсии, кроме американской социальной, недостаточной для жизни и лечения. Повторяю, может быть, я напрасно всполошился, но если вышеупомянутые слухи все же обоснованы, то хочу верить, что Вы интересы Марка Львовича отстаите» (машинопись, копия; ДРЗ. Ф. 291). Ситуация, сложившаяся с М. Л. Слонимом, вписывается в более широкий контекст смены климата на «Радио Свобода». Так, старейшая сотрудница радиостанции Виктория Семенова-Мондич в письме (21 июня 1976) к исполнительному директору Ф. Рональдсу отмечала: «В течение последних лет на глазах всей радиостанции идет планомерная ликвидация русской редакции <...>. В Нью-Йорке, под разными предлогами, убран полностью или частично целый ряд сотрудников: Дудин, Адамович, Петровская, Коряков, Сандерс, Завалишин. В Париже, по настоянию Златкина, выгнаны Бахрах, Рутченко, Редлих. В Мюнхене на место уволенного Росинского сел Матусевич, на место выгнанного Рудина — Федосеева» (цит. по: Антошин, 2019: 26. См.: Колчина, 2010).

³ Некрасов Виктор Платонович (1911–1987), писатель, диссидент. В 1974 г. покинул Советский Союз, сперва остановился в Швейцарии, затем жил в Париже. Регулярно вел передачи на «Радио Свобода». В 1979 г. был лишен советского гражданства.

ха — ликвидировать. Но он вступился и доказал всем, что старики знают много такого, чего они не знают. Я уже знал о результатах этого вмешательства Некрасова. Слоним читал мне письмо от Лодизена¹. Письмо, полное реверансов. Лодизен пишет, что был у них Виктор Некрасов и убедил, как важно сохранить сотрудничество Слонима. Некрасов вообще хороший, добрый человек, верный товарищ.

Во Франции уныние: все допускают возможность победы на выборах в парламент левых, то есть победы «расширенного» сталинизма. Убедить социалистов, что их первых повезут на архипелаг ГУЛаг, никому пока не удается. Они наивно надеются, что смогут коммунистов обойти.

Устоит ли либеральная демократия перед мировым натиском сталинского тоталитаризма, вот самый главный, самый грозный теперь вопрос. Когда же Запад наконец спохватится?

Часто думаю об этом по ночам, когда не спится. А поговорить, обсудить все это не с кем.

Северная часть Испании, то, что мы видели, чудная: Саламанка, Бургос. Правда, мы только проехали. А где у Померанцевых² дом в Пиренеях? В Испании или во Франции?

Как Коржавин³? Всех нас тут обворожил.

Таня и я шлем Вам, дорогой отец Кирилл, сердечный привет.

Ваш *В. Варшавский*

[В воскресенье, 8-го фев<аля> скончалась Г. Н. Кузнецова⁴ (подружка Терентьевой⁵). Помолитесь за нее, милый отец Кирилл. Скажите Т. Г. Терентьевой, что смерть была прекрасная: она просто угасла после смерти Маргы Степун⁶ и заснула тихо и мирно, чтобы уйти в лучший мир.]

¹ Лодизен Джон (Lodeesen; 1934–1993), сотрудник (с 1969), затем начальник Программного отдела Русской службы «Радио Свобода», с 1984 г. — директор по вещанию в Американском бюро радио (Вашингтон), в дальнейшем — заместитель директора корпорации «Радио Свобода / Свободная Европа» (Вашингтон).

² Померанцев Игорь Яковлевич (р. 1948), писатель, поэт, журналист. С 1978 г. в эмиграции. Многолетний сотрудник «Радио Свобода».

³ Коржавин Наум Моисеевич (наст. фам. Мандель; 1925–2018), поэт, прозаик, публицист, переводчик. В 1973 г. эмигрировал в США, обосновался в Бостоне.

⁴ Кузнецова Галина Николаевна (по мужу Петрова; 1900–1976), поэтесса, писательница, мемуаристка, последняя любовь И. А. Бунина. С 1942 г. покинула Бунина, вместе с Марго Степун уехала в Германию, затем в США, в 1962 г. вернулась в Германию. Умерла в Мюнхене. Владимир и Татьяна Варшавские, проживавшие до 1972 г. в Мюнхене, постоянно с ней общались.

⁵ Терентьева Татьяна Георгиевна (1908–1986), заместитель главного редактора нью-йоркского Издательства имени Чехова.

⁶ Степун Маргарита (Марга) Августовна (1903–1972), оперная и эстрадная певица, сестра философа Федора Августовича Степуна. После смерти его жены Натальи Николаевны переехала вместе с Галиной Кузнецовой в Мюнхен, где ухаживала за братом.

7

26 ноября 1976 г., Ферней-Вольтер¹

26. 11. 76

Дорогой отец Кирилл,

спасибо за письмо. Вот оглянуться не успели, «как катит зима в глаза».

Никто, думаю, не может предсказать, что будет делать Картер². От него можно ждать всяких чудес. Но, как говорят американцы, нужно дать ему шанс. А Форд³ уж очень тупой и скучный, непроницаемый для лучей Аполлона, как у Пушкина череп отца Дельвига⁴.

Как Вам понравилась Исландия? Мы раз останавливались в Рейкьявике — был божественный холод, воздух прозрачный, как хрусталь, обжигающий, дивно живительный. А когда летели, видели на небе две зари одновременно: на западе и востоке.

Вы, верно, уж втянулись теперь в обычный ход вашей нью-йоркской жизни. Как прошла агапа с отцом Александром? У нас после Вашего отъезда гостил Краснов-Левитин. Невероятный дусик, личность воистину светлая и очаровательно-нелепая, хотя и в высшей степени духовно героическая. Какую страшную жизнь он прожил, и никакого ожесточения, никакой горечи. Человек он вряд ли умный, но что-то понял из слов «не ведают, что творят». К сожалению, никакого литературного дара, зато много душевных даров. Аскет, совершенно равнодушен к еде, но очень любит пирожные. Только когда он уехал, мы установили, что он спал не между простынями, а поверх одеяла, укрываясь пледом.

В Женеве в нашем кружке начался сезон⁵. Вчера был доклад Гладиллина⁶. Мне показалось, он человек не глупый, но без «шестых чувств». Рассказывал много интересного о советских писателях. Каждый новый человек «оттуда» помогает что-то разглядеть в советской действительности. Но того волнения, с каким я внимал первым выходцам с того (советского) света,

¹ ДРЗ. Ф. 179. Авторизованная машинопись.

² Картер Джимми (Carter; р. 1924), 39-й президент США (1977–1981).

³ Форд Джеральд Рудольф (Ford; 1913–2006), 38-й президент США (1974–1977).

⁴ Варшавский отсылает к строкам из стихотворения А. С. Пушкина «Послание Дельвигу» (1827): «Сквозь эту кость не проходил / Луч животворный Аполлона; / Ну словом, череп сей хранил / Тяжеловесный мозг барона, / Барона Дельвига».

⁵ «Русский кружок» при Женевском университете был основан в 1964 г. М. Л. Слонимом. Основателями кружка также были русские женеvцы Тихон Троянов и Сергей Крикорьян и французский славист Мишель Окутюрье. С 1972 г. «Русский кружок» возглавил французский славист Жорж Нива. См. об этом: Нива, 2015.

⁶ Гладиллин Анатолий Тихонович (1935–2018), писатель, диссидент, с 1976 г. в Париже, работал на радиостанциях «Радио Свобода» и «Немецкая волна».

я не чувствовал. Теперь ожидается повторное выступление Галича и сам Бродский пожалует. Но людей в русской Женеве трагически мало.

Дружим с Мишей Самариным¹, с которым Вам не привелось встретиться. Вы нашли бы в нем достойного соперника по части кулинарии. Вся их семья (Самариных) как-то глубоко и почти таинственно (для меня во всяком случае) связана с церковью. Думаю, Вам было бы очень интересно друг с другом.

Жалко, что Вы не видели Одоевцевой². Она, конечно, старушка, но все еще «весьма бодрая леди». Последний обломок Петербургских зим и Бродячей собаки. Вам было бы интересно с ней с точки зрения литературно-археологической.

Таня на неделю в Тунисе. Шлю Вам сердечный привет.

В. В.

8

28 апреля 1977 г., Ферней-Вольтер³

28. 4. 77

Дорогой отец Кирилл,

поздравляем Вас со светлым Праздником. Как у Вас всё? Как себя чувствуете, какие события были за это время в Вашей жизни и в Вашем мире дружеских встреч? Смогли ли передать Неизвестному⁴ нашу открытку? Так нехорошо вышло: его рождественскую с рисунком от руки открытку мы получили только недавно.

Пошлю Вам на днях мою статью в «Рус<ской> мысли» «Монпарнасские разговоры»⁵. Я цитирую в ней одно Ваше письмо, не называя Вас по имени.

У нас все по-прежнему. В здешнем нашем кружке ожидаются Амальрик⁶ и Бродский. Амальрик не герой моего романа. То умен и убедителен, то несет черт знает какую ахиною. Бродского мало читал, не могу сказать,

¹ Самарин Михаил Сергеевич (1929–2015), переводчик, диктор. В 1930 г. вместе с семьей выехал из России. Сперва проживал в Париже, затем в Женеве. Был многолетним диктором на парижской радиостанции «Голос Православия».

² Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя и фам. Ираида Густавовна Гейнике; 1895–1990), поэтесса, прозаик, автор известных мемуаров «На берегах Невы» (1967) и «На берегах Сены» (1983). Судя по дневниковым записям Варшавского 1970-х гг. (Дневник «Ионафан». ДРЗ. Ф. 291), он навещал Одоевцеву, приезжая на литературные вечера, которые та устраивала в старческом доме в Ганьи. См. также об этом: Герра, 2008.

³ ДРЗ. Ф. 179. Автограф. Авторучка, синие чернила.

⁴ Неизвестный Эрнст Иосифович (1925–2016), скульптор. В 1976 г. эмигрировал в США.

⁵ См.: Варшавский, 1977.

⁶ Амальрик Андрей Алексеевич (1938–1980), публицист, участник диссидентского движения в СССР, автор получившей большую известность книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (1969). В 1970 г. был арестован и осужден на три года, после отбывания срока вновь осужден (лагерь заменен на ссылку). В 1976 г. покинул Советский Союз.

что он мне нравится, но в его стихах, часто трудночитаемых, есть какая-то трагическая сила.

Во Франции плохо: если не случится чего-то непредвиденного, быть Миттерану¹ и Марше² у власти. Все разумные французы настроены очень мрачно. И нет человека. Бар прекрасный экономист и мужественный и честный человек, но у него нет харизмы политического вождя. А Жаккар, по-видимому, «слабак» (пользуюсь словом Сталина). А Картер что за человек, чего от него ждать? Он не раз уже удивлял и по-хорошему, и по-плохому. Прочел замечательную, по-моему, книгу Jean'a Delumeau³ «Le Christianisme va-t-il mourir?»⁴. Но не уверен, понравится ли она вам. Мне очень. Вот самая сжата формула его книги: «La réflexion de l'historien et l'espérance du chrétien se conjuguent pour montrer que Dieu, autrefois moins vivant qu'on ne la'cru est aujourd' hui moins mort qu'on ne la dit»⁵. Непонимание этого — главная ошибка пассеистов.

Шлем Вам сердечный привет.

Ваши *Таня и В. Варшавский*

9

Лето 1977 г., Ферней-Вольтер⁶

Дорогой о. Кирилл,

спасибо за письмо. Да, слава Богу, родимая европейская Троя еще стоит, но, как пелось в «Варшавянке»: «вихри враждебные веют над нами».

Кто же будет новым митрополитом⁷? Кого бы Вы хотели? Ведь Вам с ним работать. Или Вы получите новое назначение?

¹ Миттеран Франсуа Морис Адриен Мори (Mitterrand; 1916–1996), французский политический деятель. В 1965 г. основал оппозиционную де Голлю Федерацию демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС), в 1965 г. впервые участвовал в президентских выборах, возглавлял Социалистическую партию (1971–1981), президент Франции (1981–1995).

² Марше Жорж Луи Рене (Marchais; 1920–1997), французский политический деятель, генеральный секретарь Французской коммунистической партии (1972–1994). На президентских выборах 1974 г. выступил в поддержку Миттерана как единственного кандидата от коалиции левых сил.

³ Жан Делюмо (Delumeau; р. 1923), французский историк религии, член Академии наук Франции. Труды Делюмо по истории религии переведены на 12 языков мира, в том числе и на русский.

⁴ Delumeau. Le Christianisme va-t-il mourir? [Христианство, собирается ли оно умереть?] Hachette, 1977.

⁵ «Размышление историка и надежда христианина соединяются, чтобы показать, что Бог, когда-то менее живой, чем об этом думали, сегодня менее мертвый, чем об этом говорят» (фр.).

⁶ ДРЗ. Ф. 179. Автограф. Авторучка, синие чернила. Датируется по содержанию. В конце письма приписка от руки Т. Г. Варшавской (помещена в квадратные скобки).

⁷ Митрополит Феодосий (в миру Фрэнк Лазор; р. 1933). Был избран 25 октября 1977 г. на V Всеамериканском Соборе в Монреале предстоятелем Православной церкви в Америке с титулом Блаженнейший архиепископ Нью-Йоркский, митрополит всея Америки и Канады.

Записан ли доклад о. Александра на съезде «Духовная судьба России»¹? Очень у нас много об этой судьбе пишут, но всё как-то мимо. Может быть о. Александр сказал тут нужное направление?

Свадьба Анюты Морозовой была прямо царская. Но в ИМКА-Пресс дела плохие, если бы не Исаич, было бы полное разорение.

Вот не ждали, что Вам не понравится Белла Ахмадулина². Она нас всех обворожила. Да, к сожалению, она запойная, как почти все там. И много у тебя, женщина, было мужей. И в то же время она совсем невинная и незащищенная женщина, и очаровательная. Стихи ее я мало знаю, но на слух в ее чтении мне показались как раз поэтичными и не подражательными. И уж вовсе на Ахматову не похожи. Впрочем, Вы, верно, лучше ее стихи знаете.

Перелешина³ знаю еще меньше, чем Ахмадулину. Уже много лет (видно, старость) только перечитываю старых любимых, а к новым восхищениям больше не способен. Но после Вашего отзыва Перелешина буду читать.

Была у нас и другая татарка — Гюзель Амальрик⁴, и оказалась такой же очаровательной, как Ахмадулина. Просто совсем душик. Да и сам Амальрик оказался милей, чем мы ждали.

В прошлый раз я писал Вам о книге Жана Делюмо Delumeau «Le Christianisme va-t-il mourir?». К моей радости, он получил теперь за эту книгу Большую католическую литературную премию⁵.

Посылаю Вам мою статью «Монпарнасские разговоры». Там, не называя имен, ссылаюсь на Вас и Трегубовых⁶.

Вот уже ждем Вашего приезда в Европу. Шлю Вам сердечный привет. Трегубовым тоже.

В. Варшавский

[Очень Вас ждем, милый о. Кирилл — Ваша Таня.]

¹ См.: Шмеман, 2009. Доклад был прочитан на Русском симпозиуме в церкви Иконы Божьей Матери в г. Си-Клифф, штат Нью-Йорк (апрель 1977). Об этом событии Фотиев писал Варшавскому 5 мая 1977 г.: «Съезд прошел очень успешно. Атмосфера была пасхальной. Участники — 60 человек — на две трети принадлежали к молодому поколению “третьей эмиграции” и их [рассказы о] подпольной церковной работе “там” придали съезду особую ноту. Блестяще говорил о. Александр Шмеман на тему “Духовная судьба России”» (ДРЗ. Ф. 291).

² Поэтесса Белла Ахатовна Ахмадулина (1937–2010) весной в 1977 г. приезжала в Женеву, выступала в «Русском кружке» Женевского университета, гостила у Жоржа и Люсиль Нива, посетила в Монтрё Владимира Набокова. Через Ахмадулину Варшавские передали кольцо в подарок Надежде Яковлевне Мандельштам.

³ Перелешин Валерий Францевич (наст. фам. Салатко-Петрище; 1913–1992), поэт, переводчик и мемуарист, участник харбинского литературного объединения «Чураевка» (1926–1935). В 1950 г. переехал в США, с 1953 г. поселился в Бразилии.

⁴ Амальрик (Макудинова) Гюзель Кавылевна (1942–2014), художница, жена А. А. Амальрика. С 1976 г. года жила во Франции.

⁵ Grand prix catholique de littérature, учреждена в 1945 г. Ассоциацией французских католических писателей.

⁶ Протоиерей Андрей Трегубов (р. 1951), священник, художник, иконописец, иконограф. В 1974 г. эмигрировал с женой Галиной на Запад, в 1975 г. прибыл в США, где поступил в Свято-Владимирскую духовную семинарию (1976) и стал настоятелем православной церкви Воскресения Христова в Клермонте (1979) в юрисдикции Православной церкви в Америке.

10

Не позднее октября 1977 г., Ферней-Вольтер¹

Дорогой отец Кирилл,

Спасибо за письмо. Очень рады, что все возможные кандидаты в митрополиты Ваши доброжелатели. Будем ждать появления доклада о. Александра о «Духовной судьбе России» в Вестнике. К стыду своему, о Херманн'е Броч'е² даже никогда не слышал. О Роберте Музиль'е³ имею представление, но очень смутное. Читал одну его книгу в переводе на английский и видел довольно страшный фильм, сделанный по одному его рассказу. Вообще вот уже много лет я не читаю художественной литературы. Пруст — последнее мое литературное восхищение. (Прочел в первый раз еще до войны.) С тех пор перечитываю только старых любимых.

Из новых за последнее время встречались только с Амальриками. Гюзель душка, тут мы с Таней единомышленны. А он не знаю. Лучше, чем я ждал, но все-таки нет у меня в нем уверенности. Во всяком случае впечатление не такое, как от светлого В. Буковского⁴. Новейшие и в Париже, и в Мюнхене всё воюют со старой эмиграцией. В общем, несмотря на то что диссиденты сыграли и играют огромную роль, какой ни старая, ни послевоенная эмиграция никогда не играла, и несмотря на гигантскую фигуру Исаича, диссиденты никакой «соравной» идеи коммунизму не выдвинули. Большинство их сборников скорее огорчают. Ничего сравнимого с «Новым Градом», не говоря уже о «Пути», они не создали. А некоторые на свободе сморщились, как глубоководные рыбы или растения, вытащенные или выброшенные на берег.

Нас очень волнует судьба Краснова-Левитина. Мы его очень полюбили, хотя человек он невозможный, спорщик, склочник, неутомимый говорун и пишет невероятные глупости, но вместе с тем человек необыкновенной веры. Через год кончается его «пенсия», которую он получает от швейцарских пасторов. Он тогда окажется совсем на улице, а способности устраиваться у него меньше, чем у 10-летнего ребенка. Он мечтает поехать в Америку читать лекции. Хочет предложить Св. Владимирской семинарии цикл лекций о живой церкви. Он прирожденный школьный учитель. Молодежь

¹ ДРЗ. Ф. 179. Автограф. Авторучка, синие чернила. Датируется по содержанию.

² Броч Герман (Broch; 1886–1951), австрийский писатель, наибольшую известность получил его роман-трилогия «Лунатики» (1931–1932).

³ Музиль Роберт (Musil; 1880–1942), австрийский писатель, драматург и эссеист, прославился как автор незавершенного романа «Человек без свойств».

⁴ Буковский Владимир Константинович (р. 1942), писатель, один из основателей диссидентского движения, в 1976 г. выслан из СССР (Буковского обменяли на лидера Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана), поселился в Великобритании.

его любит. Как Вам кажется, какие могут быть для него возможности в Америке? Русскую церковную историю с 17 года он знает, вероятно, лучше, чем кто-либо.

Вот, дорогой отец Кирилл, надеемся, что все-таки Вам удастся выбраться в Европу и с Вами тогда увидеться. Шлю Вам и всем настоящим друзьям сердечный привет.

Ваши *Таня и В.В.*

Литература

- Антошин А. В.* (2019). А. И. Солженицын и радио «Свобода» в 1970-е гг.: попытка диалога // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. Т. 21. № 1 (184). С. 23–32.
- Бердяев Н. А.* (1939). О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. Париж: YMCA-Press.
- Брутян Г. А.* (2010). Философ от рождения // Виктор Амбарцумян — обычный необычный человек. Новое время. 18 авг. URL: <http://nv.am/novosti/2012/page/13/>. Дата обращения: 10.03.2019.
- Варшавский В. С.* (1974). К спорам о письме // Русская мысль. 18 июля. № 3008.
- Варшавский В. С.* (1977). Монпарнасские разговоры // Русская мысль. 21 апр. № 3158.
- Васильева М. А.* (2019). Через «Новый Град» и «Вехи»: Владимир Варшавский об Александре Солженицыне // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. Т. 21. № 1 (184). С. 100–114.
- Вейдле В. В.* (1974). Только в Россию и можно верить // Вестник РСХД. № 114 (IV). С. 240–254.
- Герра Р.* (2008). Русские старческие дома в культурном наследии Белой эмиграции // Новый журнал. № 253. С. 53–56.
- Гришин Д. В.* (1974). Был ли Достоевский антисемитом? // Вестник РСХД. № 114 (IV). С. 73–88.
- Иовчук М. Т., Грецкий М. Н.* (1969). Философский конгресс в Вене // Вестник АН СССР. № 1. С. 76–85.
- Колчина А. С.* (2010). «Радио Свобода» в 1950–1970-е годы XX века: поиск форм пропаганды в период холодной войны // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. № 3. С. 103–116.
- Корсаков Ф. (Светов Ф. Г.)* (1974). Русские судьбы // Из-под глыб. Paris: YMCA-Press. С. 159–177.
- Нива Ж.* (2015). Русский кружок Женевского университета: пятьдесят лет швейцарско-русского диалога // Знамя. № 1. С. 196–200.
- Плетнев Р. В.* (1975). О злом суемудрии книги Абрама Терца // Новый журнал. № 121. С. 72–80.
- Солженицын А. И.* (1974а). Образованщина // Из-под глыб. Paris: YMCA-Press.
- Солженицын А. И.* (1974б). Слово разрушит бетон // Вестник РСХД. № 114 (IV). С. 193–203.

- Струве Н. А.* (1972). Спор о России [рубрика «От редакции»] // Вестник РСХД. № 106. С. 3–4.
- Терц Абрам (А. Д. Синявский).* (1974). Литературный процесс в России // Континент. № 1. С. 143–190.
- Туманов А. Н.* (2014). Беззаконная комета Андрей Волконский и ансамбль «Мадригал» // Знамя. № 8. С. 153–169.
- Ходорович Т.* (сост.) (1974). История болезни Леонида Плюща / Сост. Т. Ходорович; Комментарии Т. Ходорович. Амстердам: Фонд им. Герцена.
- Фотиев К., прот.* (1972). «Ожидание» Владимира Варшавского // Грани. № 86. С. 219–223.
- Фотиев К., прот.* (1974). По поводу письма А. И. Солженицына // Вестник РСХД. № 114 (IV). С. 89–95.
- Шестов Л.* (1964). Умозрение и откровение. Paris: YMCA-Press.
- Шмеман А., прот.* (2009). Духовные судьбы России // Шмеман А., прот. Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь. С. 669–682.
- Шмеман А., прот.* (1972). О духовности, церковности и мифах // Вестник РСХД. № 106. С. 245–258.
- Шрагин Б. И.* (1974). Письмо в редакцию // Вестник РСХД. № 114 (IV). С. 255.
- Lubin P.* (1970). Kickshaws and Motley // TriQuarterly. № 17. P. 187–208.

References

- Antoshin A. V.* (2019). A.I. Solzhenicyn i radio «Svoboda» v 1970-e gg.: popytka dialoga // Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. T. 21. № 1 (184). S. 23–32.
- Berdyayev N. A.* (1939). O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoy filosofii. Parizh: YMCA-Press.
- Brutyayn G. A.* (2010). Filosof ot rozhdeniya // Viktor Ambarcumyan — obychnyj neobychnyj chelovek. Novoe vremya. 18 avg. URL: <http://nv.am/novosti/2012/page/13/>. Data obrashcheniya: 10.03.2019.
- Fotiev K., прот.* (1972). «Ozhidanie» Vladimira Varshavskogo // Grani. № 86. S. 219–223.
- Fotiev K., прот.* (1974). Po povodu pis'ma A.I. Solzhenicyna // Vestnik RSKHD. № 114 (IV). S. 89–95.
- Gerra R.* (2008). Russkie starcheskie doma v kul'turnom nasledii Beloj emigracii // Novyj zhurnal. № 253. S. 53–56.
- Grishin D. V.* (1974). Byl li Dostoevskij antisemitom? // Vestnik RSKHD. № 114 (IV). S. 73–88.
- Hodorovich T.* (sost.) (1974). Istoriya bolezni Leonida Plyushcha / Sost. T. Hodorovich; Kommentarii T. Hodorovich. Amsterdam: Fond im. Gercena.
- Iovchuk M. T., Greckij M. N.* (1969). Filosofskij kongress v Vene // Vestnik AN SSSR. № 1. S. 76–85.
- Kolchina A. S.* (2010). «Radio Svoboda» v 1950–1970-e gody XX veka: poisk form propagandy v period holodnoj vojny // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika. № 3. S. 103–116.

- Korsakov F. (Svetov F. G.)* (1974). Russkie sud'by // Iz-pod glyb. Paris: YMCA-Press. S. 159–177.
- Niva Zh.* (2015). Russkij kruzhok ZHenevskogo universiteta: pyat'desyat let shvejcarsko-russkogo dialoga // Znamya. № 1. S. 196–200.
- Pletnev R. V.* (1975). O zlom suemudrii knigi Abrama Terca // Novyj zhurnal. № 121. S. 72–80.
- Shestov L.* (1964). Umozrenie i otkrovenie. Paris: YMCA-Press.
- Shmeman A., prot.* (2009). Duhovnye sud'by Rossii // *Shmeman A., prot.* Sobranie statej. 1947–1983. M.: Russkij put'. S. 669–682.
- Shmeman A., prot.* (1972). O duhovnosti, cerkovnosti i mifah // Vestnik RSKHD. № 106. S. 245–258.
- Shragin B. I.* (1974). Pis'mo v redakciju // Vestnik RSKHD. № 114 (IV). P. 255.
- Solzhenicyn A. I.* (1974a). Obrazovanshchina // Iz-pod glyb. Paris: YMCA-Press.
- Solzhenicyn A. I.* (1974b). Slovo razrushit beton // Vestnik RSKHD. № 114 (IV). S. 193–203.
- Struve N. A.* (1972). Spor o Rossii [rubrika «Ot redakcii»] // Vestnik RSKHD. № 106. S. 3–4.
- Terc Abram (A. D. Sinyavskij).* (1974). Literaturnyj process v Rossii // Kontinent. № 1. S. 143–190.
- Tumanov A. N.* (2014). Bezzakonnaya kometa Andrej Volkonskij i ansambl' «Madrigal» // Znamya. № 8. S. 153–169.
- Varshavskij V. S.* (1974). K sporam o pis'me // Russkaya mysl'. № 3008. 18. 07.
- Varshavskij V. S.* (1977). Monparnasskie razgovory // Russkaya mysl'. 21 apr. № 3158.
- Vasil'eva M. A.* (2019). CHerez «Novyj Grad» i «Vekhi»: Vladimir Varshavskij ob Aleksandre Solzhenicyne // Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. T. 21. № 1 (184). S. 100–114.
- Vejdle V. V.* (1974). Tol'ko v Rossiyu i mozhno verit' // Vestnik RSKHD. № 114 (IV). S. 240–254.

«РАД, ЧТО СНОВА ПОДНЯЛАСЬ БЕСЕДА О “НОВОМ ГРАДЕ”»:
ПИСЬМА Ф. А. СТЕПУНА В. С. ВАРШАВСКОМУ (1956–1962)

Мария Анатольевна Васильева

Кандидат филологических наук,
ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына.

E-mail: marijasil@mail.ru

«I'M GLAD THAT THE CONVERSATION ABOUT “NOVY GRAD”
BROUGHT UP AGAIN»: LETTERS FROM F. A. STEPUN
TO V. S. VARSHAVSKY

Maria A. Vasil'eva

PhD (Philology), Academic Secretary Alexander Solzhenitsyn Centre
for Studies of Russia Abroad.

E-mail: marijasil@mail.ru

Публикация писем Ф. А. Степуна к В. С. Варшавскому помогает по-новому взглянуть на историю отношений двух выдающихся представителей русского зарубежья, значительно дополняет биографически-литературный контекст их «перекрестных» рецензий и взаимного участия в полемике вокруг журнала «Новый Град».

The publication of the letters of F. A. Stepun to V. S. Varshavsky helps to take a new look at the history of relations between two outstanding representatives of the Russian abroad, significantly complements the biographical-literary context of the publication of their “cross-over” reviews and mutual participation in the debate around the magazine “Novy Grad”.

Ключевые слова: архивы, русское зарубежье, эпистолярный, Ф. А. Степун, В. С. Варшавский, журнал «Новый Град».

Keywords: Archives, Russian Abroad, epistolary, F. A. Stepun, V. S. Varshavsky, “Novy Grad” magazine.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-151-153

Письма философа, историка и общественного деятеля Федора Августовича Степуна (1884–1965) к писателю Владимиру Сергеевичу Варшавскому (1906–1978) — возможно, лишь малая часть обширного эпистолярия, до сих

пор неизвестного исследователю. В архиве В. С. Варшавского (Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, ф. 291) отложилось только четыре письма. Однако и этот небольшой «сколок» имеет богатый культурно-исторический и биографически-литературный контекст, многое дополняя в летописи жизни и творчества двух выдающихся представителей русского зарубежья. В центре сюжета — две знаковых книги писателей: «Незамеченное поколение» Владимира Варшавского, вышедшее в нью-йоркском Издательстве имени Чехова в 1956 г., и «Встречи» Федора Степуна, изданные в Мюнхене в 1962-м. В письмах выстраивается некая логическая цепочка в истории появления рецензии Степуна на книгу Варшавского и ответного шага Варшавского, сделанного через несколько лет на просьбу Степуна написать рецензию на его книгу. Между тем письма далеки от «ангажированности» и раскрывают куда более сложную, содержательную и полемичную историю взаимоотношений корреспондентов. Из писем Степуна следует, что лично Варшавского он знал плохо («Я Вас помню не очень отчетливо, но все же помню»), что не помешало философу написать пространный отзыв в журнале «Опыты» и тем самым стать участником бурной полемики, развернувшейся в эмигрантской прессе вокруг «Незамеченного поколения». Отзвуки этой дискуссии мы находим и в публикуемых письмах. Наиболее обсуждаемая в эпистолярной теме — статья «О “незамеченном поколении”» (Новое русское слово. 1956. 2 марта. № 15588. С. 3, 4) Марка Вишняка — известного публициста и общественного деятеля, выступившего с жесткой критикой книги Варшавского. Критика Вишняка обрушилась также и на главных идеологов журнала «Новый Град» (1931–1939) — Георгия Федотова и Федора Степуна. Предвзято обвиняя создателей «Нового Града» в различных опасных политических уклонах, свойственных пореволюционным течениям русской эмиграции (большевизм, фашизм), Вишняк замечал: «Не надо упрощать и, тем менее, вульгаризировать. Ни один из редакторов “Н[ового] Г[рада]” не почувствовал, конечно, ни большевизму, ни фашизму. Но в стремлении “углубить” проблему до ее идейных первоисточков, проникнуть в “корень вещей”, а главное, быть созвучным эпохе и пореволюционному поколению, они порою доходили до таких несуразностей, которые сейчас кажутся почти неправдоподобными». Статья Степуна не стала прямым ответом Вишняку, однако переписка с Варшавским значительно «скорректировала» сюжет отзыва в целом и во многом определила парадигму дальнейшей дискуссии вокруг «Нового Града» на страницах эмигрантской периодики.

Отзыв философа — наиболее пространный и основательный из литературной критики о «Незамеченном поколении» — выходит и за узкие рамки рецензии, и за рамки полемичного ответа оппонентам «Нового Града».

Это разговор о «восстановлении разгромленной войной Европы», о будущем христианской демократии, о востребованности «философии жизненного опыта». Степун дал полемике новый камертон, привнес в дискуссию глубину новоградского мирозерцания, уводя читателей от сиюминутного спора «старших» и «младших». «Открыв книгу Варшавского, я сразу же почувствовал веяние новоградского духа, которому, конечно, новоградцы часто изменяли: ту широту, непредвзятость и доброжелательность, что так редко встречается у авторов, пишущих о своих современниках», — замечал он.

Именно об этой новоградской диалогической школе — «способности к человеческому диалогу, способности внимательно проследивать свои и чужие мысли от самого их зарождения и до конца» — будет говорить Владимир Варшавский в рецензии на книгу Федора Степуна «Встречи» (Новый журнал. 1962. № 70. С. 127–134).

Публикуемые письма обогащают наше представление и о работе Федора Степуна над программной статьей «Г. П. Федотов» (Новый журнал. 1957. № 49. С. 222–242). Высказав в письме к Варшавскому от 3 июня 1956 г. намерение «вливать несколько мыслей о Вашей книге в свою характеристику духовного облика мирозерцания новоградца Федотова», — Степун не только исполнил намерение, но и продолжил дискуссию с Марком Вишняком о месте Георгия Федотова в русской философской мысли.

Тексты писем печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации и с сохранением индивидуальных особенностей написания, в частности, неточностей и отклонений от принятой сегодня формы написания иноязычных имен и собственных названий. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок.

ПИСЬМА Ф. А. СТЕПУНА В. С. ВАРШАВСКОМУ

Подготовка текста и комментарии М. А. Васильевой

LETTERS FROM F. A. STEPUN TO W. S. VARSHAVSKY

Preparation of the text and comments by M. A. Vasilieva

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-154-160

1

18 марта 1956 г., Мюнхен¹

18. 3. 56

Дорогой «собрат по перу» (не зная Вашего имени-отчества, не нахожу другого обращения), получил оба Ваших письма. Почти одновременно и письмо Иваска² с просьбой написать о Вашей книге не рецензию, а статью-отклик. Вместе с этим письмом Вам отвечаю ему, что напишу с удовольствием. Я считаю Вашу книгу весьма полезной, весьма нужной и уверен, что она не пройдет незамеченной. Вы коснулись темы, над которой будут в будущем работать многие историки и социологи русской эмиграции. Очень приятно ощутил я в Вашей книге столь редкую в наше время доброжелательность и многосторонне ориентированную справедливость. Но распространяться на эту тему сейчас не буду, так как о ней придется писать в статье. Согласен с Вами, что ответ Вишняку в «Новом русском слове» имел бы значение³. Но отвечать сейчас мне некогда, да и спорить против предвзятости Вишняка — не хотелось бы, так как не хотелось бы снижать этим спором сложную тему «Нового Града». Неприятна и перспектива ответа Вишняка на мой ответ, который вызовет необходимость моей второй статьи в «Новом русском слове». Все это не имеет ничего общего с боязнью Марка Вениаминовича. В конце концов он человек, давно отошедший в прошлое. Все его мирозерцание представляется мне неким революционно-демократическим пошехонием. Идеология «Нового Града» как раз сейчас оправдывается в европейском масштабе. Германию как-никак ведут сейчас христианские демократы, можно сказать, новоградцы. Де Гаспери⁴ тоже — христианский демократ. Немецкая социал-демо-

¹ ДРЗ. Ф. 291. Авторизованная машинопись. На конверте адрес отправителя: Abs Prof. F. Stepun. Ainmillerstraße 30, München 13. Адрес получателя: Mr V. Varshavsky, 645 West End Av. Apt 6b, NY, 25 NY.

² Иваск Юрий Павлович (1907–1986), поэт и литературный критик, историк литературы, редактор журнала «Опыты» с 1955 г.

³ Вишняк Марк Вениаминович (Мордух Веньяминович Вишняк, псевд. Марков; 1883–1976), эсер, юрист, публицист, один из редакторов наиболее авторитетного журнала русского зарубежья «Современные записки» (1920–1940).

⁴ Де Гаспери Альчиде (De Gasperi; 1881–1954), основатель Христианско-демократической партии Италии, премьер-министр Италии (1945–1953).

кратия резко переменяла свое отношение к религиозным вопросам. Такие люди, как католик Диркс¹ и другие сотрудники франкфуртских «тетрадей», играют в ней большую роль. Министр народного просвещения в Гессене, мой большой друг, старый социал-демократ, написал совершенно новоградскую книгу о трагедии безрелигиозного либерализма и безрелигиозного социализма. Немецкая социал-демократия очень быстро сдала свои позиции Гитлеру. Действительную борьбу против него вели христиане и коммунисты. Мне бы хотелось написать о Вашей книге в такой, более расширенной связи, а спорить с Марком Вениаминовичем — мне лично не стоит.

Что касается «Нового журнала», то писать и в «Опытах»², и в «Новом журнале» мне не представляется удобным, ибо вторая рецензия могла бы быть только вариацией первой, но, может быть, я мог бы написать для «Нового журнала», если этого захочет М. М. Карпович³, нечто вроде заключения к перекрестной полемике по поводу Вашей книги. В этих целях хотел бы получить №№ «Нового русского слова», в которых будет отчет о публичном обсуждении Вашей книги⁴.

Я Вас помню не очень отчетливо, но все же помню. Очень хорошо зато помню Вашего отца⁵, моего присяжного оппонента справа на всех моих новоградских выступлениях в Праге. В свое время с интересом прочел Вашу первую книгу «Семь лет». Рад, что снова поднялась беседа о «Новом Граде». Недавно я выписал себе из здешней государственной библиотеки все 14 №№ и, просмотрев их, убедился, что это все же был весьма талантливый журнал, в котором билось живое сердце⁶.

Шлю сердечный привет и крепко жму Вашу руку.

Ваш Федор Степун

¹ Диркс Вальтер (Dirks; 1901–1991), немецкий политический обозреватель, теолог и журналист, один из редакторов немецкого ежемесячного политического журнала «Frankfurter Hefte» (1946–1984).

² Литературный журнал «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958; Кн.: 1–9) издавался М. С. Цетлиной. Первые три номера вышли под редакцией Р. Н. Гринберга и В. Л. Пастухова, с четвертого номера реактором журнала стал Ю. П. Иваск.

³ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959), политический деятель, историк, публицист. С 1927 г. профессор Гарвардского университета, в 1949–1954 гг. директор славянского отдела. С 1943 г. соредактор, в 1945–1959 гг. главный редактор литературно-политического издания «Новый журнал» («The New Review»).

⁴ Скорее всего, имеется в виду статья: *Троцкий И. М.* Незамеченное поколение // Новое русское слово. 1956. 16 марта. № 15602. С. 7. В статье был дан подробный отчет о собрании нью-йоркского общества взаимопомощи «Надежда» (9 марта 1956), на котором прошло обсуждение книги В. С. Варшавского «Незамеченное поколение». На собрании выступили М. М. Карпович, Ю. П. Деннике, В. К. Завалишин, И. М. Троцкий, прот. А. Шмеман, Г. Я. Аронсон, Д. Д. Григорьев и др.

⁵ Варшавский Сергей Иванович (1879–1945), юрист, один из видных общественно-политических деятелей межвоенной русской Праги. Арестован 18 мая 1945 г. отделом контрразведки СМЕРШ, погиб в Карлаге (Карагандинская область).

⁶ Религиозно-философский журнал «Новый Град» (Париж, 1931–1939) вышел в 14 номерах под редакцией И. И. Бунакова-Фондаминского (№ 1–14; 1931–1939), Ф. А. Степуна (№ 1–6; 1931–1933) и Г. П. Федотова (№ 1–14; 1931–1939).

2

23 апреля 1956 г., Мюнхен¹

23. 4. 56

Дорогой Владимир Сергеевич,

спасибо за Ваше письмо. С Иваском стоворился, что пишу по поводу Вас небольшую статейку для 7-го номера *Опытов*². Будет несколько трудно писать, так как в 6 номере уже появится рецензия Карповича³. Иваск просит дать не отзыв, а именно размышление по поводу. Но такая постановка вопроса предвосхищает, в сущности, мое представление о моем заключительном слове в «Новом журнале». Дальнейшее затруднение заключается в том, что для «Нового журнала» я, в связи с пятилетием смерти Федотова⁴, обещал написать о нем большую статью-рецензию по поводу его сборника — «Новый Град»⁵. О всех этих трудностях я написал Гулю⁶, с которым веду всю свою сотрудническую переписку. Сказал ему, что Михаил Михайлович приветствует мое заключительное слово, но что я хотел бы иметь подтверждение Вашего сговора с Карповичем и от него лично. Мне казалось правильным написать так, дабы он не почувствовал себя обойденным и ущемленным в своих полномочиях. Мне было бы очень просто слить свои размышления о незамеченном поколении со статьей о Федотове, превратить эти размышления как бы в эпилог этой статьи. Но я сомневаюсь, чтобы редакция «Нового журнала» согласилась на то, чтобы я в сентябре месяце писал о Вас. Писать же три раза о «Новом Граде» — раз в «Опытах» и 2 раза в «Новом журнале» — очень затруднительно.

¹ ДРЗ. Ф. 291. Авторизованная машинопись. На конверте адрес отправителя: Abs Prof.F. Stepun. Ainmillerstraße 30, München 13. Адрес получателя: Mr V.Varsavsky, 645 West End Av. Apt 6b, NY, 25 NY.

² Речь идет о статье «“Новоградские” размышления по поводу книги В. С. Варшавского “Незамеченное поколение” и дискуссии о ней» (*Опыты*. 1956. № 7. С. 45–57) со знаменательным зачином: «На долю В. С. Варшавского выпал в известном смысле большой успех: и несогласные с его мнениями и анализами критики подчеркивают свои симпатии к нему. Даже строгий М. Вишняк предваряет свой критический разбор работы Варшавского признанием “самых благих намерений автора” и заявляет, что он ему сочувствует. Георгий Адамович в своем очень интересном фельетоне идет много дальше: он не только выражает сочувствие автору “Незамеченного поколения”, но и восхищается им. Замечателен, пишет он, общий дух книги, (общий дух книги в отличие ото всех ее частных особенностей есть неизбежно дух автора) благородный, свободный, прекрасно-человечный, а часто и светлый. Подчеркиваю, что я с этой характеристикой вполне согласен: получив книгу Варшавского, сам писал ему в том же роде» (*Указ. соч.*: 45).

³ См.: Карпович, 1956.

⁴ Выдающийся историк, философ, публицист Георгий Петрович Федотов (1886–1951) оказал большое влияние на становление взглядов Варшавского. Знакомство Варшавского с Федотовым началось задолго до основания журнала «Новый Град». Оба были участниками парижского литературного объединения «Зеленая лампа» (1927–1939) и авторами журнала «Числа» (1930–1934). Важную роль в идейном становлении Варшавского сыграло литературно-философское общество «Круг» (1935–1939), постоянным членом которого был и Г. П. Федотов. После войны Федотов поддерживал творческие опыты Варшавского, а тот, в свою очередь, посвятил философу ряд эссе, в том числе «Г. П. Федотов — певец свободы и Нового Града» (*Новое русское слово*. 1958. 12 янв. № 16269. С. 2).

⁵ См.: Степун, 1957.

⁶ Гуль Роман Борисович (1896–1986), писатель, историк, журналист. С 1951 г. — ответственный секретарь «Нового журнала»; после смерти в 1959 г. М. М. Карповича занял пост главного редактора и возглавлял журнал до самой смерти.

Ну вот Вам мои соображения. Спасибо за уже присланный отзыв о прениях. Жду дальнейшего материала.

Сердечный привет.

Ваш Федор Степун

3

3 июня 1956 г., Мюнхен¹

3. 6. 56

Дорогой Владимир Сергеевич,

Вы оказались правы, высказав мысль, что Роман Борисович сочтет излишним напечатание статьи о Вашей книге и о диспуте о ней. Впрочем, не могу не согласиться с правильностью его доводов. О книге как о таковой я буду писать в «Опытах». Тема же «Нового Града» существенней связывается, по его мнению, с творчеством Федотова, о котором я, ко дню пятилетия его смерти, должен дать обстоятельную статью, чем с Вашей книгой. Защищать же Вас от «Нового Града», по его мнению, не надо, так как рецензия Денике будет, как он мне писал, для Вас весьма приемлема². Все что я могу сделать, это влить несколько мыслей о Вашей книге в свою характеристику духовного облика мирозерцания новоградца Федотова.

То, что новоградцев часто принимали за фашистов или большевиков (или тут, в сущности, не при чем [так в тексте! — М. В.], так как большевики, конечно, прежде всего фашисты), объясняется очень просто и даже не лишено некоторых оснований: для фашистов свобода — так же предполагает освобождающую истину, как для христиан — познайте Истину, и Истина сделает Вас свободными. Современная же демократия, и в этом ее порочная слабость, мыслит свободу вне связи с Истиной. Результат — почти уже состоявшаяся победа большевиков над демократами. Обо всем этом буду писать в статье о Федотове.

Спасибо за высылку рецензии. Как только напишу о Вас для № 7, верну Вам статью Адамовича³.

Сердечный привет и пожелания дальнейших успехов по защите наших общих убеждений.

Ваш Федор Степун

¹ ДРЗ. Ф. 291. Авторизованная машинопись. На конверте адрес отправителя: Abs Prof. F. Stepun. Ainmillerstraße 30, München 13. Адрес получателя: Mr V. Varshavsky, 645 West End Av. Apt 6b, NY, 25 NY.

² Денике Юрий Петрович (наст. фам. Осокин; 1887–1964), историк, журналист. Входил в состав редакции «Нового журнала» (1959–1964) и «Социалистического вестника» (1954–1963). Сотрудник «Радио Свобода». Имеется в виду рецензия: Денике Ю. П. В. С. Варшавский — Незамеченное поколение. Из-во им. Чехова. Нью-Йорк. 1956

³ Адамович Георгий Викторович (1892–1972), поэт, литературный критик. Идеолог неформального литературного течения «Парижская нота», оказавшего большое влияние на творчество молодых эмигрантских писателей, в том числе Варшавского. Скорее всего, речь в письме идет о статье Г. В. Адамовича «О христианстве, демократии, культуре, Маркионе и о прочем» (Новое русское слово. 1956. 25 марта. № 15611. С. 8).

21 ноября 1962 г., Мюнхен¹

Мюнхен, 21 ноября 1962 г.

Дорогой Владимир Сергеевич!

По просьбе Геннадия Андреевича Хомякова², который является секретарем, а потому и распространителем книг, выходящих в издательстве зарубежных писателей, председателем которого я являюсь (все это, вероятно, Вам известно), обращаюсь к вам с просьбой написать перед Рождеством рецензию на мои «Встречи»³. Думаю, что Вы книгу видали, и надеюсь, что Вы ее и посмотрели. И мне и Хомякову такая предрождественская рецензия была бы очень важна. Хомяков надеется, что она способствовала бы распространению книги в Америке. В Париже она идет хорошо, но на парижской продаже издательство наживает очень мало, а наживать нам надо, чтобы продолжать наше дело.

Мы с Вами все-таки в чем-то близкие друг другу люди. О Вашем «Незамеченном поколении» я когда-то писал и еще больше говорил. Кстати, вспоминается мне какая-то Ваша рецензия на какую-то мою статью, в которой было какое-то сожаление, что я, бывший новоградец, высказал чуждые мне самому в прошлом мысли⁴. Я сейчас не могу точно вспомнить, какая это была рецензия и о чем, но Вы наверное можете это установить. Я тогда хотел написать Вам и разъяснить недоразумение, но потом ежедневная работа, очень у меня большая, отнесла в сторону это желание. Я хотя не читаю [лекции], но у меня еще очень много докторских забот. Только что сдал у меня докторский экзамен некто Штайнингер (русский). Писал он

¹ ДРЗ. Ф. 291. Авторизованная машинопись, на верхнем поле письма именной штемпель.

² Хомяков Геннадий Андреевич (псевд. Г. Андреев, Н. Отрадин; 1909–1984), писатель, журналист; главный редактор альманаха «Мосты» (с 1959), секретарь Товарищества русских издателей и писателей; сотрудник «Радио Свобода»; член НТС; в 1975–1977 гг. — соредактор Р. Б. Гуля в «Новом журнале».

³ Степун Ф.А. Встречи: Достоевский — Л. Толстой — Бунин — Зайцев — В. Иванов — Белый — Леонов. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1962. Отзыв В. Варшавского «Заметки о прочитанном. “Встречи” Федора Степуна» был опубликован в «Новом журнале» (1962. № 70. С. 127–134).

⁴ Скорее всего, имеется в виду рецензия: Варшавский, 1960. В ней, в частности, говорилось: «Больше всего мыслей и возражений вызвала у меня блестящая и глубокая, но ошибочно, по-моему, направленная статья Федора Степуна “Современность и искусство”. Созданный Степуном совместно с Фондаминским и Федотовым “Новый Град” был самой близкой мне в эмиграции “духовной семьей”. Но я всегда думал: “Новый Град” должен сделать выбор: или зловещий путь “Нового средневековья”, или тот путь веры в творческую эволюцию, в прогресс и встречу “мистики” и “техники”, на который указывали Бергсон, Уайтхэд, Тейяр де Шарден и столько других ученых и мыслителей Запада, а в России Федоров и Циолковский. Из всех участников “Нового Града” именно Степун был ближе всего к этому второму пути, единственно, по моему убеждению, правильному. Тем досаднее удивили в статье старого вдохновенного бойца за человеческое дело преувеличенные и несправедливые обвинения против современной научно-технической революции, которые вот уже полвека повторяются философами и поэтами, напуганными наукой XX века, ставшей, по выражению Валери, “первой загадкой в мире”» (Указ. соч.: 244).

о советской публицистике и литературе послесталинского периода. Еще до окончания получил уже университетское место на хороших условиях. После него написана работа несколько правым, но очень умным и дельным человеком об «Искажении Русской монархии художественным творчеством и публицистикой русской интеллигенции». Третьего дня женщина-докторантка (немка) положила на письменный стол большую работу об эстетическом учении Владимира Соловьева и скоро поступает последняя о Пастернаке. Анализ и оценка этих работ берут много времени и обременяют душу, так как от получаемой оценки зависит дальнейшая судьба докторанта. Сам я сейчас работаю над большой книгой. Это пять портретов: Соловьев, Бердяев, Иванов, Блок, Белый¹. Общий знаменатель — символизм как метод познания философии и искусства. Главные темы, повторяющиеся у всех пяти: Церковь, революция и София, во всех ее аспектах. Первые три портрета готовы. Иванов был очень труден. Должен я сдать книгу через полгода, но, конечно, меня не повесят, если я не сдам. Спешить за письменным столом не умею.

Сокращенное издание моей автобиографии (Бывшее и несбывшееся)² идет очень хорошо. Разошлось уже около сорока тысяч. Испанский перевод вышел. Французский выходит с предисловием Паскаля³, автора замечательной книги об Аввакуме⁴.

Но что-то я расписался. Вероятно, Ваше имя и мои симпатии к Вам всколыхнули прошлое. Привет и пожелания Вашего дальнейшего расцвета.

Ваш Федор Степун

¹ См.: *Stepun F. Mystische Weltanschauung. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus.* München: Carl Hanser Verlag, 1964.

² См.: Степун, 1956.

³ Паскаль Пьер (Pascal; 1890–1983), французский историк, переводчик, славист. Один из лучших специалистов на Западе по истории религиозного раскола. Преподавал русский язык и литературу в Лилльском университете (1936–1937), в Школе восточных языков в Париже (1937–1950), в Сорбонне (1950–1960).

⁴ Имеется в виду издание: *Paskal P. Avvakum et les débuts du Raskol: La crise religieuse au XVIIe siècle en Russie.* P, 1938. Исследование «Аввакум и начало раскола» П. Паскаль в качестве докторской диссертации защитил в 1939 г. на славянском отделении в Сорбонне.

Литература

- Варшавский В. С.* (1960). «Воздушные пути». Альманах под редакцией Р. Н. Гринберга. Нью-Йорк. 1960 // Новый журнал. № 58. С. 243–246.
- Варшавский В. С.* (1950). Семь лет. Париж: Imprimerie Abécé.
- Денике Ю. П.* (1956). В. С. Варшавский — Незамеченное поколение. Изд-во им. Чехова. Нью-Йорк. 1956 // Новый журнал. №. 44. С. 293–296.
- Карпович М. М.* (1956). В. С. Варшавский. Незамеченное поколение. Изд-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1956, стр. 387 // Опыты. № 6. С. 101–104.
- Степун Ф. А.* (1956). Бывшее и несбывшееся: В 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Степун Ф. А.* (1957). Г. П. Федотов // Новый журнал. № 49. С. 222–242.

References

- Denike YU. P.* (1956). V. S. Varshavskij — Nezamechennoe pokolenie. Iz-vo im. SHekhova. N'yu-Jork. 1956 // Novyj zhurnal. №. 44. S. 293–296.
- Karpovich M. M.* (1956). V. S. Varshavskij. Nezamechennoe pokolenie. Izd-vo imeni SHekhova, N'yu-Jork, 1956, str. 387 // Opyty. № 6. S. 101–104.
- Stepun F. A.* (1956). Byvshee i nesbyvsheesya: V 2 t. N'yu-Jork: Izd-vo im. SHekhova.
- Stepun F. A.* (1957). G. P. Fedotov // Novyj zhurnal. № 49. S. 222–242.
- Varshavskij V. S.* (1960). «Vozdushnye puti». Al'manah pod redakciej R. N. Grinberga. N'yu-Jork. 1960 // Novyj zhurnal. № 58. S. 243–246.
- Varshavskij V. S.* (1950). Sem' let. Parizh: Imprimerie Abécé.

**РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ОСНОВА МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ
В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(ОБЗОР)**

Татьяна Юрьевна Сидорина

Доктор философских наук,
профессор Школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.
E-mail: tsidorina@hse.ru

**RUSSIAN LANGUAGE
AS THE BASIS OF MUSICAL CULTURE OF RUSSIA
IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL-AESTHETIC DISCOURSE
(THESES)**

Tatiana Yu. Sidorina

DSc in Philosophy, Tenured Professor, Humanities Department,
National Research University, Higher School of Economics.
E-mail: tsidorina@hse.ru

Русская музыкальная культура тесно связана с национальным языком и литературой и во многом обязана творчеству русских писателей XVIII–XIX вв., прежде всего А. С. Пушкина. Композиторы XIX в. (М. Глинка, М. Мусоргский, А. Бородин, М. Балакирев, П. Чайковский) заложили основы русского музыкального звучания. В статье рассматривается вопрос об определяющей роли русского языка в процессе формирования музыкальной культуры России, обобщаются подходы отечественных исследователей — искусствоведов, представителей эстетической мысли к вопросу о роли языка, русской песни, романса в формировании русской музыкальной идентичности. В XX столетии особую роль в развитии традиций русского мелодизма играет вокальное творчество С. В. Рахманинова (1873–1943), его поздние романсы как отражение Серебряного века русской культуры, драматизма уходящей эпохи.

Russian musical culture is closely connected with the national language and literature, and owes much to the work of Russian writers of the XVIII–XIX centuries, and above all to the work of A.S. Pushkin. Composers of the 19th century (M. Glinka, M. Mussorgsky, A. Borodin, M. Balakirev, P. Tchaikovsky) laid the foundations of Russian musical sound. The article examines the question of the determining role of the Russian language in the process of forming the musical

culture of Russia, summarizes the approaches of domestic researchers — art historians, representatives of aesthetic thought, to the question of the role of language, Russian song, romance in the formation of Russian musical identity. In the XX century, a special role in the development of the traditions of Russian melodism is played by S. V. Rachmaninov (1873–1943), his later romances, as a reflection of the Silver Age of Russian culture, the drama of the passing era.

Ключевые слова: язык, русская музыка, идентификация, вокализ, романс, образ, символ.

Keywords: language, Russian music, identification, vocalization, romance, image, symbol.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-161-168

Введение: Музыка и язык

Подобно другим музыкальным культурам, русская возникла в тесной связи с языком, из особенностей национального языка. «В музыкальной культуре любой эпохи, — отмечает музыковед Н. М. Мышьякова, — формируется определенная система интонационного реагирования на словесный текст. Естественно, что эта система обусловлена традициями и словесной, и музыкальной культуры. Музыкальная культура любого стиля в той или иной степени риторична. Музыкальная практика с древнейших времен закрепила за определенными знаковыми комплексами определенную семантику. “Присваивая” смыслы слов, мелодия присваивает и их интонациональную “графику”, что позволяет говорить о “врожденной” текстуальности» (Мышьякова, 2002: 105; Ланглебен, 2000). Так, например, в Италии невероятный темперамент языка образует преобладающие танцевальные интонации в музыкальной культуре.

Во Франции возникает бесконечное множество мелизмов, связанных с артикуляцией в языке.

В Германии, как в симфонии Бетховена, все вырастает из четкой интонации и четырех нот.

Так и в русской музыкальной культуре простор страны отражается в русской ментальности и в языке, и сквозь обилие сложносочиненных и сложноподчиненных предложений проникает в музыкальную культуру, образуя ее уникальную песенность, ритмику и мелодизм.

Музыка и литература

Язык, литература на протяжении столетий играли определяющую роль в формировании бытия и культуры России. Значительную роль в этом про-

цессе играет музыка. Причем очевидно, что для культуры России, как и для других национальных культур, язык и музыка тесно взаимосвязаны.

Во второй половине XVIII — начале XIX вв. эта взаимосвязь определяется и обретает явное выражение. Причем язык и литература оказывали определяющее воздействие на развитие как культуры в целом, так и музыки. Основы русского национального музыкального мышления формировались еще в конце XVIII — начале XIX вв. Значение этого вида искусства отмечали выдающиеся отечественные мыслители, например, А. Н. Радищев в философском трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» (1792–1796) уважительно высказывался о его гармонизирующем воздействии.

Востребованность церковного мелоса превращала сферу духовной музыкальной культуры не только в наиболее развитую, но и в образовательную структуру, воспитавшую многих русских композиторов. К началу XIX в. «позиции музыки обеспечивались духовными сочинениями (концертами) Д. С. Бортнянского и М. С. Березовского, воплощавшими идеи соборности, православия, национального, и именно в такой ипостаси русская музыка воспринималась “всерьез”» (Там же: 103).

В то же время светская музыкальная культура, последовательно пройдя через увлечения итальянской, немецкой, французской традицией, долго существовала преимущественно только как развлекательная, в основном бальная. Профессиональным взрослением она в значительной степени обязана влиянию большой литературы. Здесь в первую очередь следует вспомнить имена Ломоносова, Державина, Карамзина. С творчеством Александра Сергеевича Пушкина русская культура открывает мелодику русской речи (Там же: 106).

Песня как исток русской художественной культуры

Один из основных истоков русской художественной и музыкальной культуры — народная песня. «Русская лирическая песня — особое, наиболее ценное достояние русской культуры, музыкальный код национальной ментальности, отражающий “тянущиеся” очертания полей (“бесконечная борозда”, ставшая “моделью народного распева”» (Чередниченко, 1994: 147) и «знаменитую русскую тоску, символически являющую “женский”, “материнский” образ русского мира <...> Русская песня — одновременно и поэтический, и музыкальный жанр»; «Песня — формула, отработанная не музыкой, а культурой» (Мышьякова, 2002: 106).

Морфологическая связь музыки и слова, как обнаруживают исследования, показательна для русской культуры. Она отражает особенность знаменательного периода отечественной истории, когда национальная культура осознавала самое себя, свои корни, единство истории, народа.

В поисках идентичности: Глинка, Чайковский и «Группа пяти»

Формирование русской музыкальной идентичности протекало непросто. Прежде всего нужно было преодолеть влияние западноевропейской традиции.

В конце XVIII в. музыка, которую исполняли в России, была почти полностью написана итальянскими или немецкими композиторами. Наряду с иными проявлениями эрозии русской идентичности (чрезмерное использование французского языка аристократией etc.) это вызвало «дискуссию о необходимости развития собственного искусства, которое зиждилось бы на уникальной “русскости”, а не занималось бы подражательством европейской культуре» (Беннен). Как следствие, в России создаются музыкальные консерватории, объединения любителей русской музыки, появляются композиторы, обратившиеся к поискам основ национального мелодического звучания.

В процесс исследования и формирования основ русской музыкальной идентичности активно включились Михаил Иванович Глинка, композиторы новой русской музыкальной школы — «Могучей кучки» (Милий Балакирев, Цезарь Кюи, Николай Римский-Корсаков, Модест Мусоргский, Александр Бородин)¹ и Петр Ильич Чайковский.

При этом музыканты отстаивали разные концепции будущего русской музыки. Возникли противостоящие группы: «националисты» (поддерживали композиторов «Могучей кучки») и «академисты» (среди которых П. И. Чайковский). Но именно «противостояние этих групп и привело к формированию русской музыкальной идентичности. На основании анализа русского народного мелоса, национальных традиций, с учетом влияния европейских течений и направлений были выявлены характерные основы русского звучания» (Беннен).

Сергей Рахманинов: «Я русский композитор!»

XX в. открывает новое поколение русских композиторов, среди которых такие величины, как Сергей Рахманинов, Игорь Стравинский и Сергей Прокофьев.

Возможно, среди этих трех фигур Сергей Васильевич Рахманинов своим творчеством в наибольшей мере отражает характер русской музыкальной культуры. Исследователи творчества Рахманинова отмечают огромное влияние, которое русская литература и живопись оказали на творчество композитора. «Все важнейшие события русской общественной и художественной

¹ «Могучая кучка» (Новая русская музыкальная школа, Балакиревский кружок) — творческое содружество русских композиторов, сложившееся в Санкт-Петербурге в конце 1850-х и начале 1860-х годов. Российский музыкальный критик В. В. Стасов впервые употребил сочетание «могучая кучка» по поводу концерта под управлением Балакирева в честь славянских делегаций на Всероссийской этнографической выставке в 1867 г. в статье «Славянский концерт г. Балакирева». Члены кружка не имели профессионального музыкального образования, их объединяло стремление создать особый русский стиль. Во Франции это объединение музыкантов получило название «Группы пяти», или «Пятерки».

жизни, — пишет О. И. Аверьянова, — отразились в его творческой судьбе, оставив неизгладимый след. Формирование и расцвет творчества Рахманинова приходится на 1890–1900-е гг. время, когда в русской культуре происходили сложнейшие процессы, духовный пульс бился лихорадочно и нервно. Присущее Рахманинову остро-лирическое ощущение эпохи неизменно связывалось у него с образом горячо любимой Родины, с беспредельностью ее широких далей, мощью и буйной удалью ее стихийных сил, нежной хрупкостью расцветающей весенней природы» (Аверьянова). Согласно Ю.В. Келдышу, «источником вдохновения для Рахманинова служили разнообразные импульсы, исходящие от реальной жизни, красота природы, образы литературы и живописи <...> Среди своих современников он выделяется умением создавать широко и длительно развертывающиеся мелодии большого дыхания, соединяющие красоту и пластичность рисунка с яркой и напряженной экспрессией» (Келдыш).

Бескрайние горизонты мелодии С. В. Рахманинова

В контексте вопроса о взаимосвязи языка и музыки, и особенно русского языка как основы музыкальной культуры России, очень значимо, что в творчестве именно С. В. Рахманинова, как инструментальном, так и вокальном, весьма отчетливо прослеживается указанная взаимосвязь. Особый интерес вызывает «Вокализ» (1912), посвященный великой русской певице Антонине Неждановой.

«Вокализ» — одно из поздних вокальных произведений Рахманинова, написанных в России, и в то же время это одно из самых ярко-национальных его произведений. В нем композитор словно подводит итоги, делает «обобщения, касающиеся как собственного вокального творчества, так и общесторического времени создания его поздних романсов» (Русанова, 2007: 90). Перед нами своего рода итог развития основного потока вокальной лирики Рахманинова. «В этом произведении, — отмечает М. А. Овчинников, — концентрируются важнейшие жанрово-стилистические черты романсового творчества Рахманинова, особенности его художественного мышления» (Овчинников, 1995: 141)¹.

Обращаясь к «Вокализу» Рахманинова, мы должны разобраться в элементах его стилистики. Стиль данного произведения во всей его чистоте весьма разнороден². Первое, что мы можем выявить, это мелодизм в собственном

¹ Шесть романсов (Op. 38) на слова поэтов-символистов, сочиненные в 1916 г., открывали новый этап эволюции романсового творчества композитора.

² Рассмотрение стилистических особенностей «Вокализа» С. В. Рахманинова проведено музыковедом И. В. Карпинским (исследование готовится к публикации) и любезно предоставлено в качестве источника для данной публикации в 2019 г. (рукопись).

смысле, несомненно, укорененный в лирической протяжной песне и плаче. Здесь нет фольклорных цитат, лишь отдельные скорбные обороты, подобные аллюзиям (особенно это слышно в каденциях — заключительных оборотах). Также в самом общем плане можно отметить в целом характерные для русской (в том числе и народной) музыки ладовую переменность (переход из до мажора в ля минор, из ми мажора в до-диез минор) и плагальные обороты (субдоминантовый переход в тонику)¹.

Второй момент — это сочетание преобладающего высокого регистра (диапазон первоначальной версии: ми-бемоль первой октавы — ми-бемоль третьей), что указывает на семантику света, просветленности, закрепленную в западноевропейской традиции и перешедшую в русскую лишь в конце XVIII века², и тональности ми-бемоль минор (в первоначальной версии), несущей семантику, условно говоря, тьмы.

Также важно отметить наличие других интонационных слоев, в первую очередь цыганского (чувственный «цыганский» нонаккорд звучит в начале второго раздела произведения). Цыганский мелодический стиль естественно входит в авторский стиль Рахманинова (данный случай — не исключение). Безусловно, Рахманинов прибегает и к западноевропейской музыкальной традиции, которая присутствует в произведении весьма отчетливо. Прежде всего в самой структуре «Вокализа» — старинной двухчастной форме с добавленной кодой. И, наконец, объединение традиций русской и европейской культур в баховской гармонии.

Глубинно русская природа рахманиновского «Вокализа» состоит прежде всего в его распевности. «Следует напомнить, — писала Н. А. Русанова, — что проставленное автором *Lamente* переводится с французского не только “медленно”, но и “протяжно”, и в напеве действительно ощутимо сближение с чертами русской протяжной лирической песни. От присущего данной национальной принадлежности чувства природной шири, простора идет и большой диапазон мелодии — ровно 2 октавы» (Русанова, 2007: 90). Причем, поднимая ее к до диез третьей октавы (у сопрано), автор создает впечатление, что она реет над земной твердью.

«Вокализ» Рахманинова — бесконечная мелодия, состоящая из интонаций *Lamente* и элементов знаменного распева, обогащенная глубоким смыслом гармонического сопровождения, образует невероятное по силе и масштабу музыкальное высказывание. Структура этого высказывания уникальна:

¹ Уточнение: для западноевропейской музыки характерны не плагальные, а автентические обороты с переходом доминанты в тонику.

² Высокий певческий регистр начинают использовать в русской духовной музыке с конца XVIII в. в традиции концертов для хора М. С. Березовского и Д. С. Бортнянского.

огромный монолит мысли воплощен в простой двухчастной форме. Внутри этих разделов непрерывная, как кажется, даже бесконечная мелодия.

Пример подобного строения музыкальной мысли показателен не только для творчества Сергея Васильевича Рахманинова, но и для всей музыкальной культуры России, которая, как и русский язык, богата синтаксическими конструкциями, где простые элементы речи складываются в содержательный текст. Характеризуя мелодическую фактуру «Вокализа», Овчинников отмечал, что определяющим началом здесь выступает «собственно мелодия. То самое, что композитор обозначает титульным *Molto cantabile* и что он длит поистине бесконечно (71 такт, в некоторых исполнительских версиях до 9 минут), искусно нанизывая ее звенья одно на другое» (Овчинников, 1995: 141).

При абсолютно выдержанном единстве эмоционального состояния и мелодического контура «Вокализ» обнаруживает поразительное многообразие смысловых нюансов. «Этому способствует предельная детализация динамических градаций, которые должны сопровождаться соответствующей вибрацией темпоритма» (Русанова, 2007: 94).

Подобная детализированность композиторского письма — один из признаков несомненной принадлежности рассматриваемого произведения к Серебряному веку с присущей ему тонкостью и красотой возвышенных чувств. Меланхолия и элегичность, определяющие эмоциональную тональность этого произведения, выступают в данном случае не только как извечное свойство русской национальной культуры, но и как важнейшая смысловая ипостась Серебряного века в его исторической функции завершающего этапа классической эпохи. Отсюда исповедальная неизбывная лирическая грусть-печаль с отвечающим этому «оппадающим» характером интонирования, общим блеклым колоритом и основной кульминацией, возникающей в самом конце (Русанова, 2007: 94). «Очень возможно, — замечает Н. В. Русанова, — что эта “лебединая песнь” уходящей эпохи и не искала для себя вербальной расшифровки, то есть поэтического текста. Это именно “песнь” — бескрайняя и величавая в своем течении, “песня без слов”, в своем лирико-философском излиянии обретающая некий надвременный характер» (Русанова, 2007: 95).

* * *

В годы эмиграции Рахманинов не писал романсов. Отказ от создания вокальных произведений, как считает музыковед Овчинников, подтверждает нерасторжимую связь романсового творчества Рахманинова с Россией, с русской жизнью, живое участие в которой в свое время побуждало его высказываться в жанре наиболее доступном массовому слушателю родной земли (Овчинников, 1995: 141).

Литература

- Аверьянова О. И.* Sergei Rachmaninoff. URL: <https://www.belcanto.ru/rachmaninov.html>. Дата обращения: 25.07.2019.
- Беннен А.* Формирование русской музыкальной идентичности: «Русская пятерка» и Чайковский. http://vespa.media/2018/08/russian_music_inentity/. Дата обращения: 25.07.2019.
- Келдыш Ю. В.* [Рахманинов:] Характеристика творчества. URL: <https://www.belcanto.ru/rachmaninov.html>. Дата обращения: 25.07.2019.
- Келдыш Ю. В.* (1973). Рахманинов и его время. М.: Музыка.
- Ланглебен М. М.* (2000). Мелодия в плену у языка // Музыка и незвучащее: Сборник. М.: Наука.
- Мышьякова Н. М.* (2002). Литература и музыка в русской культуре XIX в. Оренбург, Изд-во ОГПУ.
- Овчинников М. А.* (1995). Вокальное творчество С. В. Рахманинова // С. В. Рахманинов. К 120-летию со дня рождения (1873–1993). Материалы научной конференции. М.: Московская консерватория НТЦ «Консерватория».
- Русанова Н. А.* (2007). Камерно-вокальное творчество С. В. Рахманинова: вопросы поэтики и исполнительской интерпретации. Оренбург: Изд-во ГОУ ВПО «ОГИИ им. Л. и М. Ростроповичей».
- Чередниченко Т. В.* (1994). Музыка в истории культуры. М.: РИК Культура.

References

- Aver'yanova O. I.* Sergei Rachmaninoff. URL: <https://www.belcanto.ru/rachmaninov.html>. Data obrashcheniya: 25.07.2019.
- Bennen A.* Formirovanie russkoj muzykal'noj identichnosti: «Russkaya pyaterka» i Chajkovskij. http://vespa.media/2018/08/russian_music_inentity/. Data obrashcheniya: 25.07.2019.
- Cherednichenko T. V.* (1994). Muzyka v istorii kul'tury. M.: RIK Kul'tura.
- Keldysh Yu. V.* [Rahmaninov:] Harakteristika tvorchestva. URL: <https://www.belcanto.ru/rachmaninov.html>. Data obrashcheniya: 25.07.2019.
- Keldysh Yu. V.* (1973). Rahmaninov i ego vremya. M.: Muzyka.
- Langleben M. M.* (2000). Melodiya v plenu u yazyka // Muzyka i nezvuchashchee: Sbornik. M.: Nauka.
- Mush'yakova N. M.* (2002). Literatura i muzyka v russkoj kul'ture XIX v. Orenburg, Izd-vo OGPU.
- Ovchinnikov M. A.* (1995). Vokal'noe tvorchestvo S. V. Rahmaninova // S. V. Rahmaninov. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya (1873–1993). Materialy nauchnoj konferencii. M.: Moskovskaya konservatoriya NTC «Konservatoriya».
- Rusanova N. A.* (2007). Kamerno-vokal'noe tvorchestvo S.V Rahmaninova: voprosy poetiki i ispolnitel'skoj interpretacii. Orenburg: Izd-vo GOU VPO «OGII im. L. i M. Rostropovichej».

**КНИГА ПРОТИВ БУНТА
[КАНТОР В. К. ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.
ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ЭССЕ. — М.; СПБ.:
ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ, 2019. 400 С.
(СЕРИЯ «РОССИЙСКИЕ ПРОПИЛЕИ»)]**

Вера Владимировна Калмыкова

Кандидат филологических наук, член Союза писателей г. Москвы,
шеф-редактор журнала «Философические письма: Русско-европейский диалог».

E-mail: vkalmykova67@mail.ru

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-169-176

Новая книга Владимира Карловича Кантора состоит в основном из статей, ранее опубликованных в журналах, и докладов, прочитанных на конференциях. Герои ее — Н. Г. Чернышевский, И. С. Тургенев, М. Н. Катков, Ф. М. Достоевский, А. Н. Герцен, А. Ф. Керенский. Русские революционные демократы второй половины XIX в. И — отчасти — деятели культуры Серебряного века.

Даже на поверхностный взгляд понятно, что каждая из этих фигур окружена пышной мифологией, выдержанной десятилетиями, будто дорогое вино. Чернышевский — символ революционной демократии. Тургенев — апологет дворянской культуры. Катков — реакционер, пособник царизма. Достоевский — мистик, специалист по неисследимым глубинам души человеческой. Герцен — ну, тут понятно, разбуженная декабристами совесть России. И так далее.

Задача книги, сформулированная автором еще до начала текста, на первом шмуцтитуле, такова: «Миф печальные строки смывает, в мифе все складно и ладно, но Пушкин, певец разума, понимал, что строк этих смывать нельзя, если хочешь жить в реальности. Необходима демифологизация, прежде всего собственной жизни». Что же противостоит тенденции к мифологизации? Возвращение явлениям их собственных, а не нами навязанных имен. «Иными словами, продолжить цивилизацию России — дать <...> именование окружающему миру и тем культивировать его. Ибо имя — первый шаг к самопознанию и самосознанию».

Итак, автор принимается за дело.

И сразу начинается удивительное.

Потому что первый из развенчиваемых Кантором мифов в книге обозначен пунктирно, не акцентирован, но мерцает между строк. Это пресловутый

«особый путь России», которую якобы «умом не понять». С точки зрения Кантора, понять-то как раз умом: Россия о-смысливается, то есть обретает историческое бытие, *только* как европейская страна, идущая цивилизованными путями, управляемая законом (потому что *только* закон может обеспечить стройность и порядок), причем законом сугубо христианским (поскольку *только* христианство дает представление о свободе каждой отдельной личности). Никакие языческие «правды» ничего подобного не предусматривают, постулируя, напротив, лишь *право сильного*. Иначе — бескомпромиссный и совершенно неромантичный хаос. Христианской цивилизации нужен символ, и это Рим, вековая греза российских мыслителей. «Рим — это первая попытка собрать человечество не только на основе насилия. Империя — это некая мутация восточной деспотии, которая, оставляя базовую основу власти одного, привносит некое добавление — закон, защищающий в лучшие годы империи права и собственность граждан».

Символ же, как известно, не есть миф, поскольку символ, как убедительно показал в свое время А. Ф. Лосев, не требует буквальной веры во все без разбору составляющие дискурса. Рим-символ позволяет отбросить в сторону все негативное, что связано с историческим бытованием католической церкви, как и Петр-символ (имеется в виду первый российский император) не подразумевает восхищения кровавыми сторонами его деятельности, испугавшими в свое время даже Пушкина. Двигаясь в русле исторического символизма, можно, не забывая о *цене человеческой крови*, пролитой во имя реформ, держать в уме высокий смысл исторического существования, если угодно, космический, бытийственный, имя которому — ценность каждой человеческой жизни.

Напротив, подчиняясь логике мифа, можно пролить любое количество чужой крови, не очень озабочиваясь вопросами благополучия личности.

Так мы возвращаемся к основной идее Владимира Кантора: к демифологизации русской культуры посредством развития личности и понимания законов, по которым происходит ее становление, и обеспечивающих его факторов. «Моя задача, — пишет автор, — показать, как мнение толпы обретало господство в обществе и как истина, которой владеет личность, противостоит общепринятому безумию, выявляя реальные причины катастрофы». И здесь становится явной парадоксальность содержания книги: оперируя по необходимости громадными социальными и историческими пластами, Кантор нечувствительно сводит все к проблематике личности — ее свободы, ее независимости, ее, если угодно, «устройству головы» (см. ниже).

Свобода есть категория абсолютная: ты не можешь быть свобод-нее меня. Здесь нет сравнительных или превосходных степеней: каждый из нас или

свободен в полной мере, или несвободен совершенно. Свободой нельзя владеть. Ее нельзя получить. В ней, как в мире, можно только *пребывать*. Но да, ее можно *утратить*, как любой великий дар. Поэтому-то в увесистом томе, наполненном историческими фактами, выдержками, отсылками к глобальным событиям, на самом деле ведется речь только о человеке, о его прошлом, настоящем и будущем. «Лик Божий может быть отражен только в человеке-личности, ибо сотворен он по Его образу и подобию, но не в безличной толпе, массе, не в стихии».

Неслучайно книга начинается с большого разговора о Николае Гавриловиче Чернышевском. О том самом Чернышевском, которого мы привыкли считать вождем революционных демократов, идеологом русского бунта, да, беспощадного, но — с точки зрения советской историографии — осмысленного, необходимого, правильного, справедливого, единственно возможного. И который (Чернышевский, а не бунт) — надо же! — никогда не был тем, чем обязан был стать в логике советского мифа.

Лучше пусть это будут цитаты... «Фантастично давление на наше восприятие Чернышевского ленинского понимания, а затем советских ученых, которые тоже писали о нем как о великом человеке, но при этом умудрялись лишить всякой духовности, превратить в атеиста великого страдальца и глубоко верующего человека, лежавшего на смертном одре с Библией в руках». «Скажем, везде пишут, что отставной офицер и поэт-переводчик Всеволод Костомаров донес на Чернышевского, после чего его посадили. Самое интересное, что доносить было нечего и не о чем. Ни одного противоправительственного деяния ни в поступках, ни в бумагах самым тщательным сыщикам найти не удалось». «[Костомаров] написал почти роман в духе Эжена Сю, в котором Чернышевский выступал как подпольщик, руководитель боевых групп, у которого тайные склады с преступной литературой и оружием, верные воины, которые поднимутся по первому его сигналу и т.д. Даже следователи сказали, что чересчур и невероятно, но к делу приобщили». «И все же остается под вопросом причина не только ареста, а дальнейшего безумно жестокого, я бы даже сказал злого наказания. Как писали русские эмигранты, даже декабристы не подверглись столь суровой каре (те, которых не повесили), а ведь они вышли с оружием свергать царя. Но их поведение было в традиции дворцовых переворотов и было понятно. Поведение Чернышевского было вопреки всем нормам. Поразительное дело, но более всего любой автократический режим не приемлет независимость духа и мысли». «<...> еще раз обозначу позицию Чернышевского по отношению к власти. Студенческие сходки он посещал. Но старался внушить студентам правила осторожности, не из трусости, а показывая бессмысленность лезть на рожон,

когда тебе есть что сказать». «Самое поразительное, что Чернышевского судили и обвиняли в революционности, как вождя грядущего бунта, *а он всеми силами пытался противостоять бунту* (здесь и далее в цитатах выделено автором. — В. К.)». «Единственное, что он проповедовал, — это независимость мысли. Говоря словами Канта, утверждал выход из умственного несовершеннолетия». «Когда он был уже несколько лет в “долине смерти” в Вилуйске, к нему по приказу свыше приехал генерал с предложением подать помилование. Чернышевский отказался. Ответ каторжанина поразителен: “В чем я должен просить помилования? В том, что у меня голова устроена иначе, чем у шефа жандармов? За это помилования не просят”».

Религиозный мыслитель Чернышевский. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. В смысле, демифологизация.

Попутно еще, кстати, один миф: о гуманизме царского правительства. И еще один факт — преемственности большевистской власти от монархической. Увы.

И да, соответствующее место в советском учебнике истории писано на основе *доноса*. Это если кому интересно.

Еще одно: христианская мысль Чернышевского вошла, как пишет Кантор, в состав его преступления. Роман «Что делать?» — не революционное, а самое что ни на есть христианское произведение. «Для верующего человека мир устроен так, что внутри него можно правильно строить правильные отношения. На вопрос атеиста Герцена, *кто виноват*, ответ один — виновато мировое устройство или, если угодно, Бог. Значит, разумно положительное действие здесь невозможно. Но на вопрос Чернышевского, *что делать*, есть ответ: в Божьем мире можно строить правильные отношения».

Не удержусь: «Любопытно, что герои Чернышевского никогда не перелагают на других ответственность за свои поступки. Ибо главное условие христианского жизнеповедения — ответственность за самого себя».

Однако хватит об этом.

Не менее парадоксальным, чем с Чернышевским, выглядит случай Михаила Никифоровича Каткова. В соответствующем мифе — сторонника и защитника самодержавия, верноподданного его раба. «Мой ответный тезис, — пишет Кантор, — прост: Катков ни разу не изменил тем взглядам, с которыми он впервые вступил в общественно-литературную жизнь. Он был, если позволительно так сказать, имперский европеец, как и Пушкин, последователь Петра Великого. И образован как мало кто тогда. Чтение его и перевод лекций Гегеля по эстетике формировало взгляды Белинского, потом пару лет он слушал лекции позднего Шеллинга, германской мыслью в высших ее проявлениях он был напитан как следует. Кстати, в то же время лекции Шеллин-

га слушали молодой Фридрих Энгельс и Серен Кьеркегор. <...> Империя для Каткова есть носитель свободы». «<...> Катков хотел видеть Россию идущей по европейскому пути, но при этом сохранявшей свою самостоятельность и независимость».

И никто иной в такой степени, как Катков, не радел за отечественную словесность, не стремился доставить ее непосредственно к читателю на журнальных крыльях. Именно он оказался *собирателем* литературы русской, как Третьяков — русской живописи или Медичи — итальянской. Хотите ругать Каткова? Вуаля. Но при этом помните, что он напечатал. Может, Толстому или Тургеневу деньги были не нужны, а, скажем, Достоевский на них жил. «<...> с 1856 г. он вместе с П. М. Леонтьевым начал издавать литературно-художественный и общественно-политический журнал “Русский Вестник”. За 30 лет на его страницах увидели свет практически все классические произведения русской литературы: “Казачи”, “Война и мир”, “Анна Каренина” Л. Н. Толстого, “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Бесы”, “Братья Карамазовы” Ф. М. Достоевского (в 1880 году на страницах “Московских Ведомостей” была опубликована “Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского), “Накануне”, “Отцы и дети”, “Дым” И. С. Тургенева, “Губернские очерки” М. Е. Салтыкова-Щедрина, “Семейная хроника” С. Т. Аксакова, “На ножах”, “Соборяне”, “Запечатленный ангел”, “Захудалый род” Н. С. Лескова, “Взбаламученное море” А. Ф. Писемского, “Князь Серебряный” А. К. Толстого, “В лесах” и “На горах” П. И. Мельникова-Печерского, начиная с первого номера в журнале печатались исторические исследования Б. Н. Чичерина, которого Катков ввел тем самым в круг литературной элиты, стихотворения и поэмы А. Н. Майкова, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева, А. Н. Плещеева, В. С. Курочкина. Если вспомнить о Вл. Соловьеве, то и ему Катков оказался в помощь. В 1880 году Розанов написал о Соловьеве: “Он был так талантлив, что сразу все вставали навстречу ему... Катков, Ив. С. Аксаков, славянофилы и западники, — все перед ним именно «вставали», когда он среди них появлялся. Достаточно сказать, что Катков напечатал в своем «Русск. Вестнике», где тогда печатались романы Достоевского и Толстого, его *докторскую диссертацию* — «Критику отвлеченных начал»: вещь, совершенно самоубийственная для журнала!!”. Из переводов стали заметным явлением роман американки Г. Бичер-Стоу “Хижина дяди Тома”, такой важный в момент отмены крепостного права в России, стихи Беранже, Гейне. Настоящую сенсацию производили разоблачительные статьи бывшего жандармского офицера С. С. Громеки о полиции, ее взятках и вымогательствах».

Антагонист Каткова — Михаил Александрович Бакунин, выдвинувший лозунг: «Страсть к разрушению — творческая страсть». Слова, вошедшие в советский революционный миф. Но при этом лишены смысла.

Еще один катковский антигерой — Александр Иванович Герцен, писатель-эмигрант, инакомысленник, изгнанный за свои литературные произведения... Хотя стоп. «**Никто его не изгонял.** Продав свои имения и несколько тысяч принадлежавших ему крепостных рабов (русских, заметим) за несколько миллионов, он уехал за границу. Барон Ротшильд, немалую роль сыгравший в Крымской войне, защитил деньги Герцена, полученные им за продажу единоплеменников, от императора. Как писал сам беглец из России, деньги — необходимое оружие в борьбе, лишаться их нельзя. Перо Герцена сыграло не последнюю роль в попытке сломить Россию. И в Крымскую войну, а особенно в эпоху Польского восстания против Российской империи начала 1860-х.

Главным интеллектуальным борцом с эмигрантом Герценом оказался издатель “Русского вестника” Михаил Катков».

А вот, например, А. С. Пушкин — постоянный герой Кантора, появляющийся практически в любом его сочинении, на какую тему оно ни написано. Сразу развенчивается миф об Арине Родионовне: на ее место в русле демифологизации встает родная бабушка поэта, Мария Алексеевна Ганнибал. Да и сам Пушкин, неистовый африканец, беззаконная комета, представляется автору гением... здравого смысла: «Должно было “русскому европейцу” пропустить сквозь свою душу простонародную Россию — и не сломаться, *остаться самим собой.* Только “духовный богатырь” был способен совершить подобный подвиг. Что ж, Пушкин таким богатырем и оказался. А для этого прежде всего необходим был реализм в подходе к жизни, не критический и не социалистический, а христианский, гуманистический. То есть умение видеть то, что есть, понимать сложность мира, не идеализировать, не строить прожектов, не говорить, как должно быть, а исходя из насущного и наличного найти возможность реального преобразования действительности — в деянии реального человека Петра, а также найти и меру частной жизни: “На свете счастья нет, но есть покой и воля...”. Рая на земле никому не обещано. Вот устойчивая позиция Пушкина. Но есть выработанные цивилизованным человечеством ценности, которые надлежит отстаивать — честь, достоинство, независимость, право на свободный труд, свою “обитель трудов и чистых нег”, творческую свободу, короче, строй и лад. Этот строй и лад и хотел дать России Петр и Пушкин».

Разговор на равных с Европой и способность остаться самим собой — две сквозные мысли Кантора, любимые, надо сказать. Европа для него — такой же символ, как и Рим, понятие не столько географическое и уж тем более не геополитическое, но философское: «Карамзин, не употребляя <...> высокой формулы, показал Россию как часть европейского материка, способную к

самопознанию, а стало быть, и к тому, чтобы выразить европейскую ментальность».

Книга о литературе у Владимира Кантора, автора бестселлера «Русская классика, или Бытие России» (М., 2005), с неизбежностью превращается в книгу о взаимодействии писателя и власти. О последней в данном случае говорится нечто весьма злободневное: «выход государства из системы авторитаризма даже к ограниченной свободе вызывает почти параноические действия власти, которая не знает, как управлять обществом в новой структуре. Более всего она боится тех, кто вдруг сумел думать самостоятельно, а не по прописям».

Если вспомнить исторически сложившуюся дихотомию, то Владимир Кантор, конечно, *западник*. Но такой, каким до поры до времени был Иван Сергеевич Тургенев. Те, кто говорит об «особом пути» России, пребывают во власти мифа, допускающего, что без самопознания и самоосмысления можно быть свободным (первобытные племена в расчет не берутся). «Особый путь» исключает взаимодействие: с кем иметь дело, если ты единствен в своем роде? Напротив, **именно <...> способностью к усвоению чужих смыслов русский народ относится к европейской культуре, выросшей на усвоении греко-римского наследия.** *Но для художника этот культурный билингвизм, состояние, я бы сказал, находимости-вненаходимости в своей культуре, то есть способность чувствовать себя представителем своей культуры и одновременно способность взглянуть на нее со стороны, с высшей или по крайней мере равной точки зрения, и создает художественное, бинокулярное зрение, позволяющее увидеть и понять свое родное».*

Однако до тех пор, пока для этого художника кровь и вода остаются разными жидкостями. Их также следует различать по именам: «Помогавший деньгами народовольцам, назвавший девушку-бомбистку, которая говорит, что она готова на преступление, *святой* (рассказ “Порог”), Тургенев потихоньку перестал понимать Россию». И необходимо наконец сказать — это особенно важно в наши дни, — что революция не имеет творческого потенциала. Она есть безумие. И исторически, и вообще. «Французская революция была поначалу для русских радикалов примером прорыва к свободе. Но это были мечты. Реальность была иной. Победила не свобода, а толпа, ненавидевшая разум и независимость ума. Быть может, первым великий Пушкин увидел во французском порыве явление абсолютного безумия».

В наши дни психологи, изучающие активность масс, методами лингвистического анализа пришли к тому же выводу: любая агрессивная протестная активность есть проявление по меньшей мере психоза, по большей — ши-

зофрении. Это не знаменитый «адреналин», который надо «сбросить». Это, к сожалению, психопатология. Которую нельзя вылечить.

Но можно воспитать в самом себе понимание: есть только одна альтернатива — хаос и порядок. Бунт и развитие. Кровь и жизнь. Другой, как модно говорить нынче, альтернативы нет. И вряд ли кто-нибудь из нас в нормальном состоянии согласится быть растерзанным толпой, или получить ранение, или быть убитым. Обычно мы все-таки, как правило, хотим жить...

На этой высокой ноте рецензенту захотелось остановиться. «Как? Но что же, — спросит внимательный читатель, — до Керенского? Серебряного века? Достоевского? Разве их мифы не развенчаны автором?» Уверяю вас — все есть. Но об этом лучше читать в самой книге, а не в рецензии, которая и так затянулась. Остается добавить лишь, что в книгу включены нашумевший рассказ Владимира Кантора «Смерть пенсионера», эссе Константина Баршта «О событии смерти (Рассказ Владимира Кантора в контексте русской литературы)» и обширный библиографический материал.

Можно ли сказать хоть что-нибудь хорошее о тех, чьи мифы развенчаны на страницах книги Владимира Кантора? А как же! Ленин, например, написал замечательные слова: «очень своевременная книга». Правда, по другому поводу и о другом авторе... но об этом в «Демифологизации...» тоже есть. Так что — *за мной, читатель! Очень своевременная книга!*

**ПРИВИВКА ОТ НАЦИЗМА, ИЛИ КРАТКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ГЕНОЦИДА ЕВРЕЕВ В ГЕРМАНИИ В 1933–1945 ГГ.**

**[ХАВКИН Б. Л. РАСИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ
В ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ: АНТИНАЦИСТСКОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ЕВРЕЕВ. М.: РГГУ, 2018. 243 С.]**

Юлия Валериевна Клепикова

Аспирант факультета гуманитарных наук, Школа философии ВШЭ.

E-mail: yklepikova-babich@hse.ru

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-177-184

Рецензируемая работа представляет собой образец органичного сочетания научного исследования и глубоко прочувствованного повествования о судьбе немецких евреев в гитлеровской Германии. Несомненна своевременность появления монографии и ее актуальность сегодня, когда расизм, антисемитизм и нацизм имеют тенденцию к возрождению в Европе, в частности в странах постсоветского пространства. В книге показана расовая сущность германского антисемитизма как крайней степени национализма и социальной демагогии, свойственной идеологии национал-социализма.

Монография состоит из двух почти равных по объему смысловых частей. В первой исследуется происхождение и сущность национал-социализма (глава 1); во второй (главы 2–4) возвращаются к нам из прошлого участники еврейского Сопротивления в Германии 1933–1945 гг. (доказательство тому — бо́льшая часть имен алфавитного указателя, содержащего 581 фамилию).

Осмысление подтверждаемых уникальными архивными документами (как советскими, так и немецкими) ранее малоизвестных исторических сведений о судьбах немецких евреев составляет основу книги. Первая глава «Национал-социализм. Фашизм и нацизм» погружает читателя в лабиринт суждений о сущности рассматриваемых явлений. Мы становимся непосредственными участниками непростой дискуссии, цель которой — помочь читателю ответить на возникшие давно и остающиеся до сих пор без ясного ответа вопросы: «В чем причина многолетних успехов Гитлера, поддержки его огромным числом немцев? Как могло столь очевидно мошенническое и преступное предприятие, как национал-социализм, добиться столь высокой, сегодня едва ли объяснимой степени интеграции общества?»

Автор препарировывает вынесенные в заголовок главы 1 понятия, исследует их генезис с опорой на источники и литературу (на 224 страницы авторского

текста приходится 375 ссылок) и, что самое важное, показывает механизм возникновения и широкого распространения нацизма в немецком обществе.

Работа с определениями понятий «нацизм», «фашизм», «расизм» подводит историка к необходимости с особой научной тщательностью рассматривать нацизм как сложное и многогранное явление, акцентируя внимание на его огромной способности к социальной адаптации и трансформации. Неспроста немецкие нацисты не называли себя фашистами: в их трактовке в Германии в 1933–1945 гг. имел место национал-социализм. Попытки разных авторов многочисленных теорий оправдать и тщательно завуалировать родство немецкого национал-социализма и фашизма аргументированно опровергаются в данной работе: подчеркивается, что между национал-социализмом и фашизмом существуют тесные связи, уходящие корнями в расизм и социальную демагогию.

Автор монографии показывает несостоятельность утверждений о «вторичности» фашизма по отношению к большевизму, о якобы «благородном» желании Гитлера компенсировать нации ущерб, нанесенный поражением в Первой мировой войне, попыткой построения социального государства для «избранной нации».

Знание характерных особенностей идеологии фашизма («ярко выраженный национализм, традиционализм, экстремизм, этатизм, корпоративизм, популизм, антилиберализм, антикоммунизм, милитаризм, вождизм») и национальных проявлений в виде идеологии, общественно-политического движения, политического режима вождистского типа, террористической диктатуры поможет выявить признаки зарождения фашизма на начальных этапах, избежать ошибок в процессе идеологической и политической борьбы с ним.

Самостоятельную практическую ценность имеет представленный в работе анализ процесса трансформации доктрины национал-социализма в государственную и общественную практику, позволивший автору раскрыть механизм имплементации нацистской идеологии в человеконенавистническую практику расового антисемитизма. Хавкину удалось систематизировать признаки, помогающие установить и оценить степень близости общества к наступлению фашизма, а также выявить и обобщить инструменты, обеспечивающие перерождение общества, его характерные трансформации в процессе фашизации.

Автор на исторических примерах показывает, что у истоков фашизма находится:

а) перерождение изначально позитивных понятий и явлений в противоположные. Например, превращение борьбы в самоцель, насаждение культа во-

инского героизма, трансформация демократических по сути процессов взаимодействия власти с широкими слоями населения в гипертрофированное стремление власти угождать вкусам и требованиям толпы;

б) повсеместное использование правила: всегда обещать людям именно то, что они хотят получить, не заботясь о выполнении провозглашенных посулов. В связи с этим злободневно звучит предостережение автора современникам: поскольку фашизм базируется на качественном популизме, то расширение технических возможностей в подмене реакции узкой группы населения на совокупную волю народа (например, через СМИ и социальные сети) таит в себе сегодня большую опасность, создавая благоприятные условия для зарождения вождизма.

В работе содержится ряд ценных выводов-маркеров фашизации общества. К важнейшим возможно отнести, во-первых, значимость углубленного понимания технологии формирования фашизма: «в своем мифологическом ядре фашистская идеология нацелена не на возрождение нации <...>, а на ее “сотворение заново”». Во-вторых, внедрение специфического социального контроля над обществом как инструмента, используемого для построения «национального социализма». Специфичность заключалась в стремлении к тотальной идеологической, политической, экономической, военной мобилизации населения, исключая «расовых врагов», в соответствии с постулатом Гитлера: «Для нас раса и государство — это единое целое». В-третьих, авторское напоминание современникам о принципиальной опасности «объединения законодательной и исполнительной власти в одних руках» и «разрушения понятия конституционного государства», а также о последствиях олигархического взаимодействия политиков и крупного капитала — на примере изменений в законодательстве Третьего рейха. «В сфере экономики нацистская партия отказалась от прежних лозунгов, направленных против крупных промышленных групп, и пошла на компромисс с ними». В-четвертых, поиск «врага» как средство консолидации общества на пути к фашизму. В консолидации немецкой нации роль «вечного врага» отводилась евреям. В-пятых, ключевая роль отводится репрессивной системе в реализации механизма господства нацистов. Аппарат террора и устрашения евреев с системой многочисленных концлагерей (1100 концлагерей на территории Германии), специальных судов, «генеалогических бюро», 124-х подразделений, занимающихся «расовыми вопросами» вкупе с многочисленными законами и распоряжениями, направленными на отделение евреев от «немецкого народного сообщества», дополняют портрет могущественного государственного молоха, лишавшего евреев их гражданских и имущественных прав.

Особое значение в процессе превращения немецкого государства в казарму принадлежит, по мнению автора работы, изменениям в школьном образовании, проводимым с единственной целью: не допустить воспитания людей, способных критически мыслить. Преподавание с позиций расизма и антисемитизма не только биологии и истории, но и таких наук, как физика и математика, стало в нацистской Германии реальностью. Хавкин приводит задачу из школьного учебника той эпохи: «В 1933 году население Третьего рейха составляло 66 060 000 жителей, из которых 499 682 были евреями. Сколько процентов населения были нашими врагами?» «Нацификация» образования и науки окончательно ввергла Германию в катастрофу.

Особого внимания заслуживают смысловые связи, выстраиваемые автором. Он уверен, что потери немцев во Второй мировой войне — 14 миллионов человек, «тотальная война» 1943 г. и полнейшая утрата государственности в 1945 г. имеют причиной упрощение и «отравление ядом расизма и антисемитизма» школьных учебников. Так, погружая читателя в исторические подробности и многочисленные детали, Хавкин находит возможным высказать авторскую позицию, подчеркивая основную линию повествования.

Одной из объективных причин трагедии евреев историк считает их успешность в интеллектуальной и экономической областях жизни в Веймарской республике, о чем красноречиво свидетельствуют статистические данные, приводимые в работе: количество евреев в Германии — менее 1% населения. При этом евреев среди литераторов и редакторов 5%, среди врачей 11%, среди преподавателей университетов 12%, среди владельцев частных банков 20%, среди торговцев текстилем 40%, среди владельцев универмагов 80% (с. 63). Трудности тысячелетней истории существования без своего государства обусловили развитие больших адаптационных способностей евреев в самом широком плане, что частично объясняет их успехи в тех сферах деятельности, где требуется сочетание трудолюбия и интеллектуального напряжения. Автор помогает читателю установить причинно-следственную связь между экономическими результатами, достигнутыми евреями в названных сферах деятельности, нацистским геноцидом и ложностью пропагандистских лозунгов о «вторичности» и «неполноценности» гонимого народа. Изучение текста монографии показывает горькую правду, которую не могли скрыть нацистские установки: немцами руководило не только стремление компенсировать (в обертке патриотизма) национальное унижение после Первой мировой войны, но и вполне конкретные цели — под идеологически безупречным предлогом и с благословения государства завладеть чужим материальным богатством.

Автор дает критический анализ книги Гитлера «Майн Кампф» и доказывает, что с этой книги начался путь, приведший к «национальной катастрофе не только евреев, но и осуществлявших Холокост немцев». Из-за повсеместного распространения этой книги и содержащихся в ней человеконенавистнических идей «антисемитизм в своих экстремальных проявлениях стал в гитлеровском рейхе не просто государственной политикой, но самой основой государства, целью которого было господство “арийской расы”», — утверждает Б. Л. Хавкин.

Автор показывает, что физическому истреблению евреев предшествовали долгие довоенные годы гонений и унижений. Чего только стоит рассказ о нацистской программе «выведения чистых расовых пород» под издевательским названием «Источник жизни», садизм медицинских экспериментов (хладнокровно фиксировались параметры работы организма мучеников, замерзающих или задыхающихся в барокамере), осуществляемых в соответствии с программой «Наследие предков». Эксперименты нацистов многократно превосходили по жестокости ужасы сталинского террора. Воспоминания редких уцелевших жертв злодеяний, приведенные в работе, полезно принять к сведению всем любителям ставить знак равенства между «левым» и «правым» тоталитарными режимами.

Стоит особо отметить информационную насыщенность малоизвестными детективными подробностями параграфа, входящего в главу 1 и посвященного Нюренбергскому процессу — крупнейшему и самому значительному в истории человечества суду над руководителями преступного государства и его партии.

Материалы первой главы позволяют сделать вывод: «полное физическое истребление евреев во всех оккупированных германскими войсками странах Европы» стало возможным не только в результате нагнетания антисемитизма в Германии, но также из-за отказа в помощи евреям со стороны мирового сообщества (большинство стран не открыли границы еврейским беженцам в ответ на обращение Межправительственного комитета Эвианской конференции). Факты, приведенные в работе, обесмысливают попытки некоторых историков разделить вину нацистов за «окончательное решение еврейского вопроса» с самими евреями, которые-де «позволяли себя убивать».

Во второй части работы (главы 2, 3, 4) речь идет о том, что общественное мнение незаслуженно преуменьшает масштабы еврейского Сопротивления в Германии. Содержание вопроса по сути совпадает с названием одного из параграфов главы 2 — «Существование вопреки всему»: за каждого еврея — участника Сопротивления нацисты расстреливали 100-150 его соплеменников. В таких условиях активная борьба казалась невозможной,

но все же шла — «вопреки всему». Историк бережно возвращает современникам имена представителей различных слоев населения и политических организаций.

Нельзя не согласиться с автором, что спор о том, кем считать членов молодежной группы Герберта Баумана — антифашистами, сионистами, коммунистами, — кажется неважным по сравнению с деятельностью ее членов по спасению от массовой депортации в концлагеря десятков тысяч евреев. Мужество, стойкость, самопожертвование этих молодых людей поразительны.

Предотвращению попыток физического уничтожения нацистами всех европейских евреев посвящена деятельность одиночных евреев-террористов, описанная в главе 3. Эти люди осуществляли индивидуальный политический террор против видных нацистов. На их акции нацисты отвечали масштабными еврейскими погромами.

Книга насыщена глубоко продуманными рассуждениями автора и исторически выверенными фактами. Но это не единственное достоинство работы Б. Л. Хавкина: будучи научным исследованием, книга завладевает вниманием читателя, как если бы была детективным расследованием. Глава 4 «Немецкие евреи 1933–1945 гг.: люди и судьбы» поражает воображение переплетением немыслимых и противоречивых событий. Речь идет о жизни и деятельности выдающегося химика, нобелевского лауреата, почетного члена Академии наук СССР Фрица Габера — соавтора первого военного преступления немецкой химии (газовой атаки немцев под Ипром в Первой мировой войне), позже сделавшего ряд чрезвычайно важных открытий «для сельского хозяйства и процветания человечества». В газетах того времени его называли человеком, который «удушил газом тысячи и спас от голода миллионы». В 1933 г. Габер был вынужден эмигрировать из нацистской Германии: эмиграция была для него единственной приемлемой формой сопротивления, как считает автор. Другая судьба — разведчика Рудольфа Ресслера, внесшего большой вклад в победу СССР в Сталинградской и Курской битвах. Благодаря Ресслеру советскому командованию становились известны секретные документы нацистов.

Автор предлагает не преуменьшать вклад немецких евреев в Сопротивление нацизму потому лишь, что их сопротивление не было массовым. Количественный критерий не единствен при оценке любого явления. Этот вывод не навязывается читателю автором монографии, однако масштаб и сила влияния упомянутых людей на исторические события со всей очевидностью следуют из представленного в работе материала.

Возможно предположить, что жанр изложения и основные тезисы книги способны вызвать дискуссию о справедливости авторских оценок и их

обоснованности. Однако автор использовал широкий инструментарий исследования, и возражать ему сложно. Хавкин рассмотрел различные формы и методы Соппротивления немецких евреев: от борьбы в подполье, концлагерях и гетто до деятельности в структурах пропаганды и органах разведки стран антигитлеровской коалиции.

Формы борьбы (индивидуальные и коллективные, активные и пассивные) в специфических условиях геноцида рассмотрены через сложную оптику: библейская парадигма о самоценности жизни, принцип выживания любой ценой — с одной стороны, стратегия борьбы «до победного конца» — с другой, эмиграция из страны — с третьей. Несоизмеримость ущерба, наносимого государственной машине гитлеровской Германии в процессе открытой террористической борьбы, с бесчисленными жертвами, незамедлительно следующими за индивидуальными террористическими действиями, подтвержденными документально, вынуждают читателя по-другому воспринимать формы еврейской борьбы, даже такие, как анонимное существование и самоубийство. К методологической удаче автора следует отнести реализацию системного подхода к изучению различных форм сопротивления. Это позволило описать нетипичные действия немецких евреев в Третьем рейхе, глубоко исследовать исторические, духовные (ментальные), социальные корни такой активности. Указанный подход наполнил известные методы борьбы новым смыслом. В особенности это относится к экзистенциальному уходу из жизни (весьма распространенному в Германии того времени): он становится актом не только личной победы интеллекта над средневековьем, но и гражданского мужества.

Разумеется, книга не свободна от недостатков. Несущественными огрехами, допущенными в работе, являются технические неточности: повторение фрагментов текста и разные ссылки на одну и ту же цитату. Однако вряд ли стоит ставить их в вину автору.

Следует назвать ряд важных тезисов, которые формируют итоговое восприятие книги. Расизм является питательной средой для произрастания фашизма и национализма, а антисемитизм — первоначальным признаком фашизации государства. Поэтому исследование, содержащее анализ природы этих явлений на примере гитлеровской Германии, сегодня имеет большую практическую ценность, предохраняя человечество от повторения уже однажды осужденных им исторических преступлений.

Хавкин убедительно и профессионально доказывает читателю необоснованность и несостоятельность мнения о том, что евреи якобы не сопротивлялись нацистам. Благодаря цельной логике изложения материала и документальной аргументации автор, по нашему мнению, обезоруживает сто-

ронников тезиса об упущенной возможности спасения евреев в условиях национал-социалистического насилия и террора.

Книга выполняет просветительскую и воспитательную функции. Насыщенная историческими фактами, она, повторимся, сочетает объективность научного исследования с доступной широкому кругу читателей манерой подачи материала. Заостряя внимание читателя на внешней «привлекательности» фашизма, автор способствует пониманию причины падения немецкого духа с триумфальных кантовских высот до гитлеровской мании величия, замешанной на комплексе неполноценности обывателя-антисемита.

Хочется назвать рецензируемую работу краткой энциклопедией геноцида евреев в Германии в 1933–1945 гг. Лапидарность стиля в сочетании со смысловой насыщенностью четко структурированного текста — несомненные достоинства книги, которую, надеемся, прочитают студенты, аспиранты и все молодые люди, интересующиеся историей.

МЕЖДУ ДВУМЯ ПОЛЮСАМИ

[СТЕПУН Ф. А. БОЛЬШЕВИЗМ И ХРИСТИАНСКАЯ ЭКЗИСТЕНЦИЯ.
ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ / СОСТ. В.К. КАНТОР. М.; СПБ.:
ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ, 2017. 896 С.
(СЕРИЯ «ПИСЬМЕНА ВРЕМЕНИ»)]

Александр Кириллович Страхов

Бакалавр факультета гуманитарных наук Школы философии НИУ ВШЭ.
E-mail: akstrakhow@gmail.com

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-185-189

Введение

Предмет рецензии — составленный В. К. Кантором второй¹ том избранных сочинений Ф. А. Степуна «Большевизм и христианская экзистенция». Книга включает не только заглавный труд философа, но и его мемуары «Встречи», статьи «Современный философский распад и философское значение критицизма», «Родина, отечество и чужбина», «О корнях большевизма, о демократии, свободе и будущем России», «Нация и национализм» и другие избранные сочинения, а также воспоминания о самом Степуне. В то время как первый том, условно говоря, предлагает очерк биографии автора до эмиграции, второй больше рассказывает о том, что произошло после.

Здесь будет предпринята попытка осмыслить особое место данного издания в ряде книг Степуна и о Степуне, выявить неоднозначные места и понять логику составителя: почему именно эти сочинения и именно таким образом вошли в том. Помимо этого попробуем выделить и обнажить проблематический нерв, проходящий через все публикуемые сочинения философа: религия и политика так или иначе затрагивают всякого, и каждый обращает внимание на эти области. В таком случае перед субъектом встают два вопроса. Первый: действительно ли является личным для него обращение к религии и политике, и — второй — как сосуществуют и соотносятся обе области в его восприятии?

Прежде чем реконструировать логику составителя книги, обратимся к общему исследовательскому контексту. Изучение творчества Степуна затруднено, во-первых, невозможностью соотнести его учение с одной из общих классификационных моделей. Он не религиозный философ, не социолог, не публицист: его метод являет собой синтез всех этих начал. Во-вторых, нуж-

¹ По замыслу объединяющийся с более ранним изданием: Степун Ф. А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Вступ. статья, вступление и комментарии В. К. Кантора. М.: Астрель, 2009. 807 с.

но иметь в виду, что часть текстов Степуна написана по-немецки, другая — по-русски, и единая языковая картина мира в такой ситуации выстраивается с трудом. Итак, каково значение Степуна и в рамках современного ему периода, и относительно нынешних исследований? И, наконец, что нового предлагается в данном томе избранных сочинений?

Чтобы критически верно оценить подборку сочинений Ф. А. Степуна в книге «Большевизм и христианская экзистенция», стоит отметить, что дело обстоит необычно: долгое время Степун был неизвестен в России, что изменилось благодаря усилиям В. К. Кантора. В Германии же, где предпринимались свои попытки изучения творчества философа (в трудах К. Хуфен, В. В. Янца, Л. Люкс), по вышеупомянутым причинам концептуализация не состоялась. Данное собрание в том числе направлено на устранение остаточной неизвестности и сопутствующих затруднений.

Нельзя умалить ценность данного собрания работ Ф. А. Степуна, составленного В. К. Кантором, и не обратить внимания читателя на особенную возможность приобщиться к наследию философа. В чем же особенность? С этого, пожалуй, можно начать обращение к содержанию.

Новизна и проблематика издания

Думается, что главной задачей Кантора было не столько показать широту вопросов (политических, художественных, философских, религиозных и др.), интересовавших Степуна и ставших предметом его статей, сколько воссоздать его цельную и неделимую личность, обеспечившую стройность и непротиворечивость его концепций при всем их многообразии. Вот почему центральным и оживляющим моментом представляется чрезвычайная гуманитарность сборника: он составлен таким образом, что все тексты мыслятся как продолжающие и дополняющие друг друга при всей разности проблематики. Перед нами всестороннее и органичное свидетельство единства мышления, не допускающее узконаправленного и подавляющего чтения/понимания наследия Степуна. Это может показаться как несоизмеримым достоинством, так и непонятным излишеством, не каждому интересным, однако воля читателя может и не совпадать с волей составителя. Меж тем у Кантора не было цели углубиться в ту или иную область жизни Степуна; все в том же смысле сочинения вызывают читателя на сотворчество, а не провоцируют создание пусть глубокой, но ограниченной концепции. Перед нами цельная человечность, сохранившаяся и в работах Степуна разных лет, тем, жанров, и в памяти его современников.

Таким образом, особая композиция «Избранных сочинений» двойственна по отношению к читателю, только положившему начало знакомству с насле-

дием Степуна. С одной стороны, чтение «Большевизма и христианской экзистенции» обязательно пробуждает в читателе, не лишенном толики чуткости, ощущение живой связи и заинтересованности, при котором подлинное понимание и интерпретация мысли оборачиваются взаимодействием с текстом как бы самим по себе. Здесь же начинается и другая сторона: мы узнаем Степуна как гуманитарного деятеля, но не как собственно социолога, или собственно публициста, или собственно философа. Стоит уточнить, что духовная жизнь Степуна, ее развитие представлены настолько полно, насколько это вообще возможно в сборнике; понимая человека, мы сначала вынуждены обобщать, отказываясь от конкретности, чтобы потом диалектически возвратиться к ней. Тонкости мысли Степуна, последовательное и основательное рассуждение, оставшись лишь намеченными в его статьях, обязуют читателя продолжить приобщение к мысли автора.

Большевизм и христианская экзистенция являются как бы двумя полюсами, между которыми разворачивается содержание данных текстов, с одной стороны, с другой же — время жизни Степуна. Можно даже в романтическом ключе сравнить их с двумя началами, наиболее существенными для данного автора, где первое — темное, хтоническое, требующее, а второе — светлое, проясняющее, любящее; между ними существует связь, но вместе с тем качество этой связи может быть различным. На понимание этого феномена и направлены столь многие усилия Степуна, остро видящего привходящую, но от этого не менее болезненную разрозненность. Нельзя понять этих усилий, не поняв того, кто их прикладывал.

Отдельно стоит отметить воссоздание Кантором наиболее полного русского текста «Большевизма и христианской экзистенции».

Достоинства и недостатки издания

Не повторяя описанного ранее, можно отметить: уже в первом разделе обозначены сквозные темы, пронизывающие остальные тексты. Похожим образом первая статья в разделе как бы завязывает сюжет или задает тон, в соответствии с которым происходит развитие той же линии в последующих текстах. Полезные всякому новому читателю мнения современников об авторе располагаются в конце, и это естественным путем позволяет ему составить свое суждение прежде иных, пусть даже авторитетных. Все это, помимо здравого смысла и чувства меры, не только представляет собой упомянутый общий проблематический нерв, но и обеспечивает композиционное единство, в том числе и с томом «Жизнь и творчество». Такая структурная строгость, нелегко достижимая, очень пригодится всякому исследователю Степуна как образец последовательности и упорядоченности, удобный для классификации, но

вместе с тем и допускающий свободу интерпретации, конечно, неизбежную при всяком составлении.

Комментарии, как водится, дело почти всегда заведомо и полностью провальное, хотя бы потому, что баланс качества и количества, во всяком случае, труднодостижим и только при сужении задачи и определенном везении может быть осуществлен. Комментарии данного тома по преимуществу ориентированы на большую или меньшую потребность в укреплении исторической и контекстуальной осведомленности. И хотя они вполне отвечают этой задаче, находятся и примеры обыкновенной недооценки подготовленности читателя. Однако с подобной дилеммой сталкивается всякое издание: проговорить очевидное или умолчать о неясном?

Еще раз отметим тот зазор между текстами, о котором говорилось в связи с углублением тем: иногда при переходе от одного сочинения к другому создается впечатление тематического скачка. Стилистически разноплановое, но содержательно единое собрание произведений Степуна само по себе воспринимается несколько двойственно, однако к концу тома это впечатление снимается. На протяжении всего тома представления о Степуне, возникающие с разных сторон, наполняются так, что и зазоры между разными сторонами как бы утрачиваются.

Заключение

В завершение повторим главные моменты. О наиболее важном единстве личности, удачно отображенном в данном случае, было сказано немало. Адаптация текста и содержательно, и формально выполнена доходчиво и открыто, одновременно без ущемления читателя и с уважением к автору. И для случайно любопытствующего, и для профессионально заинтересованного в данном сборнике найдется немало ценного и полезного. Актуальность, более очевидная специалистам, станем явной и для широкого читателя.

Наконец, стоит отметить подчеркнутую еще более полувека назад в одной из многочисленных рецензий на «Большевизм и христианскую экзистенцию» важность мысли Степуна относительно российской геополитической идентичности: «Принадлежит Россия к Европе или к Азии? Вопрос, которому Степун придает такое большое значение, считая, что защита Европы от советского коммунизма возможна только при условии, что на Россию будут смотреть не как на азиатский аванпост в Европе, а как на европейский в Азии» (Rainer, 1959). Несомненно, что мир переменялся и что теперь политические и социальные отношения и понятия прошлого не могут быть применены так же; зачем же изучать Степуна в данном контексте, не принимая во внимание уроки истории?

По меньшей мере для того, чтобы иметь представление о такого рода применимости: о ее границах, о ее следствиях, выходящих за границы, и многом прочем, что открывается при чтении Степуна. По наибольшей мере можно было бы попытаться развить в соответствии с современностью авторские взгляды, дабы разграничить привходящее и пребывающее в них. Например, дихотомия Азия и Европы имеет уже совсем иной смысл, чем во время написания произведений Степуна, но чуткий исследователь может подобрать удачные синонимы, отвечающие положению дел сегодня. Глубинная и таинственная связь политического и религиозного, размышления о ней — наглядный пример того актуального, к чему может обращаться не только российское общество, но и всякое, обнаружившее хотя бы только возможную опасность внутреннего раскола.

Литература

Refernces

Rainer C. (1959). Rußland — asiatischer Vorposten in Europa? // *Der Tagesspiegel*. Berlin. 13. 5.

ИМЕНОВАНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ ЭТНИЧЕСКАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ

[ГАЙДА Ф. А. ГРАНИ И РУБЕЖИ: ПОНЯТИЯ «УКРАИНА» И «УКРАИНЦЫ» В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2019. 200 С. (SEESTA. XXV)]

Выпускать научный труд в ситуации перманентного политического обострения вопроса, в нем освещаемого, — крайне рискованный шаг и для автора, и для издательства. Однако Федор Гайда и Модест Колеров его предприняли, и это вызывает отрадное чувство: значит, научная мысль, а также издательская политика хотя бы в некоторых случаях даже в наше время независимы от какой-либо конъюнктуры.

Интересно, что волею судеб рецензия на монографию Ф. Гайды публикуется в том же номере журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог», что и отклик на книгу В. К. Кантора «Демифологизация русской культуры». Основной пафос у обоих авторов един: определить настоящее имя явления — значит уничтожить миф, враждебный истине. Именование есть способ борьбы с ложными смыслами, которые, как известно, зачастую начинают пахнуть совсем не метафорической кровью...

Итак, к каким же выводам на основе весьма репрезентативного историко-литературного материала приходит исследователь? Но нет, сначала лучше о самом материале. Гайда привлек для анализа корпус исторических, документальных, литературных, публицистических текстов начиная с XII и заканчивая XX веком. Если первые контексты извлечены им из Ипатьевской летописи 6695 (1187) г., то последние — из государственных документов первой половины прошлого столетия. Важно, что *историческая по принципу* работа оказалась *лингвистической по сути*: бытование раннего понятия «оукраина» увенчалось рождением самоназвания целого народа. Текстовые свидетельства позволяют историку понять и доказательно утверждать, что «в Российском государстве с рубежа XV–XVI вв. существовала и Украина в узком смысле слова — окская Украина», а в промежуток со второй четверти до середины XVII в. «Украиной» в узком смысле слова также стали именовать земли Среднего Поднепровья», и «в подобных именовании не было никакого этнического оттенка». Этимология свидетельствует о постепенном осознании чисто географического, регионального понятия в ином — этническом — качестве, а история рассказывает о том, как козаки (казаки) постепенно превращались в малороссиян, чтобы потом стать украинцами. Кстати говоря, Гайда напомнил читателям, что в самом термине «Малая Россия» нет ничего уничижительного для народа, поскольку «малый» здесь не имеет ни-

чего общего с «маленький»; напротив, имеется в виду центр, но это центр Руси, с которой жители этих земель себя без сомнений идентифицировали.

Чрезвычайно интересно и нетривиально, что европейская традиция применения термина «украинцы» идет от Вольтера — вот уж воистину неисповедимы пути слов. Позднее самоназвание народа, явившееся из исконно славянского слова и прошедшее через горнило европейского Просвещения, есть один из необъяснимых парадоксов исторической лингвистики...

Предоставим, однако, слово Федору Гайде.

«В **ретроспективном** ключе прямая, без боковых ветвей, “генеалогия” современного термина “украинцы” реконструируется следующим образом:

(1) Первоначальное **самоназвание** пограничных дворян подмосковного Поочья (XVI–XVII вв.) превратилось в (2) **официальный военно-сословный термин**, которые при Петре I был распространен на слобожан.

(3) В дальнейшем “украинцы” вплоть до начала XX в. превратился в объект **литературных** штудий:

(3a) В конце XVIII в. историк А. И. Ригельман уравнивал это слово с понятием “малороссияне”.

(3b) В середине XIX в. заимствованный у историка термин был превращен общественным деятелем В. М. Белозерским из географического понятия в **этноним**.

(3c) Критик А. П. Милюков в 1864 г. придал ему **партийно-политическое** значение (украинофил), унаследованное В. И. Кельсиевым, М. П. Драгомановым и Б. Д. Гринченко.

(3d) Революционер Н. И. Михновский в 1902 г. вновь вернул слову этническое значение, но уже в новом **классовом** осмыслении (угнетенная нация крестьян и рабочих). Пропаганду термина осуществляли члены Революционной Украинской партии, от которых он был воспринят как Центральной радой, так и большевиками.

(4) В результате “коренизации” 1920-х гг. понятие стало этническим **самоназванием**» (выделено автором. — *Ред.*).

Помимо собственно исторического анализа, в монографию входит ряд документов, а также статьи автора, посвященные злободневному вопросу самоидентификации народа, еще так недавно — если вдуматься, всего каких-нибудь два поколения назад — считавшего себя русским. Книга будет интересна всем, кому интересен осмысленный взгляд на историю. Отдельно нужно отметить, что монография Федора Гайды представляется образцом современного исследования, исчерпывающе освещающим проблему, структурированным в соответствии с проблематикой, снабженным всем необходимым справочным материалом.

Фальсификаторам просьба не беспокоиться.

**НОВОСТИ СМЫСЛОПРОИЗВОДСТВА
[СЕРИЯ «ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ». ПАРТНЕР ПРОЕКТА —
ВОЛЬНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «АРЗАМАС».
РЕДАКТОР СЕРИИ Д. Б. СПОРОВ.
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2017]**

Наше время можно по желанию хвалить или ненавидеть, но одно бесспорно: принадлежа к переломным — прежде всего в плане общенационального мировоззрения — эпохам, оно предоставляет исследователю-гуманитарию колоссальные возможности. Старые смыслы сломаны, скомпрометированы, не работают. Нечувствительно обнаруживая, сколько совсем не воодушевляющего вранья и банальной клеветы стояло за оценками и концепциями официальных советских историографов, уважающий себя ученый от подобной, если позволительно так выразиться, аксиологии предпочтет уклониться. Оболганный Чернышевский. Ошельмованный Гапон. Возвеличенный Герцен. Превознесенный Бакунин... Все это так странно знакомо, и со всем так хочется поскорее расстаться.

Новые смыслы, однако, только формируются, причем в обстановке, не способствующей возникновению стройного и непротиворечивого дискурса, построенного на всестороннем и непредвзятом рассмотрении избранного предмета. Кризис гуманитарной науки во многом обусловлен отношением к указанной области со стороны социальных структур, в реальности не очень-то понимающих, зачем эта самая наука вообще нужна. Жить сегодняшним днем — прекрасная установка, однако не исключающая понимания, что «сегодня» складывается из мириад версий «вчера» и бессмысленно без перспективы в «завтра». Да никто ведь сам так и не живет, в частности, и те, кто сокращает научные ставки и урезает финансирование; это грандиозная ложь уже нашего времени, в которой надо хотя бы отдать себе отчет, раз уж с этим так трудно, а то и невозможно бороться.

Однако от социальных проблем лучше сразу вернуться к научным. В области истории сегодня необходима глобальная перекодировка понятий и широкое использование иных, чем 50 лет назад, методологий. Невозможно ведь делать вид, будто школы «Анналов» не существовало или что она не касается русской историографии. На практике это означает, что весь массив фактического материала, даже и введенный в науку, нуждается в том, чтобы быть прочитанным внимательно и заново, как если бы впервые.

На подобную попытку отваживаются историки, выпускающие свои книги в серии «Что такое Россия» издательства «Новое литературное обозрение»: https://www.nlobooks.ru/books/chto_takoe_rossiya/. Проект, инициированный главой

НЛО Ириной Прохоровой, ведет редактор Дмитрий Споров, президент Фонда развития гуманитарных исследований «Устная история», заведующий Отделом устной истории Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова. Одиннадцать книг, увидевших свет за три года, — достойный промежуточный результат для серии, которую никто не имеет в виду прекращать. Вот они: Кирилл Соловьев «Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна», Вера Мильчина «“Французы полезные и вредные”: надзор за иностранцами в России при Николае I», Евгений Анисимов «Петр Первый: благо или зло для России?», Иван Курилла «Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США», Амиран Урушадзе «Кавказская война. Семь историй», Александр Филюшкин «Первое противостояние России и Европы: Ливонская война», Михаил Кром «Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков», Дуглас Смит «Бывшие люди. Последние дни русской аристократии», Кирилл Соловьев «Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906–1917 годах», Елена Осокина «Алхимия советской индустриализации: время Торгсина», Евгений Анисимов «Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке».

Одних названий достаточно, чтобы понять: историческая проблематика серии непосредственно касается сегодняшнего дня. Впрочем, в истории всегда так: чуть что случись, сразу при желании найдешь аналог в прошлом, только пожелай. С путями решения, с выводами, вариантами и т.п. Главное, конечно, захотеть: история учит только и исключительно тех, кто сами жаждут учиться, остальных отправляет — кого на второй год, а кого и на второе столетие (особо одаренных — на тысячелетие).

Все книги серии написаны, как говорится, популярным языком. Что это значит? Ничего уничижительного во всяком случае: Карамзин писал свой многотомник *популярным языком*, рассчитывая на *простого читателя-неспециалиста* — просто в его время популярный язык и простой читатель социально и психологически отличались от сегодняшнего. Да, в книгах серии отсутствует справочный аппарат в виде сносок, но он является атрибутом строго научных изданий и действительно не нужен тому, для кого наука не является профессией. Тем более каждая книга снабжена подробной библиографией. Но доходчивость изложения вовсе не означает недостоверность информации. «Задача, которую мы решаем, — подчеркивал Споров, — популяризовать современное академическое знание о прошлом» (Калашникова).

Общая черта всех книг проекта — то, что они пишутся для людей и о людях. Вера Мильчина сформулировала и свое, и общее для всех специалистов кредо так: «Меня интересуют в первую очередь конкретные французы в их отношениях с Россией и русскими, то есть не история, а истории французов в России».

(выделено автором. — В. К.) <...> Леопольда фон Ранке, призывавшего историков показывать, “как все было на самом деле”, многократно обвиняли в наивности; однако мне — да и не мне одной — кажется все-таки, что, не имея такого намерения, не стоит и заниматься историей». А характеризуя Николая II, Кирилл Соловьев обмолвился: «За свое довольно продолжительное царствование немногословный и весьма скрытный государь произнес много слов, очень разных по смыслу и тональности. Их не сложить в простую формулу, объясняющую личность императора. Ее трудно понять, видя все в черно-белых красках: сильный или слабый, волевой или нерешительный и т.д. Нужны полутона».

Нужны полутона. Эти два простых слова — ключ к формированию, как хочется надеяться, нового исторического мышления, при котором мир, движущийся во времени, не видится ни белым, ни красным, но предстает многоцветным, не обходясь даже оттенками. И если такой взгляд в обществе сформируется, он-то и станет залогом возникновения нового мышления, которое не способны породить никакой объявленный плюрализм и никакая провозглашенная толерантность. Потому что гуманитарная наука, ныне столь непонятная и ненужная, призвана обращать внимание всех и каждого на простой факт: все, что делается людьми, делается для людей, а не для абстракций типа общественно-экономических формаций или даже справедливо устроенного общества (первое условно, а второе несбыточно).

Без *полутонов* нельзя понять историю великого князя Николая Константиновича, старшего сына Константина Николаевича и племянника Александра II. Надежда семьи, первый из Романовых получивший образование в высшем учебном заведении, он полюбил американку Хэтти Блэкфорд, она же Фанни Лир. Что, разумеется, не вызвало восторга родственников. После некоторых пертурбаций, описанных Иваном Курилой, великий князь похитил с оклада семейной иконы три бриллианта, чтобы порадовать возлюбленную подарками. Романовы сначала хотели отправить его на каторгу или отдать в солдаты, но затем объявили сумасшедшим, лишили наследства, званий и наград, выслали из Петербурга и запретили упоминать его имя в связи с царствующим домом. Фанни Лир выслали из страны. В результате Николай после долгих перемещений из пункта А в пункт Б осел в Ташкенте, женился на дочери местного полицмейстера и занялся общественными делами, в том числе ирригационными проектами. «Во время ташкентского изгнания бывший великий князь получил подарок от матери. Та прислала ему скульптуру женщины с яблоком в руке — портрет Фанни Лир, сделанный по заказу Николая в Италии. Эта скульптура стала позднее экспонатом Ташкентского музея изобразительных искусств. Кстати, в основу всего этого музея, созданного в Ташкенте в 1919 году, легла коллекция европейской и русской живописи ве-

ликого князя». Февральскую революцию Николай Константинович Романов встретил, разумеется, с восторгом. Правда, в 1918 г. его жизнь оборвалась, и никто в точности не знает, ни как он умер, ни где похоронен.

История любви и жизни изложена Иваном Куриллой без каких-либо оценок по шкале «хорошо — плохо», без пафоса или даже намек на бульварную интонацию. Тем не менее она завораживает. Вопрос, а зачем это знать человеку, интересующемуся русско-американскими связями, отпадает сам собой: в обеих странах живут и жили люди, и в каком-то смысле драма Николая Константиновича значительнее, чем продажа Аляски. Но это лишь поверхностный вывод. Можно подумать и о более глубоком. Внимание автора к судьбе отдельного человека, не важно, Романова или нет, непременно побуждает читателя и к собственной судьбе отнестись иначе, а это — мина замедленного действия под постмодернистские идеи «конца биографии» и «конца истории». Парадигма меняется и относительно этой точки отсчета.

Без *полутонов* нельзя понять ни один из семи сюжетов «Кавказской войны», каждый из которых связан с каким-нибудь одним героем, но при этом вбирает судьбы множества персонажей, даже при эпизодичности появления показанных выпукло и емко, во множестве граней индивидуального характера. В этой книге, как, впрочем, и в других, очень интересно смотреть, как «исторически обусловленное» (временем, мировоззрением, традициями) перекликается в человеческих поступках, в сделанном выборе с индивидуальным, вневременным, не обусловленным ни воспитанием, ни образом жизни. Мы видим улыбку графа Михаила Семеновича Воронцова, одну из самых неискренних в истории, — и параллельно узнаем, что Воронцов до сих пор остается едва ли не самым благородным *героем Кавказа*...

Речь идет не о пресловутом «переписывании истории» — словосочетание это навязло в зубах и являет собой, если разобраться, вопиющую околонучную пошлость, злую и соблазнительную: если история сочинялась не для человека, значит, она еще не написана вовсе. Главное здесь — совокупное высказывание автора идеи, редактора серии и авторов книг, обращенное к читателю, к тебе и к тебе, лично. К тому, кто захочет купить — кстати, недорогую, хорошо оформленную (с иллюстрациями!), с крупным шрифтом и приятной глазу гарнитурой — книгу.

Литература

Калашникова Е. «Что такое Россия» // URL: <https://urokiistorii.ru/article/54384>. Дата обращения: 24.08.2019.

References

Kalashnikova E. «Chto takoe Rossiya» // URL: <https://urokiistorii.ru/article/54384>. Data obrashcheniya: 24.08.2019.

**РЕТРОСПЕКТИВА СМЫСЛА: ОТ МОГИЛЫ К КОЛЫБЕЛИ
[ГАВРЮШИН Н. К. У КОЛЫБЕЛИ СМЫСЛОВ:
СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2019. 816 С.
(ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ. Т. 22)]**

Издательство Модеста Колерова представлено здесь во второй раз, и следует, вероятно, сказать о нем хотя бы немного. М. А. Колеров по собственной инициативе и личному выбору издает философскую литературу. Во-первых, книги, которые он выпускает, отличаются высокой полиграфической культурой. Это важно, поскольку небрежно сделанное издание всегда адресовано «никому». Здесь же, учитывая микроскопически малую (с учетом специфики философской литературы) читательскую аудиторию, каждый экземпляр волей-неволей получается адресным — пускай адресат и неизвестен. Во-вторых, и это, конечно, важнее, личный выбор издателя и одновременно мецената оказывается, как ни странно, некоторым камертоном *вкуса* — если это определение применимо к научной литературе. Будучи сам себе хозяин, Колеров волен публиковать произведения тех исследователей, которые не вписываются в общую картину. Идут, так сказать, против течения. Что само по себе ни хорошо и ни плохо: смыслы могут быть и не растиражированными. Главное, чтобы они присутствовали.

Книга «У колыбели смыслов», по признанию автора, Н. К. Гаврюшина, состоит из статей, ранее опубликованных в различных изданиях или неждавшихся публикаций. Тематический диапазон широк — здесь и сравнение Вольтера и Григория Сковороды в софиологическом контексте, и историософия Н. М. Карамзина, и исследование круга чтения митрополита Филарета (Дроздова), формирование его философских пристрастий, и осмысление страниц биографии Г. Г. Шпета, и сравнение взглядов С. И. Вавилова и Эмиля Жебара, и философско-искусствоведческие этюды, и исследования сложнейшего феномена, известного под именем «русского космизма». Особый раздел «Над древними рукописями» составляют работы Гаврюшина над текстами, относящимися к области древнерусской книжности. А поскольку Гаврюшин много времени отдал осмыслению творчества Циолковского, то в третий раздел книги включены статьи, посвященные этому удивительному философу, причем некоторые имеют парадоксальные заглавия: «Циолковский и стоицизм», «А был ли “русский космизм”?» и др.

Гаврюшин убедительно показывает, что русская мысль в самой своей первооснове никогда не была замкнутой, самоцентричной, ей изначально присущ вселенский, всемирный, если угодно — всеевропейский, диалогический характер. В мистике и историософии Карамзина нет ни намека на «учениче-

ство», хотя «первый русский европеец» как будто и проявлял некий специальный *решипект* к европейским мыслителям. На самом же деле процесс у-своения «западной премудрости» шел у него так легко и ненатужно, что и о-своением его не назовешь — он пришел на *свое* поле, как будто за ним простиралась широкая, глубокая традиция отечественного философствования...

Кстати о премудрости. Гаврюшин сразу поставил вопрос о двух понятиях, разум и премудрость, и показал, насколько второе ближе русскому философскому сознанию, религиозному по природе. Неслучайно, например, С. С. Прокофьева он рассматривает как религиозного мыслителя, причем опять-таки всеевропейского масштаба и направления: «Прокофьев прекрасно знал, что основным маяком для идейно близких ему евразийцев было православие, и вряд ли ему могло прийти в голову противопоставлять “вере отцов” какое-либо другое учение. Тем не менее, нельзя не признать, что в формировании богословского сознания композитора участвовали не только отроческие впечатления и немецкая философия (русской апологетической литературы всегда было мало), но и знакомство с движением “Христианская наука” (Christian Science). <...> Как творческая личность, Прокофьев особенно нуждался в раскрытии религии как формы *свободной духовной деятельности* (выделено автором. — *Ред.*), и именно это он нашел в Christian Science».

Данный пассаж — лишь одна иллюстрация широты исследовательского поля, на котором работает автор. Будучи сам русским европейцем, он с очевидностью ищет базу зарождения смыслов, находя ее порой в местах парадоксальных и удивительных.

Однако мудрый берет свое там, где оно есть.

Редакция с прискорбием уведомляет читателей, что Николай Константинович Гаврюшин скончался 13 августа 2019 г.

**РОЖДЕНИЕ ПОЭЗИИ ИЗ ДУХА НИЦШЕ
[КАМПАНА Д. ОРФИЧЕСКИЕ ПЕСНИ / ПЕР. С ИТАЛ.,
ВСТУП. СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ П. ЕПИФАНОВА.
М.: РЕКА ВРЕМЕН, 2019. 232 С., ИЛЛ.]**

В недавнем выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе израильский историк-медиевист Юваль Ной Харари, автор книг «Sapiens: Краткая история человечества» и «Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня», поделился прогнозами насчет ближайшего — буквально лет через сто — будущего человечества. Прогнозы, прямо сказать, звучат для сегодняшнего уха страшновато, заинтересовавшиеся могут пройти по ссылке и ознакомиться лично: <https://bykvu.com/bukvy/84181-bolshinstvo-lyudej-ne-ozoznayut-что-proiskhodit-rech-izrailskogo-istorika-v-davose>. Свою речь уважаемый историк заключил словами: «Кому же должна принадлежать информация? Честно, не знаю. Дискуссия об этом только началась. Нельзя ждать немедленного ответа на этот важный вопрос. К обсуждению должны подключиться ученые, философы, юристы и даже поэты. Особенно поэты! Ведь от ответа на него зависит будущее не только человечества, но и самой жизни на планете».

Надо же, — подумали мы в редакции. Век, если перефразировать Цветаеву, подумал о поэтах. Значит, действительно пахнет чем-то серьезным.

Роль поэзии, пребывающей ныне практически вне информационного поля, должна быть переосмыслена нами в русле творчества языка и личности, которое не прекращается ни в какой век. Не стоит *пропускать* ни одного значительного явления в этой области — следует заново научиться *пропускать через себя* то, что появляется на литературном поле, как в области родной литературы, так и в сфере переводов. В этом, кстати говоря, залог и свободного философствования, особенно на русской почве: вспомним, что Владимир Соловьев был поэтом и русская философия во многом возникла из поэзии. И в этом контексте обратим внимание на первую по-русски книгу итальянского поэта Дино Кампаны (1885–1932), поэта-философа, поэта-мечтателя, чтобы не сказать мистика, чьи произведения во многом питались философией Ницше.

Однако в поэзии Кампаны нет ничего «сверхчеловеческого» и даже «слишком человеческого». Нельзя сказать, будто бы этот итальянский отверженник-одиночка развивался в русле жизнетворчества; нет, он органично *жил* в этом русле и по-другому, цивилизованно, не мог и не умел. *Не слишком человеческая* природа Кампаны не была приспособлена к социальному существованию; не имея намерений разрывать индивидуальный общественный

договор, он его уничтожил потому только, что не получилось иначе; не будучи сумасшедшим от природы, стал им, поскольку ни сам он не знал, как приспособить себя к общепринятым моделям поведения, ни социум не понимал, как сочетать подобную личность с другими.

Переводчик Петр Епифанов традиционно берется за прививку к русской культуре именно зарубежных «дичков», поэтов и философов, оказавшихся на периферии, оставшихся на обочине, едва не упавших, окончательно и бесповоротно, в щель посмертного небытия. Среди них Антония Поцци и даже философ Симона Вейль, хотя ее нельзя с полным правом причислить к кругу забытых. Порой лишь чудом их произведения через поколение или даже два возвращаются к читателям; П. Епифанов стремится внедрить их в русскую культуру, лишенную за годы советской власти присущего ей важного компонента — странничества и странноприимства. Возвращение этой естественной, органичной черты через переводную литературу, через уроднение в читательском сердце атипичных, угловатых, апарадигмальных, если угодно, фигур — важная задача и важный вектор современного интеллектуального развития.

Работы Ницше «Веселая наука» и «Рождение трагедии из духа музыки» вдохновили Кампану на поиск поэтических средств выражения дионисийско-восторженного чувствования природы. «Первый вариант книги Дино, — пишет переводчик, как обычно, сопроводивший издание обширным предисловием и комментариями, — которая впоследствии, после значительной переделки, станет “Орфическими песнями”, будет содержать в себе множество аллюзий на Ницше и цитат из него. В окончательном варианте это останется лишь в опосредованной форме. Но и впечатление от прочитанного у Ницше, и, кажется, его чисто личное обаяние будет довлеть над Кампаной постоянно, и многие места его поэзии и прозы именно в этом контексте можно лучше понять и прочувствовать. Не обязательно при этом обращаться к Ницше за “расшифровкой” Кампаны или видеть в нем верховную санкцию того, что думает и пишет Кампана. Но, например, необходимый контрапункт к теме женского Божества Кампаны, к женским образам-путеводителям (они же “маски”, по Ницше, или “завесы”, как предпочитает выражаться Кампана) составляют афоризмы Ницше о женщинах <...>». Теория Ницше «позволила и Кампане осознать собственный жизненный и творческий путь как трагедию в античном смысле. <...> книга, которую Дино называл “единственным оправданием всего своего существования”, определялась им как “трагедия”. Ни одна из ее составных частей не имела сюжетных признаков этого жанра, но по восприятию собственного пути как высшего долга, по чувству неотвратимости предначертанной ему судьбы, герой Кампаны, пожалуй, стоит

ближе к героям Эсхила и Софокла, чем персонажи трагедии новоевропейской».

Что к этому добавить? Разве что напоминание о трагедии «Владимир Маяковский». И о том, что в самоименовании Дино Кампаны «последним германцем Италии» звучит, пусть и печальный, отзвук диалога культур, который не всегда бывает оптимистическим. И, конечно, несколько слов самого поэта.

Смеется воздух; и труба долин, взывая,
Пронзает горы, и копейщиков отряд
Сбегают вниз (в руках живые копья — и горят
У нас сердца), бежит, ручьи пересекая.
С высот слетая в полный блесков воздух,
Весь напряжен и трепетен, меж круч
Дрожит, в потоках раздробляя луч,
Двоих сердец соединенных отзвук...
Мост пробежавши длинной вереницей,
Вакхическое пенье гулким следом
Оставили: гора гудит ответом,
И пенье средь листвы еще кружится.

1. Владимир Прохорович Булдаков — д. ист. н., главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.
2. Мария Анатольевна Васильева — к. филол. н., ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына.
3. Наталья Михайловна Долгорукова — PhD, доцент департамента истории и теории литературы факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.
4. Евгений Александрович Ефремов — внештатный сотрудник Районного краеведческого музея г. Кондрово Калужской области, краевед.
5. Вероника Жобер — доктор славянских наук, заслуженный профессор Сорбонны.
6. Вера Владимировна Калмыкова — к. филол. н., член Союза писателей г. Москвы, шеф-редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог».
7. Владимир Карлович Кантор — д. филос. н., ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог».
8. Юлия Валериевна Клепикова — аспирантка Школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.
9. Леонид Михайлович Люкс — д. ист. н., научный руководитель Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ, бывший заведующий кафедрой новейшей истории Центральной и Восточной Европы Католического университета в г. Айхштетт.
10. Александр Мотелевич Мелихов — к. физ.-мат. н., писатель, философ, литературный критик, публицист, заместитель главного редактора журнала «Нева».
11. Лаура Петтинароли — ассоциированный профессор Парижского католического института.
12. Татьяна Юрьевна Сидорина — д. филос. н., профессор Школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.
13. Александр Кириллович Страхов — бакалавр Школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.